

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2014

Издание выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.su>

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (HESP), Норвежского института
международных отношений (NUPI), Стокгольмского института переходной
экономики (SITE), группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 2–3 (65) 2014

Семинар

- Экономика и политика в поисках баланса* 5
Алексей Кудрин
Дискуссия 10
- Уроки гражданского прагматизма* 21
Светлана Маковецкая
Дискуссия 29

Тема номера

- Историческая память и особый путь* 36
Борис Дубин

Вызовы и угрозы

- Парадоксы «мягкой силы» России* 42
Татьяна Кастуева-Жан

Концепция

- Коррупция: победима ли она в «отдельно взятой» стране?* 54
Владислав Иноземцев

Дискуссия

- О патриотизме* 65
Родион Гаршин

Верховенство права

- Что значит жить в федерации?* 72
Мигель Бельтран
- Скандинавский омбудсмен* 81
Арне Флифлет

Точка зрения

- Правда и истина в суде* 86
Сергей Пашин

Наука и общество

Пределы защиты информации 95
Георг Апенес

Гражданское общество

Гражданское образование и гражданская нация 100
Александр Согомонов

Школа и город: «родительские стратегии» и гражданские практики 112
Татьяна Шманкевич

Идеи и понятия

Куда ведет демографический переход? 120
Анатолий Вишневецкий

Горизонты понимания

Экономическая теория права и оптимизация государства 130
Александр Аузан

Личный опыт

Независимы ли английские судьи? 140
Марсия Леви

История о том, как поляки помогают гражданскому обществу Таджикистана 151
Мартына Квятковска,
Мартына Михалик

Наш анонс

Законотворчество как политический процесс 155
Екатерина Шульман

Книги

Как закончилась холодная война 167
Владислав Зубок

Контрапункт 173
Владимир Рыжков

Nota bene

Люди стареют 179
Стивен Поллард

В оформлении номера использованы работы авторов
из США, Франции и ФРГ.

Экономика и политика в поисках баланса*

Я почти не выступаю на темы о том, что такое политика и как сбалансировать ее с экономикой, но сейчас соотношение этих понятий является важным для страны и я хочу об этом поговорить.

Политику я определяю в узком и в широком смысле слова. Узкий подразумевает борьбу политических структур, политическую конкуренцию, выработку политических платформ. В широком смысле к политике относится любая общественная деятельность, влияющая на мнение граждан и принятие государственных решений. Мы вот всегда говорим об экономической политике. А, например, установление размера налоговой ставки на доходы населения — это политика или экономика? Они здесь неразрывны. Или повышение пенсионного возраста — политика или экономика? На первый взгляд, экономика, но ведь и политика в чистом виде, потому что эта мера совершенно очевидно повлияет на жизнь многих людей. Собственно, нам необходимо наладить связь между нашим пониманием нужд экономики и поддержкой основными группами населения проводимой экономической политики. Когда я, будучи министром финансов, принимал решения, приходилось искать компенсационные механизмы или переходные варианты: принимаем одно решение, которое многим не нравится, и сразу принимаем второе, которое как бы облегчает согласие с первым. Экономические решения предполагают некий компромисс, поиск баланса в политике. Такие законы, как, например, администрирование налогов, нам приходилось отрабатывать в течение года, еженедельно обсуждая детали с представителями бизнеса. И даже то, что получалось в результате, как правило, не устраивало обе стороны: бизнес хотел больших свобод и льгот, а государство боялось появления новых теневых зон в экономике. Так что баланс достигается тяжелейшим путем.

*Алексей Кудрин,
министр финансов
(2000–2011);
председатель правления
Фонда Кудрина
по поддержке гражданских
инициатив*

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 9 июня 2014 г.

Перейду теперь к факторам, важным для быстрого и эффективного развития общества. Прежде всего это демократические процессы, потому что они позволяют через политические институты четко формулировать и понятно объяснять экономические меры. Сегодня в России таких институтов не хватает. Могу сказать исходя из личного опыта: когда я посчитал чрезмерным для нашего развития серьезное увеличение оборонных расходов, был удивлен, что эта тема не вызвала большой дискуссии. Представим, что такое 20 триллионов рублей, направленные на оборону с 2011 по 2020 год и какими могут быть экономические последствия. Мы предлагали в качестве компромисса направить на оборонные расходы 13 триллионов рублей вместо 20 триллионов. В предыдущий период было потрачено 9 триллионов, и мы решили, что рост расходов достаточен. Но нам сказали, что бюджет останется максимальным: по отдельным видам вооружения увеличение закупок возрастает в четыре раза. Для меня очевидно, что вследствие этого будет остановлено развитие некоторых важнейших сфер российской экономики. Первое: мы не сможем наращивать расходы на инфраструктуру (дороги, порты, аэропорты), мы и сейчас ее недофинансируем. А инфраструктура нужна для быстрого развития экономики, чтобы ваш груз по железной дороге двигался не три недели, а одну, чтобы тарифы на грузовые перевозки были ниже, это очень важно. Второе: мы остановим расходы на образование, на его модернизацию и затормозим развитие отрасли. Сейчас лишь несколько ключевых российских вузов пере-

страиваются под современные технологии в рамках отдельных грантов и программ финансирования для федеральных университетов, научных институтов. Большинство государственных университетов не имеют возможностей для модернизации. Я уже не говорю об улучшении условий обучения, проживания, о внедрении новых образовательных программ, обмене специалистами с другими странами. Значит, в ближайшей перспективе нас ждут сложности с повышением качества и квалификации рабочей силы. Мы не будем успевать за технологическими изменениями в мире, не сможем готовить необходимое количество специалистов соответствующего качества. Приведу в пример Китай, он тоже этим озаботился. В Китае понимают, что сами не выучат то количество специалистов, которое должно работать на современных заводах через 15–20 лет. У них просто нет столько преподавателей. И они поставили задачу посылать ежегодно несколько сот тысяч студентов в зарубежные вузы. И вот во всех ключевых вузах мира вы сейчас встретите китайских студентов. Они понимают, какое количество людей у них через 15 лет должно обладать необходимой компетенцией. Мы в России недостаточно озабочены этой проблемой, и масштабы вложений в образование недостаточны. Все то же самое можно сказать о здравоохранении. Мы воспринимаем здравоохранение как важную качественную характеристику уровня жизни, но это еще и важнейший элемент трудоспособности населения и эффективности экономики. В сферу здравоохранения мы тоже инвестируем недостаточно.

Мне часто говорят: «Почему же вы раньше этого не делали?» Вообще-то за нулевые годы финансирование перечисленных сфер увеличилось в четыре раза. Понятно, что в силу благоприятных обстоятельств, но увеличилось. Я не знаю другого примера в мировой практике, чтобы за десять лет финансирование каких-то сфер выросло настолько. Но для России этого недостаточно. Нам нужно более разумно распределять финансовые потоки. Тут как раз важен политический выбор, который пока не сделан. Если мы сейчас попросим политические партии продемонстрировать их платформы и позиции по важнейшим проблемам, то, скорее всего, увидим слабо проработанные программы популистского свойства:

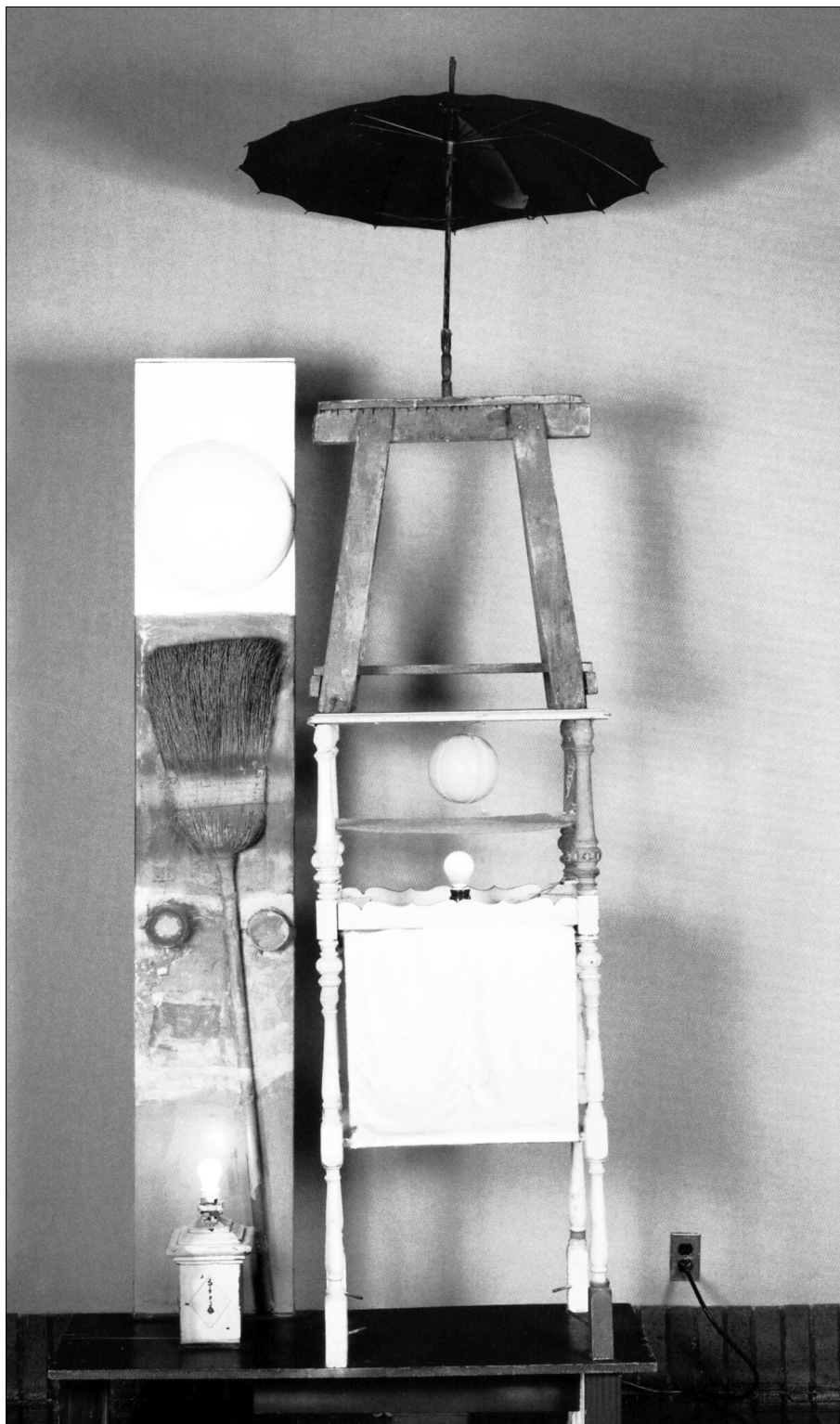
нужно то, и то, и то, и 20 триллионов на оборону тоже нужно, особенно в нынешних условиях. Но ресурс, которым мы должны распорядиться, ограничен.

Вернусь к тезису о связи политики и экономики в контексте демократических процессов. Что такое демократия? Полагаю, в первую очередь это возможность прийти к власти в результате политической борьбы. В конечном варианте политическая конкуренция приводит к сменяемости как в парламенте, так и на посту президента. Важным следствием политической сменяемости является то, что следующий руководитель проводит полную ревизию всего, что делал предшественник. А осознание, что любой шаг и каждое действие экономического свойства, прежде всего в хозяйственной деятельности, будут проанализированы, проверены, — важный фактор, сдерживающий коррупцию. И этот элемент у нас тоже в полной мере не срабатывает. Ощущения, что все будет проверено, пока нет. Вот что я считаю важнейшим элементом демокра-

тической системы. Для меня знаковый показатель, что после ухода с поста президента Саркози (я уже не говорю про Берлускони) всегда будет находиться под контролем, и если что-то там будет найдено, он понесет полную ответственность. Вот эти элементы должны быть в обществе. Без них ни одна политическая партия не будет действовать реально и эффективно.

Значит, в ближайшей перспективе нас ждут сложности с повышением качества и квалификации рабочей силы. Мы не будем успевать за технологическими изменениями в мире, не сможем готовить необходимое количество специалистов соответствующего качества

Еще один тезис. Мы все платим налоги. И мы все имеем право знать, как тратятся наши деньги. Существует ли механизм, обеспечивающий этот контроль? Живет ли в нас чувство ответственного налогоплательщика, которому не все равно, как работает местный совет, законодательный орган в области, федеральные власти? В России это чувство до конца не созрело. Чувство ответственного налогоплательщика выражается в том числе в политической деятельности — через формирование гражданской позиции по разным вопросам. В нулевые годы улучшение благосостояния страны происходило в значительной мере за счет ренты от использования природных ресурсов. Но рента выплачивалась не гражданами. В ВВП из 37% всех видов собираемых налогов и сборов больше трети приходилось на ренту, а на подоходный налог с физических лиц — около 3%. Доля налогоплательщиков, в общем, была небольшой. Чиновники легко и бесконтрольно перераспределяли легкие деньги — в

Роберт Раушенберг. Башня. 1957

результате не появилось достаточных механизмов обратной связи. Вот почему Комитет гражданских инициатив развивает проекты по созданию обратных связей — «открытый бюджет», «прозрачная полиция» и др. Известный проект правительства «открытое правительство» действует пока в имитационном режиме и не достигает своих серьезных целей. Законотворческая деятельность не обсуждается широко. Реальное открытое правительство предполагает механизм, действующий на базе экспертных площадок и влияющий на принятие решений. В данном случае даже если обсуждение имеет место, решение все равно принимается в узком кругу. А ключевые вопросы вообще чаще всего не выходят на широкое обсуждение.

Когда в России сложатся политические платформы и институты? Конечно, многое зависит от власти и большинства в Госдуме, от президента как гаранта конституции. Но кроме этого существуют реальные экономические процессы, которые все равно приведут к тому, что рано или поздно институты и платформы сложатся. Повышение благосостояния, качества жизни позволяет гражданам удовлетворять первейшие потребности и заставляет все больше участвовать в политической и общественной жизни. Мы с вами переживаем сейчас очень интересный момент. Благодаря рентной составляющей нулевых годов жизненный уровень людей повысился и оформился средний класс. Повышение интереса граждан к политике, стремление защищать свои интересы — объективные процессы. Шаг за шагом, постепенно появятся и механизмы, даже при наличии препятствий, потому что игнорировать мнение граждан уже нельзя. Оно выражается в протестном варианте или в других, достаточно жестких видах дискуссии. Полагаю, в ближайшие двадцать

лет в России произойдет становление реальных политических институтов и реального гражданского общества, усилится желание граждан участвовать в своей судьбе. Как бы ни сдерживали этот процесс, в том числе законом об иностранных агентах, Россию ждет резкий рост гражданской активности. В районе, во дворе, в школе и институте — везде развиваются формы гражданской активности.

Приведу примеры взаимовлияния политики и экономики из опыта европейских стран. Меня как финансиста и экономиста удивило, когда несколько лет назад нынешний премьер-министр Великобритании, руководитель Консервативной партии Кэмерон вышел на выборы с идеей сокращения государственных расходов. Общество, оказывается, способно понять, для чего нужно экономить — для сохранения суверенитета, возвращения рабочих мест, укрепления социального положения граждан. Оказывается, можно говорить непопулярные вещи и выигрывать выборы. И сегодня британская экономика опережает другие европейские экономики по темпам роста. А вот во Франции ситуация сложилась совсем иначе. Саркози повысил пенсионный возраст, и Олланд во время выборов на этом сыграл. Популистская стратегия во Франции обернулась повышением налогов и снижением темпов экономического роста. Вот вам две модели.

Нам в России нужно уходить от популизма, больше честно и прямо говорить с населением. В противном случае будем иметь неэффективную экономику и неэффективную страну. Из-за неразвитости политической ситуации мы, в общем, уже уперлись в экономическую неэффективность. При сохранении такой модели Россия продолжит отставать и не сможет стать современным государством.

Дискуссия

Наиль Байрамгулов, заместитель заведующего отделом государственной гражданской и муниципальной службы Управления президента Республики Башкортостан:

— В период кризиса 2008 года в некоторых странах было принято решение поддержать потребительский спрос, в России же, наоборот, правительство поддержало системообразующие банки и крупные предприятия. Было ли, на ваш взгляд, такое решение правильным? И второй вопрос. Если эта мера была правильной, возможен ли подобный сценарий в случае нового кризиса? Спасибо.

Алексей Кудрин:

— Не совсем точно вы сказали. В России действовала одна из крупнейших программ, стимулирующих спрос вообще, даже в отношении других стран. В развитых странах, например во Франции и Германии, объем стимулирующих программ составлял от 3 до 4% ВВП. В России — больше 5%. Мы очень существенно увеличили государственные расходы. При этом основная наша позиция заключалась в увеличении пенсий, потому что пенсионеры больше других потребляют отечественные товары. В 2009–2010 годах пенсия была повышена на 50%. Беспрецедентно, ни одна страна не могла такого сделать! Если другие страны зарплаты в государственном секторе замораживали, то Россия их повышала. Далее мы увеличили государственные инвестиции: государство закупало автомобили для армии, автобусы для муниципалитетов. Последних закупили на 20 миллиардов рублей примерно. Были и другие программы. Например, государство выступило поручителем для более чем 200 предприятий при оформлении банковских кредитов. Все они продолжили и расширили свою деятельность. Поддержка банков осуществлялась в виде кредитования. Был небольшой объем внесения средств госбанков в уставной капитал. А основная поддержка осуществлялась в виде кредитов, которые выдавал Фонд национального благосостояния России. Сегодня банки эти кредиты возвращают. Президент предлагает часть тех кредитов или продлить, или внести невозвращенные средства в уставной капитал банков и сохранить их стабильность.

Почему банкам была оказана поддержка? Почему, кстати, все страны уделили банкам ключевое внимание? Банки — артерии системы, если их перерезать, экономика остановится. На 40–50% активы банков состоят из наших вкладов, еще 40% — счета предприятий. Мы же спасаем не руководителей банков, а устойчивость института как получателя вкладов. Допусти мы серьезное банкротство — возникнет эффект домино, и в пер-

вую очередь деньги потеряют граждане. Если пойдет цепная реакция банкротств, вклады населения в лучшем случае сожмутся до 15–20% прежнего объема; от недостатка оборотных средств останутся предприятия. Банковской системе в момент кризиса нужно помогать для сохранения устойчивости экономики. Мы спасали банки на условии, что акционеры за рубль продают банк государству. Некоторые из сохранившихся продали активы, то есть акционеры потеряли 100%, но банк сохранился ради вкладчиков. Вот такая была система.

Наталья Захарова, пресс-секретарь главы города Нефтеюганска:

— Вы упомянули повышение пенсионного возраста среди серьезных экономико-политических факторов. Хотелось бы услышать ваши аргументы: почему вы выступаете «за» эту меру и почему правительство до сих пор не пошло на нее, какие плюсы и минусы сулит населению страны такое решение в случае его принятия?

Алексей Кудрин:

— Дело в том, что в силу исторических обстоятельств демографический спад Россия будет переживать более остро, чем другие страны. Мы с большими потерями вышли из войны, много молодого населения, особенно мужского, потеряно в 90-е годы. Пока численность населения растет, но через несколько лет нас ждет серьезный демографический спад. Количество работоспособных граждан, а именно они в основном платят налоги, сейчас сокращается ежегодно на цифру от 300 тысяч (2007 год), а в 2013–2015 годах, по данным Минтруда, ежегодное сокращение достигнет миллиона человек. Возникнет дефицит рабочей силы, уменьшится объем налогов, поступающих в бюджет, и упадут расходы на социальные нужды; количество пенсионеров будет расти, а количество налогоплательщиков снижаться. Страны, которых это коснулось, в какой-то момент переходят к повышению пенсионного возраста. И нам в России уже кажется допустимым выход мужчин на пенсию в 63 года, женщин — в 60 или, может, тоже в 63, потому что у женщин большая продолжительность жизни.

В России сложилась уникальная ситуация: количество работающих пенсионеров подбирается к 40%, называю цифру по памяти. Пенсионеры все равно работают. На мой взгляд, было бы правильно обеспечить пенсию тем, кто переступил 65-летний возрастной порог и уже не может работать. Давайте распределим ресурсы разумно и правильно, в пользу пенсионеров. Если мы этого не делаем, а продолжаем механически индексировать пенсии, то финансируем за счет бюджета 30%-й дефицит Пенсионного фонда, это более триллиона рублей. Как следствие, мы не направляем бюджетные средства на развитие инфраструктуры, образования, здравоохранения, а просто проедаем. Мы сегодня проедаем программы развития страны.

Полагаю, повышение пенсионного возраста у нас прошло бы не так болезненно, как многие считают. Оно не коснется 40 миллионов нынешних пенсионеров, потому что они уже пенсионеры. Проблема более позднего выхода на пенсию, по сути, затрагивает 60 миллионов работающих граждан. Но молодежь, как правило, о пенсии не думает и не воспринимает эту

тему как критическую. Она беспокоит тех, кому предстоит выйти на пенсию в ближайшие 10 лет. Из них, предполагаю, только половина собирается жить на пенсионные средства. Другие будут дополнять их накоплениями, доходами от недвижимости и помощью других членов семьи, может быть. Кроме того, переход к новому пенсионному возрасту должен осуществляться постепенно, в течение 10–15 лет. Мы популистски оттягиваем то, что в любом случае придется делать, и проигрываем время, нужное для установления нормальных пропорций в экономике.

Вахтанг Цоцонава, предприниматель, Грузия:

— После августа 2008 года скептики говорили, что «другой России» не существует. Существует одна Россия, которая оккупировала нашу территорию. Я человек, который получил образование в Москве. Я человек, который, как и многие мои сограждане, очень любит Россию. И, благодаря вам, я считаю, что другая Россия все-таки есть. Больше спасибо вам за это. Вы говорили о важных реформах, нужных стране. Вчера тут выступала депутат Государственной думы, которая тоже говорила о множестве проблем. И мне, если честно, непонятно, зачем стране с такими проблемами финансировать два сепаратистских региона, после признания которых Россия получила серьезные проблемы и на международном уровне. Но вот мой вопрос: насколько, на ваш взгляд, российское общество готово принять реформы? Реформы в Грузии, например, проходили очень болезненно. Но маленькой стране легче перебороть боль. Учитывая географические масштабы Российской Федерации, готово ли российское общество принять реформы?

Алексей Кудрин:

— Российскому обществу нужно начать дискуссию о том, что нас ждет и что может прийти следом за популистскими настроениями. Сегодня вроде все неплохо, и нам обещают, что все будет хорошо. Но мы проигрываем каждый год. Мир развивается, все быстрее и быстрее, а Россия отстает. Темпы годового экономического роста ниже 3,5% означают стагнацию и деградацию. Прирост нужен выше 3,5%, потому что это среднемировой показатель. Если наша динамика роста оказывается ниже среднемировой, мы становимся меньше в мировой экономике, теряем в конкурентоспособности. Я представляю, какие общеизвестные в экономике меры нужны, чтобы этого не было. Но боязнь потерять рейтинг перед очередными выборами, муниципальными, областными, губернаторскими или парламентскими, заставляет власть оттягивать структурные изменения. Остановка экономического роста — серьезный сигнал. Впервые за последние, наверное, лет 14 мы можем столкнуться с обнулением роста реальных доходов населения. Вот это будет реальный вызов. Уверен, что нынешняя власть или другая, обновленная на выборах, будет вынуждена и начнет принимать более смелые решения.

Вообще окно возможностей для реформ открывается после выборов, в тот благоприятный период, когда полномочия даны и думать о следующих выборах пока рано. В прошлом году я заявил, что Государственная дума

проспала свое окно возможностей, не проведя вовремя реформы. Система выборов в России была изменена, парламентский срок увеличен до пяти лет, президентский до шести — как раз под предлогом выиграть время для реформ, чтобы отложить заботы о рейтинге, который нужно накачивать к выборам. Так вот, мы эту мотивацию проспали: сроки избирательных периодов отодвинули, а результата не получили. Теперь дожидаемся следующих выборов. Тот, кто получит мандат, будет проводить реформы. Это произойдет, но, по-видимому, не так быстро, как хотелось бы.

Надежда Грешинова, начальник отдела по работе со СМИ, общественными организациями, этническими и конфессиональными сообществами администрации Балаковского муниципального района:

— Вы говорили об очень низкой культуре налогоплательщика в России. Даже на уровне муниципалитета видно, что эта проблема касается не только среднего и малого бизнеса, но и крупных корпораций, которые снимают с себя социальную ответственность, перерегистрируются, используют разные схемы ухода от налогов. Каким образом можно повысить этот тип культуры, есть ли такие практики?

Алексей Кудрин:

— Главный механизм — реальные честные выборы, когда к власти, в том числе в муниципалитетах, приходят люди, которые намерены реально распоряжаться своими полномочиями и решать проблемы. Второе направление — децентрализация полномочий. Нужно передавать полномочия на тот уровень, где в решении заинтересованы больше всего. Безусловно, нужно сохранять определенный баланс, нельзя децентрализовать все, иначе стра-

на будет разбита на множество зон с совершенно разными правилами жизни. Есть правила, единые для всей территории страны, а есть нормы, устанавливаемые в рамках региона. Например, на территориях можно устанавливать правила торговли, экологические правила и ряд других. А вот когда и правила есть, и решения приняты, и нормативы установлены, но никто не следит за их исполнением, тогда нужен общественный контроль. В ближайшие десятилетия, как я уже говорил, Россию ждет рост гражданской активности в бытовых и социальных вопросах. Граждане будут объединяться в общественные организации или НКО для решения, например, региональных проблем. Комитет гражданских инициатив, который я возглавляю, уже провел конкурсы в шести регионах; в феврале прошлого года — федеральный конкурс, на котором участникам было предложено высказаться о региональных проектах, наиболее интересных с точки зрения гражданской инициативы. И люди с таким энтузиазмом участвуют! После конкурсов многие губернаторы обратили внимание на общественные организации в своих регионах, начали им помогать. Вот это наша забота. Одна из функций Комитета — продвижение подобных гражданских инициатив и наращивание гражданского контроля. Повторяю, нужны как законодательные, так и общественные меры.

Антон Петов, директор Центра европейского права, Санкт-Петербург:
— Спасибо большое, Алексей Леонидович, за ваше выступление. Очень много вопросов к вам, но надо задать только один, и я сосредоточусь на проблеме популизма. По данным СМИ, у нас возникли серьезные проблемы с региональными расходами. Насколько мне известно, в 2013 году лишь шесть регионов смогли «выйти в ноль». Остальные — в долгах. Эксперты связывают эту ситуацию с майскими указами президента, не учитывающими, как считают некоторые, экономических возможностей. Как вы относитесь к подобным решениям и можно ли исправить ситуацию? Или она будет иметь серьезные последствия для России в целом?

Алексей Кудрин:

— Да, исполнение указа о повышении зарплат в бюджетной сфере, учителям и врачам, привело к дополнительной нагрузке на бюджеты субъектов. Регионы были вынуждены пойти на сокращение государственных инвестиций. Но денег все равно не хватает, и дефицит действительно приводит к накоплению долгов. В следующем году долги накопятся еще, потому что деньги потребуются на очередное повышение заработной платы. Таковую, не сбалансированную по средствам, модель повышения зарплат я считаю популистской. Попытка что-то балансировать в рамках области приводит к ухудшению развития отдельных отраслей или к накоплению долга. А обслуживание долга тоже съедает средства. Как мне известно, правительство рассматривает варианты выхода из проблемы. Решено, например, выдавать бюджетные кредиты, но это паллиатив, временное решение. Оно отодвинет проблему на время, но не решит ее. Кроме того, оно тоже потребует больших средств из федерального бюджета. Можно маневрировать, добиваться повышения зарплат, не увеличивая общий

фонд региона, а перераспределяя средства внутри него, но существует и более общая проблема: финансовый ресурс субъектов недостаточен. А что сейчас делает федеральный бюджет? Уменьшает субсидии и дотации регионам, потому что нужно выполнять оборонный заказ. Точнее, дотации не уменьшаются, но и не растут. В результате развивается дисбаланс, искажение всех пропорций. И временные решения ведут в конечном счете к снижению темпов экономического роста в стране.

Станимир Кайтаски, адвокат Софийской коллегии адвокатов, Болгария:

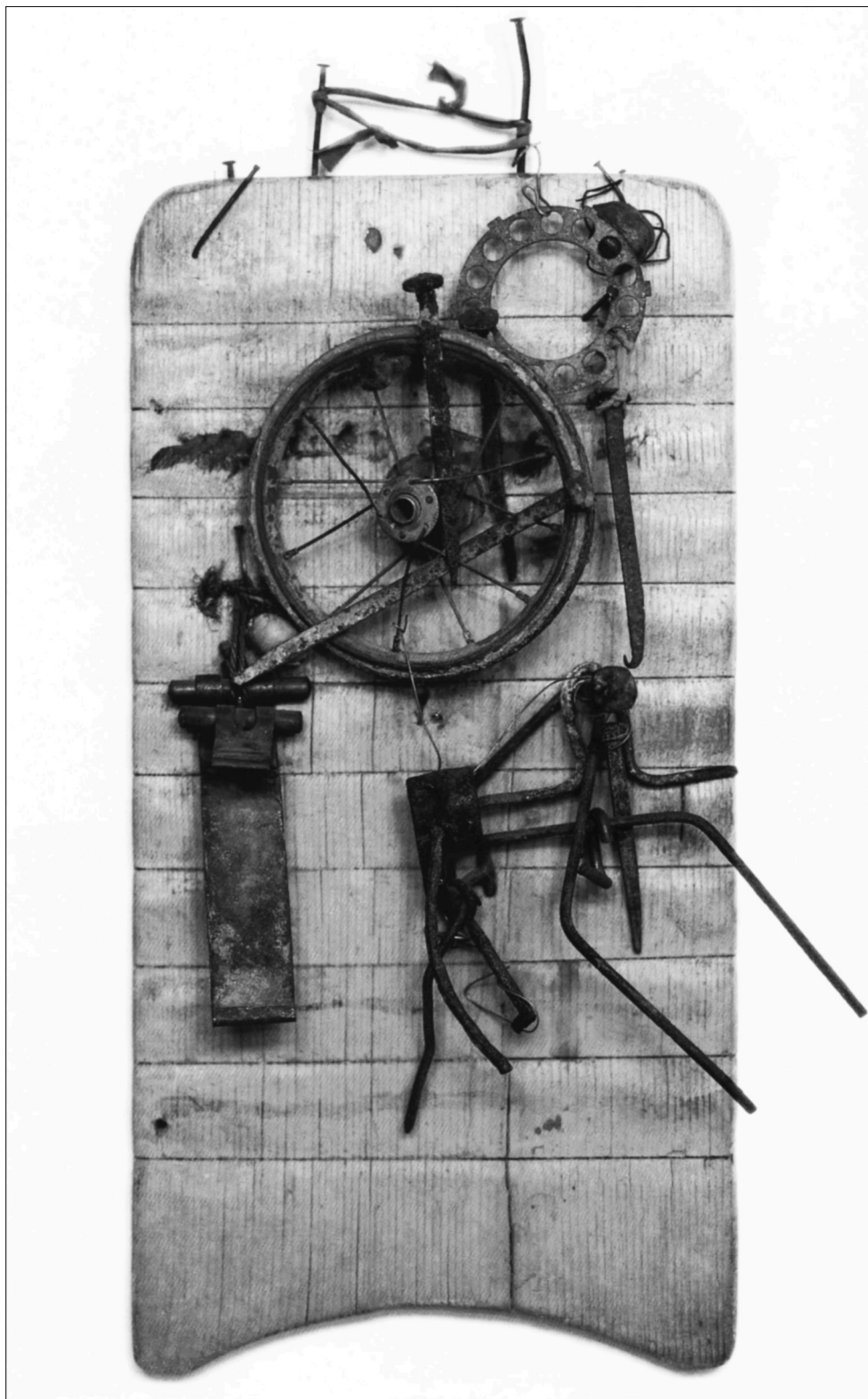
— Господин Кудрин, благодарю за лекцию, она была очень интересной. Я хочу использовать ваш экспертный потенциал финансиста. Каково ваше мнение о мировой финансовой системе? Какие шансы у доллара остаться резервной валютой в связи с договорами Японии, Китая и России о прямых расчетах в национальных валютах, не прибегая к доллару во взаимной торговле? Смогут ли их валюты вытеснить доллар? И по поводу евро: будет ли сильное евро для северных стран Европы и слабое евро для южных стран?

Алексей Кудрин:

— Первое. Мир выходит из кризиса медленно. В 2016 году, по моему прогнозу, остановится рост долга в европейских странах. Может быть, это произойдет даже раньше, в конце этого года. То есть ситуация чуть-чуть лучше, чем многие ожидали. Второе. Доллар еще долго будет мировой резервной валютой, я вас уверяю. Американская экономика работает нормально. После кризиса она заработала в более или менее нормальном режиме, сокращается программа поддержки, экономика растет. В силу масштабов американской экономики и стабильности институтов доллар останется главной мировой валютой. Конечно, американцам следует сократить дефицит бюджета, который в том числе создает риски для доллара как мировой валюты. Насколько я вижу, Америка идет по этому пути и бюджетный дефицит потихоньку сокращается.

Объем долларовых расчетов сегодня составляет 38% общемирового объема расчетов: торговые, инвестиционные расчеты происходят в долларах. На евро приходится примерно 32%. Несмотря на то что экономика Китая по паритету покупательной способности догнала американскую, общий мировой объем расчетов в юанях составляет 1,5%. В рублях же рассчитывается 0,5% мировых сделок. Без либерализации, прозрачности, динамичности экономики ни юань, ни рубль не достигнут уровня доллара. К этому нужно двигаться постепенно, укрепляя экономику, расширяя возможности применения рубля. У нас порой слишком озабочены административными решениями в этом плане, принимаемыми в ущерб предприятиям.

Китайский юань не относится к конвертируемой валюте, поэтому в ближайшие годы не может стать резервной валютой. Китай хотел бы сделать ее конвертируемой. Но это подразумевает отмену ограничений на движение капитала внутри страны: так, чтобы любой иностранный инвестор мог прийти в Китай, получить на местном уровне полномочия для инвестиций, инвестировать, закрыть предприятие и вывести деньги, то есть действовать

Роберт Раушенберг. Без названия. 1952

по принципу свободного движения капитала. Сейчас в Китае действуют ограничения в силу зарегулированности экономики. Почему Китай этого не делает? Потому что свободное движение капитала подразумевает существенную либерализацию всей экономики — свободное развитие частного сектора, вне контроля центральных и плановых органов. Свободное движение курса юаня приведет к его укреплению и некоторому снижению темпов экономического роста из-за снижения экспорта. Вместе с тем Китай выйдет со своей валютой на мировой рынок и будет постепенно, на протяжении десятилетий, завоевывать позиции. Китайские власти такую задачу ставят. Я думаю, это произойдет, но в ближайшие 20–30 лет нам придется пользоваться в первую очередь долларом, во вторую очередь — евро.

В силу того, что доля России в мировой экономике составляет 2,5%, мы не можем по объективным причинам увеличить долю расчетов в мире в рублях. Рубль начнут использовать, когда он станет надежной валютой. И с нами будут торговать в основном те, кто участвует в двусторонних отношениях. Страны СНГ могут в расчетах между собой использовать рубль, но пока им даже внутри системы выгоднее использовать более стабильные доллар и евро. Так что рубль остается региональной конвертируемой резервной валютой.

Вы еще спрашиваете по поводу северного и южного евро. Я редко слышу подобные рассуждения. Вряд ли в ближайшее время это произойдет. Если не произошло в период кризиса, когда, может быть, была потребность, сейчас вряд ли можно говорить о том, что евро разделится на два вида. Я в это не верю.

Екатерина Куприянова, журналист газеты «Улица Московская», Пенза: — Алексей Леонидович, в развитых странах, например в США, по некоторым источникам, от 60 до 80% совокупного налога на доходы физических лиц поступают от 5% населения. В этих странах прогрессивная шкала налогообложения принимается населением как совершенно справедливая. Как вы считаете, может быть, пора ввести прогрессивную шкалу налогообложения доходов физических лиц в России?

Алексей Кудрин:

— Я не считаю прогрессивную шкалу справедливой. Если предприниматель платит 13% со 100 миллионов рублей, выходит 13 миллионов. А если гражданин платит 13% с миллиона рублей, он платит 130 тысяч рублей. Одна и та же ставка в одном случае стоит 13 миллионов, в другом — 130 тысяч рублей, тем самым некая справедливость уже достигается. Мир считает прогрессивную шкалу более справедливой: если ты больше заработал, больше должен и заплатить. Не 13, а 30%. Я не совсем чувствую, в чем здесь справедливость, если ты создал продукт, используя свой предпринимательский талант. Но я был бы готов искать компромисс между этими позициями. Мир повышает налоги еще и потому, что их удобно собирать там, где они есть, то есть там, где хорошо работают. При этом увеличивается налог на личное потребление, которое не может быть бесконечным, а налог на корпорации, находящиеся в собственности того же

олигарха, остается каким-то разумным. В этом смысле нагрузка распределена более или менее рационально.

Кстати, в ряде стран, в том числе в США, действует порядок, когда до определенного уровня доходов применяется прогрессивная шкала, а потом плоская или вовсе регрессивная. Считается, что если гражданин имеет личный доход, он резервирует некоторую сумму на личное потребление, остальное инвестирует через банк или через покупку акций. Для стимулирования граждан к сбережениям, к большим инвестициям существует прогрессивно-регрессивная шкала. Есть другие системы. В таких странах, как Франция или Швеция, социалистических по характеру, налоги очень высокие. Там общество рассудило следующим образом: налоги будут высокими, зато больные и обездоленные будут социально защищены. Определенный общественный консенсус — тоже важное обстоятельство любой налоговой системы. Допустим, мы в России не хотим, чтобы размер налоговых отчислений составлял 50% зарплаты. Будет ли подходящий налог прогрессивным? Думаю, что пока у нас проблемы с уходом от налогов в тень. Сейчас ситуация лучше, поэтому не исключаю, что когда-то мы начнем искать компромисс между единой и прогрессивной ставкой. Но время для этого, мне кажется, еще не настало.

Катажина Яжинска, сотрудник Центра восточных исследований, Польша:

— Огромное спасибо за вашу лекцию и за возможность задать вопрос. Мне кажется, что вопрос баланса между политикой и экономикой очень актуален. У меня возник вопрос, связанный с присоединением Крыма к России. Вчера на встрече с господином Гудковым из Левада-Центра мы говорили об общественно-политических последствиях присоединения Крыма, в том числе о всплеске патриотических чувств и росте рейтинга президента Путина. Но мне кажется, что более долгосрочные последствия, скорее всего, будут лежать в экономической сфере. Вы сказали, ресурсы в России ограничены. То есть, чтобы профинансировать один регион, ресурсы надо взять из других регионов или, может быть, из Резервного фонда. По-моему, чтобы интегрировать Крым в российскую юридическую, экономическую, инфраструктурную сферы, потребуется много денег. Хотелось бы узнать ваше мнение, какова цена присоединения Крыма и к каким последствиям может привести перераспределение ресурсов между регионами?

Алексей Кудрин:

— Отвечу коротко. Действительно, пока Крым находится на уровне самых слабых российских регионов по ВВП и по бюджетным доходам на душу населения. В России 83 региона, и Крым по уровню ВВП на душу населения занимает третье место с конца, а по бюджетным доходам — примерно в последней пятерке рейтинга. Понятно, это связано с тем, что в Украине в целом ВВП на душу населения в два раза ниже, чем в России. Но теперь в Крыму будет создана инфраструктура, появятся рабочие места, в том числе за счет кредитов, улучшится транспортная доступность. Предположу, что в составе России Крым будет развиваться быстрее, чем он развивался бы в

составе Украины, опять же в силу объективных обстоятельств. В Крыму неплохие условия для бизнеса. Сейчас, правда, они будут ограничены санкциями и ограничением влияния иностранных компаний.

Посильна ли эта ноша России? Думаю, посильна. Понятно, что придется отвлечься от других проектов и программ, в том числе от поддержки других регионов. Но общая поддержка населения говорит о том, что в целом общество с такой ценой согласно. Я, может быть, против некоей программы по восстановлению Крыма на триллион рублей. Столько и не требуется. Думаю, хватило бы половины этой суммы даже для ускоренного развития Крыма. И поддержку можно осуществлять более рационально, не за счет других регионов, а опять же за счет проведения структурных реформ в стране и маневров в бюджетной сфере.

Тимур Ужахов, корреспондент агентства «Кавказская политика», Ингушетия:

— В Казахстане запущена активная государственная программа импортозамещения, что позволяет поддерживать высокий темп роста ВВП, около 5% в год. Почему в России нет такой программы?

Алексей Кудрин:

— Вот вы на закуску задали самый сложный вопрос. Казалось бы, все просто: у нас большой импорт, давайте сами производить, да? На самом деле тут много объективных обстоятельств, в том числе наша зависимость от нефти. Обладание большими нефтегазовыми ресурсами и стало причиной зависимости от импорта, или развития «голландской болезни». В 2000 году Россия экспортировала товаров всех видов примерно на 80 миллиардов долларов, из них около 60 миллиардов приходилось на нефтепродукты. Объем импорта тоже составлял около 60 миллиардов. Строго говоря, сколько Россия выручи-

ла на внешнем рынке, столько может и израсходовать на импорт. Тогда достигается внешнеторговый баланс и стабильность национальной валюты. А когда валютный доход страны от экспорта удваивается, дополнительный объем долларов оседает на внутреннем рынке и рубль укрепляется в номинальном выражении. Помните, у нас был курс 30 рублей за доллар, а перед кризисом стал 24? Есть и другие факторы укрепления. Скажем, более быстрый рост внутренних цен по сравнению с ростом цен в странах-партнерах тоже работает на укрепление рубля. Российские товары становятся дороже и дороже, а импортные, с учетом изменения курса, дешевле и дешевле. И импортный товар побеждает отечественный не в результате производительности труда, а из-за изменения валютного курса. Страны с высокой зависимостью от нефтяных доходов попадают в эту ловушку.

Знаете, сколько России экспортировала в прошлом году? Примерно на 530 миллиардов долларов. А импорт товаров и услуг возрос до 430 миллиардов с 60 миллиардов в 2000 году. Почему? Появилась дешевая, доступная валюта, что привело к засилью импортных товаров. Не ВТО открыло границы, у нас до вступления в ВТО половина продовольственного рынка была импортной из-за прогрессирования «голландской болезни».

Часто слышу: наша проблема в том, что бюджет на 50% зависит от доходов на нефть и газ. Если цены на углеводороды обвалятся, мы можем пострадать. Да, это одна из зависимостей, но не главная. Главная зависимость — укрепление национальной валюты и наращивание баснословного импорта. Помните, что произошло в начале 2014 года? Рубль опустился с 33 до 36 и ниже за доллар, и импортировать в Россию стало дороже. Впервые за много лет объем импорта у нас уменьшится на 4–5%.

Таким образом, когда мы говорим об импортозамещении, то должны опираться на базовые процессы в экономике и понимать основные экономические параметры. Мало кто знает, например, что высокая инфляция тоже является фактором увеличения импорта, как ни странно. Программы импортозамещения при благоприятных условиях или когда мы по крайней мере не укрепляем национальную валюту могут иметь значение, но значение локальное. Вот Китай. В свое время он решил не укреплять курс юаня, и всю приходящую в страну валюту вкладывал в золотовалютные резервы. За полтора года золотовалютные резервы Китая выросли с 1,5 до 3,3 триллиона долларов, но чтобы не вызвать укрепления обменного курса национальной валюты и не завалить страну импортом, Китай вкладывает валюту в резервы и сохраняет ситуацию на рынке стабильной. За последние пять лет Китай укрепил национальную валюту на 25%, а Россия?.. Почти на 100%. Иными словами, мы в два раза удешевили импортные товары для внутреннего рынка. Поэтому, только остановив дальнейшее укрепление рубля и даже немного его ослабив, мы сможем создать условия для развития наших предприятий, чтобы отечественный продукт соревновался с импортным по издержкам, а не через курс доллара. Здесь, думаю, еще появятся благоприятные возможности. Но, кроме того, нужны программы развития тех отраслей, где наша продукция до сих пор с импортной не конкурировала. Вот примерно такое непростое объяснение; к сожалению, мало кто готов его слышать.

Уроки гражданского прагматизма*

*Светлана Маковецкая,
руководитель Центра
гражданского анализа
и независимых исследований
(Центр ГРАНИ)*

Какой я вижу сегодня реальную формулу гражданского успеха? Я буду говорить об этом. Сначала повторю то, что сказала на Форуме** и на что мгновенно отреагировала аудитория: «Да, я понимаю, что мы остались зимовать, но это совершенно не означает, что мы готовы замерзнуть». В этом смысле глубоко эшелонированная подготовка к зиме — это нормальная ситуация, ситуация ожидания следующей весны. Но все равно важно найти основания для того, чтобы каждый день просыпаться с ощущением, что у нас приличная страна, а вокруг много хороших людей. И что, вообще говоря, можно добиться реальных результатов.

Что для меня важно в нынешней ситуации? Во-первых, я совершенно точно понимаю: то, что называют советизмом и большевизмом в разных вариантах, — это не железобетонная конструкция, которую можно опрокинуть за раз и целиком. Должна вызреть какая-то новая форма самоорганизации, люди должны объединяться, решать проблемы своей группы, своей страны. Они и объединяются, но в очень причудливых формах и в причудливые сообщества — все эти разные сообщества есть часть гражданского общества. Во-вторых, что-то накренилось в публичной сфере. Понятно, что в нее проникает большое количество новых идей, появляются новые акторы. Но вместе с тем есть общее ощущение накренившейся плоскости доверия, когда сочувствующие и сопереживающие скатываются к равнодушию, равнодушные скатываются к ненависти, а ненавидящие переходят к радикальному реваншизму, если хотите, причем с обеих сторон. Публичную сферу переполняет огромное количество претензий, которые предъявляют

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 25 апреля 2014 г.

** Общероссийский гражданский форум «Повестка дня для России» — конгресс некоммерческих организаций, состоявшийся в Москве 23 ноября 2013 г.

Роберт Раушенберг. Алмазное яйцо метрополи. 1982

друг другу, казалось бы, братские по духу активисты. Я вижу, что существует большой дефицит мощных текстов о том, что такое гражданская культура, гражданственность, в чем смысл гражданской деятельности. То, что есть сегодня в России, писалось либо не для этого времени, либо не для этой аудитории. Получается, мы живем в эпоху некоего интеллектуального иждивения и раз за разом продуцируем ответы на навязанную нам повестку дня, на проблемы, которые казались нам двоюродными, и так далее. А вокруг все ссорятся. Возникает вопрос: что делать?

В течение года я присутствую на встречах, где некоммерческие организации, правозащитные сообщества обсуждают, что им делать. И каждый раз понимаю, что в головах у всех вертится зеркально отраженная от власти картинка, будто нужно сохранить или вернуть некий статус-кво: вернуть в прежнем объеме международное сотрудничество, автономное правозащитное пространство, стремление отвечать за слова лишь внутри своего блога и так далее. Но меня не устраивает ощущение, будто можно использовать единственную стратегию статус-кво. И я задумалась о стратегиях, которые были бы приемлемы для меня. Я решила, что они должны быть радикальными. Фактически это развилка двух направлений: либо мы идем в плоскость гражданского фундаментализма, либо идем в плоскость гражданского модернизма, или гражданского прагматизма.

Что такое гражданский фундаментализм? Это стиль деятельности, исходящий из черно-белой картины мира, возвращение к гиперценностям, когда, например, для правозащитной деятельности крайне важно условное возмездие — наказание

тех, кто нарушает права человека. Фундаментализм подразумевает отсутствие суеты, отказ от позиции жертвы, когда решается судьба и ты один из основных ресурсов. Но я сейчас не буду говорить о фундаментализме, хотя у меня по этому поводу много мыслей. Факти-

Ответственная гражданская автономность, наращивание и демонстрация социальных и экономических преимуществ гражданской деятельности – вот что я понимаю под гражданской деятельностью в виде гражданского прагматизма

чески гражданский фундаментализм предлагает образ действий для тех, кому надоели отчеты, мониторинги и заявления, это стиль улиц, митингов, реальной консолидации людей на линии необходимой обороны.

Теперь о том, что такое модернизм, или прагматизм, который предполагает обратное, то есть спасение от действительности через безоглядное погружение в эту действительность. Прагматизм — это попытка постоянно продуцировать результаты, поиск вдохновения в обыденности, бесконечное умножение гражданской компетентности через ее разнообразие. Всегда найдутся площадки, где ты можешь быть успешным. Именно успешность будет твоим резонансом, чтобы перетянуть вялотекущую, болтающую о чем попало жизнь на свою сторону. С моей точки зрения, обновление гражданской парадигмы для гражданского прагматизма и есть основной ресурс гражданственности.

Гражданские прагматики отличаются чувствительностью к убогости результатов, пристально вглядываются в происходящее и дистанцируются от собственных

страхов, пытаюсь сохранить себя как работающий ресурс, а не как пушечное мясо. Причем сохранить и от властных бульдозеров, после которых остается ровное гражданское поле, и от безответственного перформанса pussy riot (простите, здесь с маленькой буквы, потому что рассматриваю его как явление). Я готова делать дела. При этом, как и гражданские фундаменталисты, я не соглашаюсь на подлые поступки, которые снижают пафос гражданского участия, автономного и успешного. Прагматизм — это переход к гражданским брендам; от гражданской деятельности как бог на душу положит к гражданским технологиям.

Самые устойчивые, самые активные, самые воспроизводимые виды деятельности — практики с внутренней рефлексией: я сделал это сам, теперь посмотрю, почему так получилось, и объясню другим. Более того, появился новый тип гражданских прагматиков. Знаете, есть инициативные группы. Например, собралась инициативная группа по поводу того, что в школе давно нет учителя физкультуры. И вот они спорят, ругаются, обращаются в департамент образования и в конечном итоге говорят: «Мужиков у нас, что ли, нет? Что же мы сами не сможем провести уроки физкультуры, пока не найдут учителя?» И встает тетенька. Обычно это бывает тетенька, и обычно это тетенька с профсоюзным прошлым, которая говорит: «Давайте телефонами обменяемся или график составим». Такие люди — ходячие штабы. Она не гражданский активист в чистом виде, но она быстро организует процесс и запускает его. Ответственная гражданская автономность, наращивание и демонстрация социальных и экономических преимуществ гражданской деятельности — вот что я понимаю под гражданской деятельностью в виде гражданского прагматизма.

Давайте, например, подумаем, что такое граждански прагматическое отношение к

власти. Я имею в виду административную власть как реально существующий институт. Отношение гражданского прагматика к власти подразумевает голый расчет без симпатий и ненависти. Моя организация в прошлом году испытала в полный рост обостренный интерес органов правопорядка, потому что некоторую часть нашего бюджета (а мы еще зарабатываем деньги на исследованиях) составляют иностранные средства. Меня, когда я поняла, что будут такие претензии, будто лицом об асфальт бросили. Потому что я отличница по жизни. У меня организация, которую Transparency International считает одной из самых прозрачных в России. У нас есть минюстовские грамоты за победу в номинации «Лучшее представление источников финансирования в публичных отчетах». И меня включают в чертову уйму правительственных комиссий, потому что мы специалисты по участию граждан в реформах управления. Вдруг выясняется, что я, вообще говоря, двоечница. И вот тут нужно понять, что нельзя не только быть в состоянии жертвы, но и испытывать ненависть к этим людям, потому что ненависть сжигает стремление делать что-нибудь, чтобы добиваться результата. Таким образом, гражданский позитивизм... Ох, прошу прощения, не случайно, кстати, сказала «позитивизм», поскольку понимаю его как искусство сотрудничать, но не дружить, противостоять, но не вступать в свару, быть партнером, но сохранять дистанцию и свободу.

Я хотела бы поговорить о новом публичном менеджменте как варианте деятельности для людей, пригодных к гражданскому прагматизму. Новый публичный менеджмент — это, по сути, административная реформа. Всем государствам в мире стало понятно, что невозможно только технологически решать проблемы или персонально сажать на каждое место государственного чиновника хорошего человека. Все

равно происходят сбои. И вот родилась идея нового публичного менеджмента — приглашение к соуправлению. Не желаете внести изменения в текст административного регламента? Как вы понимаете, население у нас в этом отношении терпое, и гражданские активисты на всякий случай отвечают: «Нет, не хотим. Что бы мы ни написали, вы все равно не измените». Удивительно, но за два года мы изменили 219 правовых актов. Возможно, потому что мы вообще были единственными, кто этим занимался. А вот противостоит нашему стремлению включаться в эти

процессы очень специализированный язык. Пришлось его осваивать, чтобы в нужный момент быть инструментально оснащенными. При этом мы используем концепцию прав человека как конструкцию, которая позволяет гармонизировать административную среду, делать ее соразмерной человеку.

Наша сила в том, что мы понимаем: необходимы не только отрицательные стимулы, но и положительные. Мы понимаем: это неправда (хотя в целом правда), что некоему черному квадрату власти противостоит некий разноцветный монолит гражданского общества. Все совсем не так! Раз за разом возникают локальные оптимумы, когда гражданский интерес совпадает с административным, и возникает инфорсмент принуждения к исполнению по новым правилам. Знаменитая технология Московской Хельсинкской группы: вы в администрации решили, что высказали правило просто так, а мы решили, что по этому правилу вас проверим. Для меня как прагматика важно осваивать развивающиеся в публичном управлении механизмы соучастия граждан. Это значит, что мы одновременно работаем с органами власти и

заодно переводим административный язык на язык народный. Недавно, например, мы объявили открытый конкурс перевода на народный язык шести нормативных актов системы здравоохранения, которые без бутылки не поймешь. Первое место занял учитель начальных

*Мы просто не можем ждать. Мы хотим
возрождения, новых возможностей.
Мы хотим достойно жить в достойной
стране, и мы должны этого добиваться
каждодневно практическим участием
в ее жизни*

классов. Оказалось, учительство истосковалось по тому, чтобы его оценили как реальный экспертный институт в местном сообществе. Они серьезные эксперты, реальные толкователи! Второе место получил сельский библиотекарь — еще один тип толкователей. Вот люди, которые помогают нам переводить административные акты на нормальный, понятный человеку язык. Так вот, сохранение пространства здравого смысла в стране зависит от готовности общественных организаций и инициативных групп удерживать в повестке дня эту странную конструкцию взаимодействия власти с гражданами. Причем гарантирую: вас не будут любить ни справа, ни слева, ни сверху, ни снизу — но в этом и есть большой стиль прагматика.

Другая важная цель: на мой взгляд, у активных людей в российской провинции есть своя тема, своя миссия — депроvincialизация жизни. Миссия, не имеющая отношения к стереотипам, о которых меня сразу начинают спрашивать. Вы о том, чтобы раскулачивать Москву? Нет. Вы о том, чтобы было больше социальных лифтов? Нет. Я о другом. Я о стране как елочной гирлянде,

Роберт Раушенберг. Соляное озеро. 1973

в которой вспыхивают в разных местах соразмерные интересам населения события и процедуры. Я о том, что имперско-колониальная дихотомия столица–провинция чрезвычайно нам мешает. Что делают все клубные группы (клубы краеведов, вегетарианские сети и так далее)? Они создают приемлемый для себя образ жизни, сами, автономно, здесь и сейчас. Они говорят: «Где мы, там и столица». И строят свою столицу. Когда же проблема депривинциализации решается сверху, это превращается либо в размен национальных и региональных элит с федеральным центром, либо в рыцарский замок, когда власть строит кусок европейской жизни для своих. Таким образом, нам необходимы новые точки роста в провинциальных центрах. Мы создаем их вместе, автономно и друг с другом, и у нас есть повестка дня. Депривинциализация в России должна стать институализированной политикой. Просто опасно не обращать внимания на проблему, которую большая часть страны считает ничем не оправданной и несправедливой. Еще раз: я не говорю о раскулачивании и о лифтах. Я говорю о стремлении и готовности людей, работающих здесь и сейчас, создавать столичную жизнь для себя и для тех, кто им дорог. Каким может быть прагматичный взгляд в вопросе о молодежи и стариках? Посмотрите, каждое социальное выступление перед народом президент, губернатор, мэр начинают с того, что воздают должное старикам и ветеранам. Этот электоральный тренд, при котором «пионеры» проигрывают пенсионерам, с моей точки зрения, делает политику в стране старческой по идеологии, риторике и технологиям; это политика без вектора роста. Прагматично было бы вернуть в общество ощущение совместной ответственности: у стариков есть дети, которые отвечают за них перед Богом и по Конституции, мы вкладываем в этих

людей, находящихся в продуктивном возрасте, чтобы они потом автономно и ответственно покупали платные или настраивали бесплатные услуги для своих стариков. Политики, займитесь детьми и семьями. Когда я была программным директором исследовательского проекта «Будущее прав человека в России», мы рассматривали академическую среду и молодежь как ресурс. И раз за разом слышали: «Ой, не та молодежь пошла, ответственности нет». Да, есть такая проблема. Конечно, гражданские перформансы, чтение стихов на улицах города сами по себе хороши и интересны. Но молодых, извините, не нужно поддерживать в стремлении развивать повсеместно гражданские развлечения, которые все-таки отличаются от гражданской деятельности. А с другой стороны, не нужно заставлять молодых людей и «мыть полы для революции», нельзя постоянно рыть яму обязательств. Что им предложить? В свое время, когда наше поколение росло профессионально и осваивало язык гражданственности, ветер дул нам в крылья. А теперь ветер дует поперек. Все, что мы можем сделать для молодых, — прикрыть их собой и верить: они сделают то, что не смогли сделать мы. При этом прагматик не заигрывает с молодыми, а дает им возможность для построения гражданской карьеры, для создания публичной репутации. Вот в чем, на мой взгляд, заключается прагматический подход к молодым. Как он выглядит в реальности? Существуют совершенно несерьезные виды деятельности, на которые обычно мало обращают внимание, такие, например, как создание молодежных парламентов. Честно говоря, я стараюсь держаться от них подальше, не люблю проекты в песочнице. Но, оказывается, такой подход не всегда справедлив. Например, члены молодежного парламента села Андреевка начали, как всегда, с того, что в селе нет

дискотек, досуга. А потом подросли и стали решать транспортную проблему, потому что им до школы добираться сложно, а местная администрация не помогает. Потом еще подросли и занялись другой серьезной темой: в селе не хватает бюджета для освещения улиц, и молодежь пошла по дворам, убеждая домовладельцев подключить уличные фонари к счетчикам в своих хозяйствах. И подключили. Решение, конечно, временное, за такое самообложение даже отчитаться потом невозможно. Но произошло то, что можно назвать гражданским прагматизмом, — достижение результата большим числом людей.

И, наконец, важно наличие пространства для реализации гражданского прагматического подхода. В этом контексте я хотела бы поговорить о городе как гражданском проекте. Город — генератор новых мыслей, среда для социального творчества, шанс на обновление. Внутри городских стен растут городские свободы. В городе лучше всего работают модерновые технологии обновления среды, подразумевающие опору на сложившиеся неформальные институты. Здесь создаются новые сервисы; возникают стойкие гражданские практики, гибкие и устойчивые одновременно. В нашей недавно изданной книге «Российский неполитический активизм» (Пермь, 2014) описаны 37 разнообразных гражданских практик, но их гораздо больше. Нужно отдавать должное собственному населению в вопросах наращивания гражданского потенциала и увеличения горизонта планирования. Представители органов власти и местного самоуправления говорят нам, что горожане не видят дальше своего двора и в длинных стратегиях ничего не понимают. Но разве семья, в которой родился ребенок, не начинает решать его проблемы хотя бы в 18-летней перспективе? Покажите мне хоть одну городскую стратегию, рассчитанную на 18 лет.

Чтобы город стал пространством гражданского творчества, необходимо развивать на городском уровне гражданскую грамотность, чтобы люди понимали, что такое город: почему в нем так важны коммуникации; почему не нужно писать президенту, как решить проблему пробок; что такое городской бюджет; что такое генплан как городская стратегия и чем он отличается от правил землепользования. Вот эта городская гражданская грамотность — невероятный дефицит. Даже когда мы говорим о гражданском образовании в школе, мы в лучшем случае имеем в виду экологию и права человека. Ни разу не видела, чтобы в школе объясняли, как управляется город. Между тем без местного самоуправления жизнь в городе, понятно, никак не возможна. Ясно также, что современная муниципальная общность должна получать поддержку, нам нужны новые репутация и качество городского хозяйства. Проблема в том, что новые гражданские практики не соединены с процессом принятия решений в городе, они не институционализированы. Сегодня возможности для участия местных сообществ в строительстве общего города создают их уполномоченные, НКО.

Завершая, я бы сказала, и это мантра, которую я не устаю повторять: мы не хотим и не можем ждать. Мы просто не можем ждать. У прагматика внутри все время тикают часы: время уходит, время уходит, время уходит. Россия — наш шанс. У нас прекрасная страна, наше население демонстрирует невероятные способы выживания гражданского творчества. Мы хотим возрождения, новых возможностей. Мы не хотим жить в стране с горизонтами, которые либо слишком близки, либо их туманность лишает нас перспективы. Мы хотим достойно жить в достойной стране, и мы должны этого добиваться каждодневно практическим участием в ее жизни.

Дискуссия

Мария Ноэль, продюсер телеканала «Дождь», Московская область:

— Да, мы действительно страдаем от дефицита оптимизма. И лично для меня важен вопрос, что нам делать. Просто думать об этом?..

Светлана Маковецкая:

— Я считаю, крайне осторожно нужно относиться к ситуации, когда государство бездумно передает разнообразным группам право на насилие. Тем самым оно стимулирует безответственность, непубличность. И мне все равно, будут это стопхамы, ловцы педофилов, антитабачные или казачьи дружины. В таком примитивном смысле.

Теперь о «что делать?». Здесь есть еще одна проблема: власть, умело манипулируя несогласными, не умеет сохранять как ресурс независимость согласных. Их почему-то тоже перерабатывают в жмых. Такой подход я считаю подлой практикой. Непубличность, сговор, кумовство, готовность размазать другого, пусть даже противника, и передача кому-то еще прав на насилие — все это для меня подлые правила и практики.

Юлия Счастливецва, журналист, Челябинская область:

— Спасибо за выступление. С вами нельзя не согласиться в том, что гражданскую деятельность нужно, конечно, ставить на профессиональную основу, развивать менеджмент, институты, и вы это ярко показываете. Однако меня насторожило, что вы вынесли за скобки классическую повестку гражданского общества — те же права человека, экологию. У вас нет ощущения, что вы создаете технологию, институт, который повиснет в воздухе без этого фундамента? И если вы этими вопросами сами не занимаетесь, а создаете хорошую технологию, может быть ее распространять среди правозащитников, экологических активистов?

Светлана Маковецкая:

— Честно могу сказать, что вопрос не ко мне, потому что вне ценностей я не работаю. И если кто-то здесь знает, моей муж — правозащитник Игорь Аверкиев. Мы не работаем вне гражданских ценностей. Гражданская деятельность тем и отличается от бизнеса и любой другой деятельности, что она ценностно ориентирована. Но деятельность эта должна приводиться в движение некими технологиями, с помощью которых мы либо продвигаем ценности, либо защищаем. В этом смысле я не выношу классические ценности за скобки. Прагматичность заключается в том, чтобы, понимая эти ценности, каждый раз достигать результата.

Ну вот, например, губернаторы мне говорят: «У нас нет гражданского общества». Они при этом кого себе представляют? Английских старушек с сиреновой сединой, что ли? У них под боком масса всяких инициативных групп и некоммерческих организаций, что-то говорят им, предлагают, но говорят другим языком. Так озаботьтесь, переведите на свой, бюрократический, язык и работайте с ними! В этом смысле я как раз уверена, что и ценности, и права важны для правильной настройки разнообразных процессов, помимо социологических исследований.

Юрий Зельников, *уполномоченный по правам человека в Калужской области*:

— Светлана, спасибо вам за блестящее глубокое выступление и за прекрасную метафорическую форму. Мой первый вопрос касается 37 публичных практик, которые описаны в вашей книге. И второе: вы сказали, власть любит заботиться о стариках, и проблема в том, чтобы стимулировать их детей, молодежь вообще. В своей практике я как уполномоченный по правам человека постоянно сталкиваюсь с тем, что приходят старики, о которых дети никогда не заботились и не собираются заботиться, а ждут наследства. Вот как их стимулировать? Известны ли вам конкретные методы воздействия или есть какие-либо идеи по этому поводу?

Светлана Маковецкая:

— Ну, у меня нет ответов на все вопросы. Есть позиция, но в некоторых случаях без аргументов, честно скажу. В нашей книге описаны только городские практики, мы их классифицировали: городские благотворители; городские соцгруппы, которые занимаются поиском детей, собак, пиццы для дельфинов и так далее; городское самоуправление в виде территориального общественного самоуправления. А дальше разные ассоциации, и это уже другие области деятельности, вы можете ознакомиться с ними на нашем сайте grani-center.org в разделе «Российский неполитический активизм». Там есть и старые практики. Например, люди в городах обмениваются семенами или саженцами, чтобы засаживать ими долины рек, а потом слушать трели соловьев. Подобная эстетизация городской жизни старой садовой традицией — просто удивительное занятие.

Вопрос о стариках и детях подобен вопросу о том, что первично, курица или яйцо. Но пока мы или государство решаем, как содержать стариков, из повестки дня уходит вопрос, как стимулировать семьи, чтобы они в будущем содержали своих стариков. Я как раз не против того, чтобы обязательно защищать брошенных стариков. Одна из сфер гражданского контроля как раз интернаты, в которых старики оказываются заложниками системы или бездействия и невнимания своих детей. Но точно так же я считаю, что если мы не развернем в этом направлении налоговую систему и систему социального обеспечения, то раз за разом будем воспроизводить старую практику, когда за наших стариков отвечает государство с его бесплатными услугами, перераспределительными системами пенсий и так далее, и так далее. Такая практика сначала отнимает ресурсы у семьи, делая для нее невозможной поддержку своих стариков,

а зачем перераспределяет их по каким-то своим правилам. Я как раз против этого.

Ольга Артамонова, доцент кафедры социологии и билингвального образования Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого:

— Светлана Геннадьевна, вы подняли очень важную проблему депривинциализации. Меня тоже волнует эта тема, потому что я тоже из провинции. Там, где я живу, эта проблема, к сожалению, не очень актуальна. На гражданском форуме в Новгородской области прозвучала такая фраза: «Есть Москва, а есть Россия. Мы, к сожалению, живем в России». Вот вы говорите, что депривинциализация должна быть социальной политикой. А кто ее будет проводить, если власть в этом не заинтересована, ведь она свою столицу уже создала, как вы верно заметили. Гражданское общество, некоммерческие организации в общем-то достаточно разрознены и не способны быть таким центром. Какой центр может проводить политику депривинциализации?

Светлана Маковецкая:

— Спасибо, Оля. Во-первых, именно поэтому я и говорила, что это глубоко эшелонированная проблема. И мне очень режет слух, когда говорят, что есть Россия, а есть Москва. Такие ситуации расслабляют, делают мозг аутичным, а гражданские мускулы дряблыми. У нас в каждом городе есть своя столица и дальше, за пределами города, есть своя Россия. Нам необходимо осознать эту мысль как общую проблему и поставить ее как проблему для государственной политики, для бизнеса и для гражданской деятельности. Приведу конкретные примеры. Вы знаете, почему я единственный эксперт из провинции в федеральной «Российской обществен-

ной инициативе»? Хотя нет, еще есть Ваня Павлов из Питера. Или почему в правительственной комиссии по качеству государственного муниципального управления я одна из провинции? А потому что элементарно денег не заложено на то, чтобы эксперты приезжали из регионов России. Или, например, объявляется конкурс детских работ, и узнать подробности можно только по телефону. А стоимость телефонной связи такая, что позвонить из Хабаровска в Москву все равно что позвонить из Москвы в Америку. Или факс начинает работать в тот момент, когда в Хабаровске заканчивается рабочий день. Мы еще и еще раз должны говорить себе: Россия — страна регионов. Москва, кстати, расплавляется тем, что часто оказывается в гражданской пустыне.

Или, например, такая ситуация. В рамках системы общего образования мы как налогоплательщики оплачиваем содержание Эрмитажа, Пушкинского музея и других. И это правильно, это наше общее благо и наше общее достояние. Но почему же в рамках того же общего образования не гарантировать каждому ребенку разовое посещение главных музеев страны? Вот это и есть попытка, с одной стороны, сшить Россию государственным образом, а с другой — диверсифицировать. Теперь обращаюсь к тем, кто занимается наукой. Вы часто сталкивались с тем, что люди из Москвы — политики, эксперты, например, — говорящие на европейских языках, приезжая в регионы, переходят на более низкий уровень речи? Еще раз повторю, в чем главное: надо становиться другим — где я, там и столица. И нужно создавать стимулы, чтобы все вели себя как столичные люди, чтобы появлялись межрегиональные программы, городские семинары для всех. А по поводу Москвы и России не совсем верно, потому что внутри Москвы есть вся Россия в полный рост, только в бледных копиях.

Роман Плюта, президент Центра современных избирательных технологий, Краснодарский край:

— Спасибо за такое полезное выступление. В вашем выступлении, однако, не прозвучала или слабо прозвучала мысль о взаимодействии с чиновниками. Я как депутат в своем округе выявил, что основная движущая сила гражданского активизма — это женщины. Мы создали совет женщин: в каждом квартале выбрали квартальных, объединили их, провели большую работу. Но рано или поздно появляется чиновник, который начинает ревновать к тому, что жители что-то делают сами, шевелятся. Или самим жителям перестает хватать ресурса, и они приходят к чиновнику и говорят: «Дай, дай, дай!» А у него либо нет ресурсов, либо он не хочет ими делиться. И как встроить людей в гражданское общество, мы на местах, набив шишки, знаем. А вот как работать с чиновниками? Их же много. Есть чиновник одного департамента, другого, десятого... Они все в каких-то комиссиях состоят, и их всех надо в гражданское общество встроить. Есть ли у вас такие технологии?

Светлана Маковецкая:

— Технологий у нас много. Заходите на наш сайт, увидите. Чего мы только не делаем: обучаем чиновников, выпускаем для них специальные методи-

ческие пособия; только что создали стандарт деятельности органов местного самоуправления по обеспечению всех форм общественного участия на местном уровне. Многие общественные инициативы предлагают продукт, который невозможно использовать: он либо не туда обращен, либо в нем есть описание проблемы, а решения нет. В 80% случаев говорят про «кровавый антинародный режим», но никто не объясняет конкретно, как этому режиму стать не кровавым и не антинародным. Я говорю в кавычках. Это во-первых. Во-вторых, чиновник часто в рамках своей компетенции не понимает, что делать с результатами общественного контроля, гражданской экспертизы и так далее. Он не понимает, какие решения может или должен принять на основании этих результатов. И именно этим мы занимаемся в рамках публичного менеджмента, когда взаимодействуем с чиновниками, — разъясняем, уточняем необходимые действия в виде процедур.

В общем, вы можете заниматься оценкой регулирующего воздействия властных структур. Если вас что-то не устраивает, найдите формат, который был бы актуален для чиновника. Как прагматик я, например, буду использовать именно этот инструмент, буду делать не экспертизу в целом, а оценку регулирующего воздействия. Могут работать с проектами нормативных актов. У меня как гражданина много возможностей. Если бы ресурсный центр на районном или городском уровне помогал общественным группам так работать, у вас бы получалось. Можете обращаться к нам, мы являемся федеральным ресурсным центром, получили на это субсидию министерства экономики — программа называется «Поддержка других ресурсных центров по участию некоммерческих организаций в управлении социальной сферой и производстве социальных услуг». Выглядит технократично, но про общественную часть там тоже очень много сказано. Мы поддерживаем такие же, как наш, ресурсные центры в 17 регионах Российской Федерации. Мы можем сделать более успешной деятельность людей не потому, что заставим их быть активными, — тут мы не самые крупные специалисты, есть другие люди. Но мы можем поддержать экспертно, помочь, объяснить грамотно, пошагово, что сделать, чтобы тебя услышали, чтобы это было интересно, чтобы было выражено правильным языком и направлено, куда нужно, и тогда, когда это выгодно.

Роман Захаров, *представитель Фонда защиты гласности в Санкт-Петербурге:*

— Во-первых, хотел бы сказать то, что не очень удобно всегда говорить. Вы действительно зарядили оптимизмом, и это очень важно, потому что какая-то депрессия нас охватила. Вопросов у меня два. Первый: не ведет ли ваша позиция по отношению к власти к соглашательству? Как удержаться, даже отстаивая свои ценности, от постоянного соглашательства с тем, что спускают сверху, если тебе при этом предлагают реализацию проектов, за которые ты болееешь и переживаешь? Как все-таки противостоять этому доброму напору, который гораздо сильнее, чем силовое давление?

Роберт Раушенберг. Перегруженный транспортер. 1987

И второй вопрос касается отношений внутри гражданского сообщества, того, чтобы, как вы правильно сказали, не разругаться вдрызг. И, кстати, это очень часто касается людей активных и тех, кто стоит на каких-то твердых позициях. Эта конфликтность как-то устранима с точки зрения прагматика?

Светлана Маковецкая:

— Начну с последнего. С точки зрения прагматика недоверие — это ресурс самоорганизации. Если стало понятно, что мы разругались, нужно размежеваться, заняться саморегулированием и соединиться с теми, кто действует по тем же правилам, что и вы. Именно поэтому общественным организациям очень важно вкладываться в саморегулирование — к сожалению, они предпочитают разговаривать только со своими и не наказывают своих за то, что те действуют не по правилам, предлагаемым самими общественными организациями. При этом не нужно усиливать недоверие везде, где только можно. Поэтому мы нащупываем какие-то механизмы, проводим, например, городские гражданские выходные: собрались, скажем, 120 человек с разными практиками, увидели они друг друга и начинают друг другу доверять не потому, что согласны с вегетарианцами, а потому, что были участниками одной лаборатории. Или вы друг другу доверяете, потому что вы в одном гаражном кооперативе, выпускники одной школы, то есть вас объединяют какие-то социальные связи, и вы добиваетесь своих целей.

По поводу соглашательства. Вопрос, который вы задаете, очень точный. И я сама над ним бьюсь. Но я совершенно точно понимаю: все, что я могу сделать, — каждый раз себя тестировать. Тут только моральный императив может работать. Как по-другому, пока не понимаю. Если я берусь за какое-то дело, то либо ради повышения статуса, либо для достижения конкретного результата. Нет конкретного результата — я выхожу из проекта. Очень

много площадок, которые мы оставили, зайдя туда сначала как попечители, потому что в какой-то момент приходило понимание, что либо нас используют, либо мы не готовы считать результатом то, что делаем там.

Зубайру Зубайруев, *первый заместитель министра по делам печати и информации Республики Дагестан*:

— Имею девятилетний опыт нахождения вне депрессии. В связи с этим — несколько банальностей. Гражданское общество может построить только гражданская нация. Сформировать гражданскую нацию можно только в результате длительного гражданского просвещения. У нас в Дагестане это очень хорошо видно. Если мы не занимаемся гражданским просвещением, то наши дети получают другое «просвещение». Желających воспитывать наших детей чересчур много. Как потом с ними жить? Но вот проблема. Допустим, нам удалось чего-то достичь на ниве гражданского просвещения и наши усилия оказались востребованы. Как потом людям в этом государстве жить и реально работать, пытаться кормить свою семью, не изменяя ценностям гражданского общества? Согласитесь, здесь возможностей очень мало.

Я хотел бы вас спросить: считаете ли вы полезной и правильной работу с конкурентным бизнесом, потому что он более свободен? Мы, например, пытаемся работать в ассоциации предпринимателей в регионах. Даже в СМИ как в бизнес идем, но именно туда, где это бизнес, а не выражение заказа государства. Правильно ли это? Как реализовать все то, что мы получили здесь, в Школе? Как вы оцените попытки создания ресурсных центров по таким направлениям, как бизнес-инкубаторы, ассоциации предпринимателей? Мы в Дагестане занимаемся этим с нашими выпускниками. Правильно или нет? Я хотел бы найти вашу поддержку.

Светлана Маковецкая:

— Абсолютно с вами согласна. Я сама десять лет была генеральным директором Уральского агентства поддержки малых и средних предприятий. Поддерживала бизнес до того момента, пока не поняла, что хочу делать и что-то гуманитарное, потому что по первому образованию я теоретик культуры.

Я совершенно уверена, что свободный автономный бизнес является частью ресурса гражданского общества. Я согласна, что сейчас гражданскому обществу нужно обращать внимание на развитие бизнеса, потому что, к сожалению, с 2004 года государство делает все от него зависящее, чтобы выстроить из бизнеса вертикально ориентированные и аффилированные с государством холдинги. Это очень плохо. Поэтому я за то, о чем вы говорили, — за работу с молодыми и за разные бизнес-инкубаторы; за возможность улавливания особого типа ответственности, это правильно и продуктивно. Люди должны понимать, что они сами могут что-то сделать, а потом на этой основе надстраивать что-то еще. Мне очень нравится подобная капитализация в стране всего, что только можно, — человеческого ресурса, брендов, идей.

20 августа 2014 года скончался наш друг и коллега, известный социолог, переводчик Борис Владимирович Дубин. Разносторонний интеллигент, он с 1988 года был сотрудником ВЦИОМа, с 2003-го — Аналитического центра Юрия Левады, преподавал социологию культуры в Институте европейских культур РГГУ и в Московской высшей школе социальных и экономических наук, был заместителем главного редактора журнала «Вестник общественного мнения», с 2012 года входил в редколлегию журнала «Иностранная литература». Борис Владимирович обладал редкой интеллектуальной щедростью и, выступая на семинарах Школы, вносил свой вклад в осмысление проблем гражданского общества. Ниже мы публикуем с несущественными сокращениями его последнее выступление на семинаре в Голицыно 14 июня 2014 года.

*Борис Дубин,
социолог, переводчик
(31.12.1946 — 20.08.2014)*

Историческая память и особый путь

За последние два столетия слова об особости России, русском пути, характере навязли в зубах. Но в отличие от общепринятого подхода я буду искать это особенное не в прошлом, а в настоящем. Прошлое может экранировать, заслонять от человека настоящее. Конечно, определенные элементы российской особости реально существуют, это не только фантазии. Они затрагивают способ организации нашей жизни, коллективное существование, в котором люди понимают себя, говорят и действуют исходя из того, что они особенные.

С весны 2014 года в общественном мнении значительно возросло представление о том, что Россия — особая страна, а российский человек — особый человек. Относительное большинство — около 40% респондентов Центра Левады — считает Россию страной с особым укладом. Порядка половины считают, что страна должна и дальше двигаться в этом направлении. Увеличение доли верящих в особый путь России сопровождается ростом одобрительного отношения к власти и негативного отношения к Западу, включая Европу.

Идея российской особости не просто поддерживается — она всячески продвигается средствами массовой информации. Во многом на ней построена телевизионная риторика, а ТВ смотрят 90–94% россиян. На формирование представления о российской особости рабо-

тают основные телеканалы, эта идея положена в основу государственной политики в области культуры. Помогают и победы России на спортивных полях. Это символ российской особенности: каждая победа еще больше разгоняет маховик особенности в российском коллективном сознании.

В чем же заключается российская особенность с точки зрения носителей этого мнения? Пропустив данные соцопросов через методологическое сито, мы получаем несколько условий.

1. Представление об особом характере государства. Это социальное государство, которое заботится о своих подданных.
2. Особый характер власти и отношений с властью: она беспредельно далека от народа, но выступает как строгий отец, который опекает, наказывает, поддерживает. Без него порядка в большой семье быть не может.
3. Промежуточное положение между Европой и Азией.
4. Очень важное представление о россиянах как общности особого типа. Это массовидная общность, где все принято решать сообща, где косо смотрят на человека, который пытается делать что-то только для себя. «Мы не рвемся за достижениями и богатством, нам важно, что мы все вместе» — этот аморфно-массовидный характер российского социума входит в представление об особенности страны.
5. Еще один важный пункт — тавтологическое, семантически пустое утверждение, что у россиян одни ценности, а на Западе — другие. Немногие смогут рассказать вам, в чем заключаются традиционные российские ценности. Но важна сама апелляция, что эти ценности есть и что они российские.

В чем состоят функции представлений о российской особенности? Первое: в том,

чтобы разграничить «нас» и «их», Россию и остальной мир. Второе: с помощью этих представлений население и отдельные люди передают власти всю инициативу, всю возможность действовать, а с себя снимают ответственность за происходящее. От 2/3 до 3/4 россиян говорят, что они ни на что в стране не влияют. А 75–80% — что не принимают и не хотят принимать участие в политике.

Третья функция представлений о российской особенности — утвердить то, что есть, и не говорить о том, что могло бы быть. В словосочетаниях «российский путь» и «особый путь» ударение падает не на слово «путь», а на слова «российский» и «особый». Вся эта конструкция не задает направление, характер и смысл движения.

Передавая ответственность власти и снимая ее с себя, общественное мнение вручает власти рычаг, который позволяет ей приспосабливаться к любой ситуации и тянуть за собой покорное население. В СССР — да и сейчас — у власти были две основные заботы: развязать «инициативу масс» (это сложно, когда вся инициатива была передана власти) и дать простор соревновательности. Настоящей, а не той, где победители известны заранее. Это ограничитель для модернизации, которая предполагает свободную соревновательность, современные формы неархаичной солидарности.

Конструкция особого пути России интегрирует три разных плана коллективного существования страны. Это 1) авторитарно-патерналистская власть, 2) рассеянные, снявшие с себя ответственность массы и 3) современные институты — рынок, суд, производство, образование, здравоохранение. Конструкция особого пути позволяет этим трем планам поддерживать друг друга. Но чтобы в ней появились современные институты, необхо-

Роберт Раушенберг. Лишний вход. 1987

димо выполнение двух условий: они должны получить санкцию со стороны авторитарной власти и быть восприняты населением.

Люди живут сложно и по-разному, социальные группы можно описывать как разные типы рациональности и морали. В этой ситуации можно разговаривать благодаря культуре — обобщающей системе смыслов, которая существует поверх разницы между социальными группами, пишут в книге «Критика и обоснование справедливости» Люк Болтански и Лорано Тевено (М., НЛО, 2013). И здесь они высказывают поразив-

шую меня мысль: «Для достижения согласия по поводу того, что является справедливым, люди должны обладать знанием об общем благе и представлением о метафизике». Метафизика — это выход за пределы непосредственной реальности. Но саму возможность согласия авторы видят только в случае, когда те, кто выносит суждение, соотносятся не только с представлением об общем благе, но и с метафизикой как универсальной системой смыслов.

Это традиция Просвещения, линия от Канта до Ханны Арентд. Суждение становится значимым, если оно основано на потенциальном согласии не только с реальными, но и с воображаемыми (метафизическими) «другими». Есть «другой», на чье место надо себя поставить, чью точку зрения принять во внимание. Это специфическая политическая способность, это правила политического действия. Политика — это не сфера, где власть действует, а люди передали ей все права и полномочия. В политике люди действуют с учетом других ракурсов (точек зрения) и выносят суждение только в процедуре согласования с другими.

Политика ставит общественные рамки индивидуальному, групповому. Это невозможно без культуры, задача которой — опосредовать отношения между частным и всеобщим.

Вернемся к России. Здесь царит патриархальный мир. Не в том смысле, что

Политика – это не сфера, где власть действует, а люди передали ей все права и полномочия. В политике люди действуют с учетом других ракурсов (точек зрения) и выносят суждение только в процедуре согласования с другими

мы живем как наши деды, а в том, что это мир устойчивых статусов. Если ты отец, то ведешь себя как отец. Если ты начальник — ведешь себя как начальник. Если ты глава страны — ты ведешь себя как глава страны. В мире жестко закрепленных статусов никто ни с кем не обязан советоваться.

Это мир репутаций. Обычный россиянин, конечно, принимает во внимание, что существуют и другие люди. Но они становятся для него предметом интереса лишь в отношении того, сильнее они или слабее; есть ли у них то, чего у него нет, но в чем он нуждается. Это основа для социального сравнения и зависти. В мире статусов, репутаций и престижа другие предстают в коллективном сознании именно так. По опросам Центра Левады, 2/3 респондентов считают, что они зарабатывают меньше, чем заслуживают и чем получают другие, выполняющие ту же работу. Понятно, что статистически это невозможно! Но фигура большинства, которое получает меньше, чем заслуживает, есть и успешно воспроизводится.

В российских условиях «свое» и «чужое» не разграничены и не обозначены

культурно. Человек существует как бы в ничейном, ничьем мире, и его хочется захватить. Или приходится мучиться от того, что не сумел, не набрался смелости это сделать. Либо захват — либо раздражение, тоска, мучение от того, что хочется захватить, а невозможно. Это влечет за собой «ресентимент» в смысле Ницше и Шелера: сознание бессилия, невозможности владеть тем, что хочешь и чего заслуживаешь. В этом смысле российский социум не принимает различий, не допускает, что все разные.

Для россиянина проблемой является и свое (кто я, чем владею, почему), и чужое (почему у него нечто есть, а у меня нет). Нет культурных границ, которые маркировали бы свое и чужое и заставляли уважать границу между ними. Ни своего, ни чужого, ни равных, ни разных. Человек переводит любые различия в иерархические — будто бы это не различия людей, талантов, темпераментов, интересов, склонностей, точек зрения на жизнь, а разница позиций (статусов). В этом мире все различия переводятся в термины «выше — ниже». Равенство признается только для бедных, лишенных чего-то: равенство в рабстве. Вся эта риторика формируется в условиях постоянной длительной несвободы и сама формирует фундаментальное недоверие к другим людям. От 2/3 до 3/4 респондентов считают, что другим людям доверять нельзя. Эту позицию дополняет представление о другом как о незаслуженном владельце того, чего у меня нет. Я отчужден от другого и уверен, что он хочет мне плохого и что у него это не получится. Моя роль пассивна, действуют (против нас) только другие. Мы молчим, а они требуют. Но у них это заведомо не получится, и мы правы, даже если молчим. Недоверие — это способ снижения образа другого, а заодно отыгрывание своих страхов неудачи и потери.

Для россиян чрезвычайно важно требование справедливости — к власти, к другим людям. Но это требование подразумевает исключение для меня. Это они должны быть со мной справедливы, а я имею право действовать по-другому. По сути, это конструкция первого лица: у него есть возможности, но нет ответственности, он может вести себя как заблагорассудится. Это исключение себя из ситуации, фигура слепого пятна: я тот, кого я не вижу, но у кого поэтому есть право на исключение.

Практика общественного мнения в России, риторика власти и отдельных групп, которые на нее претендуют, состоит не в выделении собственной, особой точки зрения, а в ее соединении с любой другой. Нет ничего чужого. Точка зрения других лишь ресурс для моего самооправдания. Власть легко использует риторику вчерашних правозащитников и интеллигентов. Берется точка зрения и соединяется с любой другой. Таков язык власти, общественного мнения, СМИ. Поэтому в нем нет общего, обобщенного, универсального языка, ценностей и ориентиров. Все зависит от практической ситуации, сегодняшних геополитических интересов. Вместо риторики оправдания и обоснования своей позиции и признания относительной правоты другого — «предъява», «наезд», «разборка», «склока», «выясняловка». Все это взаимодействие без взаимности.

В российской публичной сфере принципиально не ставится вопрос «Могу ли я стать другим?». Есть две инстанции, апелляция к которым позволяет уйти от вопроса, — враг и прошлое. Можно вынести вопрос в прошлое или перевести его на фигуру врага — и то и другое разгружает тебя от ответственности и необходимости реальных действий, изменений. С фигурой врага связано ощущение опасности, оно чрезвычайно существенно для русского обще-

ственного мнения и сопровождает отношение россиян к социальной и политической реальности. Отсюда же роль особого, чрезвычайного, экстраординарного: «особые отделы» имеют решающее значение в российской жизни.

При всем ментальном отчуждении населения от власти мы имеем дело с общим социально-политическим порядком. Люди во власти такие же, как мы, они так же сформированы, думают так же, как люди, отказывающиеся от свободы. Бегство от свободы не исключительно российская традиция. Это фаза в существовании современных обществ, связанная с их вхождением в современное состояние с его вызовами. Россия категорически не хочет поставить обе ноги в модерновое состояние. Тут сходятся интересы власти, культуры, многих элитных групп. Мы все еще входим в модерность. И испытываем шоки, бежим от свободы. Этот этап переживали Германия, Япония, Испания, Италия и др. Бегство от свободы — это реакция на определенные обстоятельства, но в России она закрепилась и повторяется. История в России переживается только как повторение, а не как разнообразие вариантов, о которых стоит подумать. «Мы не сделали и не будем делать того, что пытаются делать другие, поэтому Крым будет наш». Неладья в восприятии себя и других ведут и к специфической модели времени: его нет. Как будто завтра, послезавтра, через 200 лет будет то же самое — время выключено. И «другие» отключены. Идея времени возникает у людей, когда они видят других, разнообразие. Как сказал один из советских чиновников писателю Василию Гроссману: ваш роман не будет напечатан и через 300 лет. Он пытался выключить время. Вторая модель восприятия времени — через

повторение, ссылку на прецедент, вечные русские ценности. Время закольцовывается или принадлежит только мне, и его можно по желанию включить или выключить.

Возможность выйти из этой конструкции связана с признанием того, что на свете

Надо, чтобы россияне поняли: на свете существуют еще другие люди, нации, группы кроме них самих. Пока же у нас нарциссизм оказывается основным направлением государственной, гражданской и военной политики

существует кто-то кроме меня. С отказом от нарциссической точки зрения. Рано или поздно Нарциссу приходится признать, что на свете существует еще кто-то и не все из этих «других» обязательно враги или наши «бывшие» — национал-предатели и т.д. Когда-то это придется признать. Это зависит не только от россиян, но и от «других». Надо сделать так, чтобы россияне поняли: на свете существуют еще другие люди, нации, группы кроме них самих. Пока же нарциссизм оказывается основным направлением государственной, гражданской и военной политики. Шанс вырваться из нарциссизма есть. Но с российской стороны его пока использует явное меньшинство.

Фигура значимого «другого», «других» возникла в конце 1980 — начале 1990-х годов, когда Россия пробовала возможные свободы. Вообще подвинуть человека на внутренние изменения, как показывает история, довольно сложно. Можно ли измениться, стать другим? Стоит задуматься: каким? Учитывая, что вызов стать другим многое меняет в привычном существовании людей, начиная с повседневных привычек и заканчивая политическими институтами.

*Татьяна Кастуева-Жан,
руководитель Центра
Россия–ННГ во Французском
институте международных
отношений, IFRI, Париж*

Парадоксы «мягкой силы» России

Недавние опросы общественного мнения в Европе и США показывают резкое ухудшение имиджа России в 2014 году в связи с ее реакцией на события украинского майдана, аннексией Крыма и предполагаемым участием в дестабилизации ситуации на востоке этой страны. Так, согласно последнему опросу *Pew Research Center*, количество европейцев, имеющих неблагоприятное представление о России увеличилось с 54% в 2013 году до 74% в первой половине этого года, а в США с 43 до 72% за тот же период*. Похожая тенденция, хоть и с меньшей амплитудой, наблюдается и в странах Ближнего Востока, Латинской Америки, Азии и Африки. Это самый высокий уровень недоверия к России с момента распада СССР.

Благоприятному восприятию России за рубежом не способствовали ни вложения в крупные имиджевые проекты, главным из которых стали самые дорогие в истории (и выигранные Россией в командном зачете) Олимпийские игры в Сочи, ни освобождение Михаила Ходорковского. Вследствие украинских событий страна находится под действием западных санкций, а ее внешняя политика и намерения внушают опасения даже самым близким соседям и партнерам по Таможенному и Евразийскому союзу, Казахстану и Белоруссии. Ответственность за сбитый малайзийский «Боинг» и гибель почти 300 пассажиров в июле 2014 года была практически единогласно возложена на вооружаемых Россией пророссийских ополченцев в Донецкой области. Все это практически перечеркнуло все усилия последних лет по созданию имиджа привлекательной и сильной страны. Остаются ли после этого у России хоть какие-то рычаги

* *Russia's Global Image Negative Amid Crisis in Ukraine, Pew Research Center, July 9 2014.*
<<http://www.pewglobal.org/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine/>>.

так называемой мягкой силы, или мягкого влияния (*soft power*), на международной арене?

Зачем нужна «мягкая сила»?

Автор концепции, американец Джозеф Най, определяет *soft power* как способность одного политического актора влиять на поведение других политических акторов с помощью своей привлекательности, а не военной силы (*hard power*) или экономического давления*. Иначе говоря, чтобы увлечь за собой остальных, добиться от них желаемых действий, не нужны ни кнут (военная сила), ни пряник (экономические преференции, льготные кредиты и цены на газ), если национальная модель экономического и политического развития является привлекательной для других, а ценности и политика воспринимаются как легитимные. Имидж и восприятие действий страны другими акторами являются центральными в этой концепции.

Интересным комплексным примером мягкого влияния является высшее образование. Постепенно складывается большой глобальный рынок образовательных услуг, на котором наблюдаются как тенденции сотрудничества (обмены студентами и преподавателями, двойные дипломы и т.д.), так и конкуренция. По прогнозам Юнеско, с 2000 по 2015 год количество студентов в мире увеличится с 100 до 200 миллионов человек. Число обучающихся за рубежом выросло с 1,3 миллиона в 1990 году до 4,5 миллиона в 2011-м. Получив диплом, многие остаются в стране обучения, что остро ставит проблему утечки мозгов для многих развивающихся стран. Россия, по данным ОЭСР, принимает 4% зарубежных студентов, основная часть которых приезжает из стран СНГ.

Почему важно быть среди лидеров в «образовательной гонке»? Можно назвать как минимум три причины. Во-первых, мировой рынок образовательных услуг — это значительные финансовые потоки: согласно данным лондонского банка *Ibis Capital*, этот рынок оценивался в 4,4 триллиона долларов в 2013 году. Около четверти этого рынка приходится только на США. Ресурсы, полученные от иностранных студентов (плата за обучение, расходы на проживание и пр.), составляют значительную долю государственных бюджетов Канады, Австралии и Новой Зеландии.

Во-вторых, качественное образование — это шанс сохранить национальные таланты и привлечь способных работников из других стран. Это не только демографический бонус, в котором так нуждается Россия, но и потенциальный экономический и технологический эффект. Вспомним, что Сергей Брин, основатель поисковой системы Google, родился в России, как и многие лауреаты нобелевских премий, талант которых служит интересам не той страны, в которой они родились. Дискурс экономики знаний, который активно продвигают ОЭСР и Всемирный банк на протяжении

* J. Nye. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — New York: Public Affairs, 2004.

последних 20 лет и который был взят на вооружение российским правительством с середины 2000-х, ставит во главу угла качество человеческого потенциала, а значит, качество высшего образования, системы исследований и инноваций в стране. Американская исследовательница Сьюзан Стрэндж считает знание в широком смысле одним из четырех структурирующих элементов власти, могущества и позиционирования государств в мире наравне с системами безопасности, производства и финансов*.

В-третьих, качественное университетское образование повышает престиж и привлекательность страны и способствуют ее мягкому влиянию. Участие в образовании мировых элит создает и укрепляет формальные и неформальные каналы коммуникаций и влияния и капитал симпатий, который может принести в будущем политические и экономические дивиденды в форме сетевых связей и контрактов.

Страны БРИКС прекрасно осознают эти преимущества «мягкой силы» и стремятся не просто достичь показателей развитых стран, в первую очередь США, но и бросить им вызов, превратившись из «поставщиков» студентов в полюса притяжения, способные получить значительную долю этого рынка**. Не зря Китай и Россия включились в гонку университетов мирового класса. Так, в 2012 году Россия поставила целью вывести пять своих университетов в мировую сотню лучших к 2020 году. Китай еще раньше поставил ту же задачу через «Проект 211» и «Программу 985». Доминирующая модель для подражания — бесспорно, англосаксонская. Стремление фигурировать на лучших местах в рейтингах приводит к дальнейшему распространению этой модели в других странах, даже там, где сильны национальная специфика и историческое наследие. В этом и заключается принцип действия «мягкой силы», ведь США и Великобритания никому не навязывают эту модель насильно. Она распространяется сама, поскольку воспринимается как лучшая существующая практика и путь к успеху.

Инструменты и каналы влияния

Списка инструментов и каналов мягкого влияния не существует. Если для Джозефа Ная это прежде всего привлекательная культура, ценности и качество внутренней и внешней политики, воспринимаемые как легитимные и моральные, то другие исследователи добавляют к этому списку факторы бизнеса, престиж национальных предприятий, лидерство на региональном уровне, способность выстраивать отношения доверия с населением других стран, идеологию, научно-технические успехи и т.д. В целом список можно продолжить с помощью любого инструмента, который не подразумевает прямое использование военной силы или экономического принуждения.

В 90-е годы вопрос о развитии российской «мягкой силы» не возникал. У России были другие приоритеты, связанные с переходным периодом, экономическими проблемами, войной в Чечне и т.д. Во внешней политике

* S. Strange. *States and Markets*. — Londres: Pinter Publisher, 1988.

** T. Kastouéva-Jean. *L'enseignement supérieur entre pays occidentaux et émergents: coopération ou compétition?* — Ramses 2015, Paris, Ifri/Dunod (готовится к печати).

доминировало стремление подражать западной модели развития. Однако с приходом Владимира Путина к власти укрепление имиджа и влияния России в мире стало приоритетом. С 2003–2004 годов власть ведет политику восстановления положения великой державы, основанную на трех составляющих: реформе военных сил, ренационализации энергетического сектора и завоевании международного престижа*. Острое же осознание роли мягкого влияния в мире произошло в российских элитах в период «оранжевой революции» в Украине. Именно после этого события в выступлениях лидера страны, обращениях к послам РФ, официальных документах, стратегии внешней политики и появляется термин *soft power*. Осознание важности мягкого влияния

В России налицо разрыв между двумя аспектами: ее «мягкая сила» – это прежде всего активная политика при отсутствии привлекательной экономической, политической и социальной модели

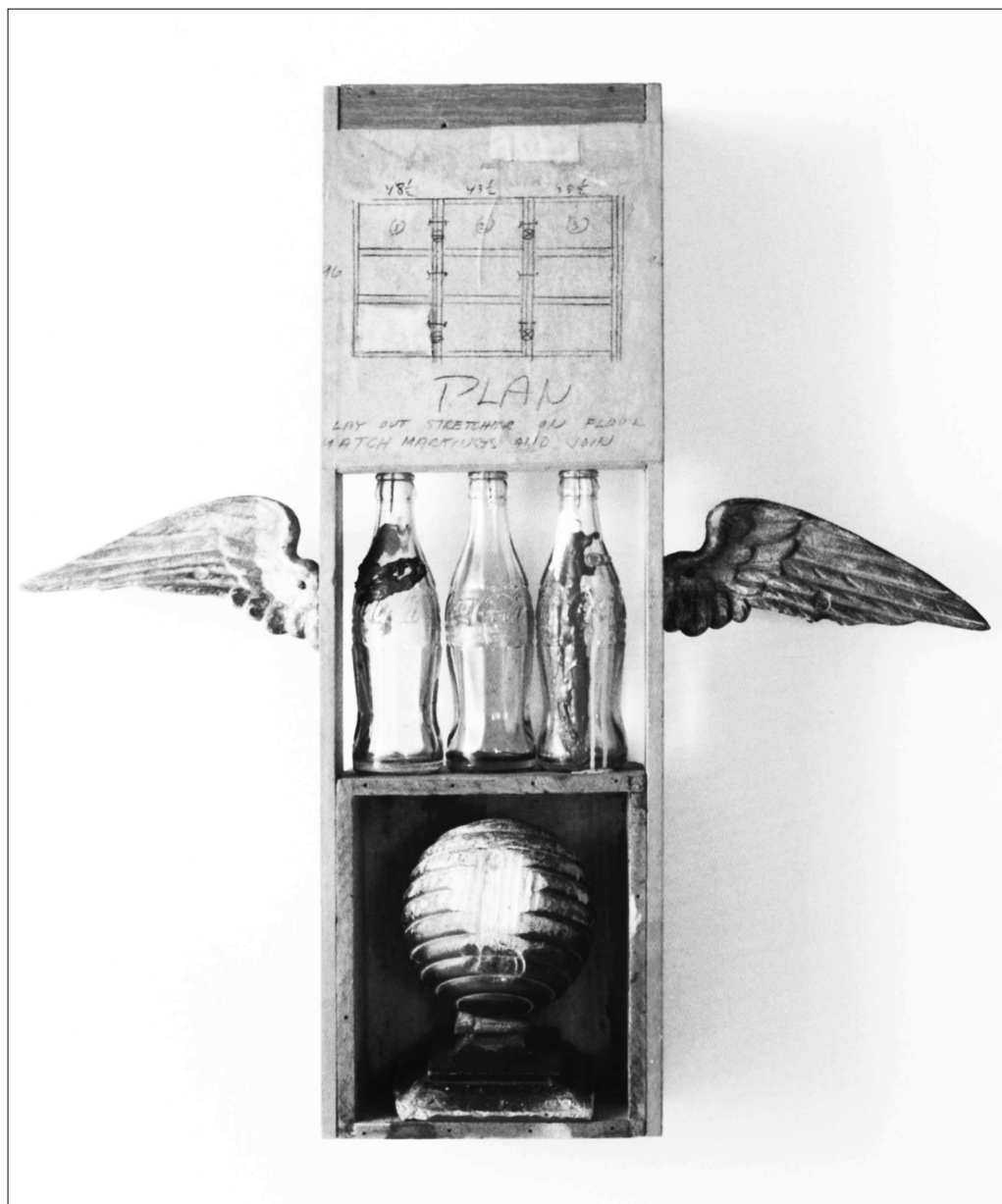
сопровождалось созданием соответствующих инструментов и механизмов, чему благоприятствовала экономическая конъюнктура, высокие цены на нефть и темпы экономического роста.

Среди действий, нацеленных на создание арсенала *soft power*, можно выделить три основных направления**. Во-первых, это укрепление традиционных векторов влияния России. Речь идет о мерах поддержки распространения русского языка и культуры, работе по сближению с соотечественниками за рубежом (считается, что после распада СССР за пределами России остались 25 миллионов россиян), укреплении научных и образовательных связей. Специально созданные структуры, такие как агентство «Россотрудничество» и фонд «Русский мир», были призваны сохранять и укреплять влияние русской культуры. В эту работу была активно вовлечена Русская православная церковь. Все эти векторы «мягкой силы» России в первую очередь направлены на страны СНГ. Россия стремится играть особую роль в этом регионе через запуск региональных реинтеграционных процессов на экономической и торговой основе (Таможенный союз с Белоруссией и Казахстаном), а в перспективе и с переходом к политическому сближению (Евразийский союз). Кроме того, появилась концепция Русского мира – транснациональной и трансконтинентальной общности, основанной на русском языке и русской культуре, выходящей далеко за географические пределы территории России.

Второй большой блок инструментов включает создание информационных, медийных каналов, коммуникационных структур и институтов, призванных донести «голос» России и защищаемые ею интересы и ценности до международной публики. В 90-е годы Россия проиграла чеченскую войну

* Th. Gomart. *Le monde vu de Moscou // La Croix*, 29 mai 2014, <<http://www.la-croix.com/Actualite/Monde/Le-monde-vu-de-Moscou-2014-05-29-1158085>>.

** T. Kastouéva-Jean. *Soft power russe: discours, outils, impact // Russie.Nei.Reports*, n° 5, octobre 2010, 29 p.

Роберт Раушенберг. Проект Coca-Cola. 1958

в информационном и медийном плане: с тех пор ее возможности несравнимо выросли и позволяют развернуть настоящие пиар-кампании, которые, правда, часто воспринимаются за рубежом как открытая и агрессивная пропаганда. Телевизионный канал *Russia Today* был создан в 2005 году и вещает на английском, арабском и испанском языках. Сегодня в США аудитория *RT* превосходит аудиторию немецкой *Deutsche Welle* и китайской *CCTV*. Популярности телеканала способствуют альтернативное западным СМИ освещение событий и привлечение к программам таких ярких личностей, как Ларри Кинг и Джулиан Ассандж. В начале 2014 года

путем слияния РИА «Новости» и Радио «Голос России» было образовано информационное агентство «Россия сегодня». У крупных западных газет нередко имеются приложения, посвященные России (например, *La Russie d'aujourd'hui* к французской газете *Le Figaro*). Среди каналов, продвигающих позиции России на Западе, есть не только СМИ, но и, например, отделения Института сотрудничества и демократии в Париже и Нью-Йорке.

К российским пиар-кампаниям привлекаются и крупные западные фирмы. С 2006 года (председательство России в G8) российские власти платят крупные суммы американскому агентству Ketchum за проведение кампаний по улучшению российского имиджа за рубежом. Банк Goldman Sachs, выпустивший в оборот в 2001 году аббревиатуру БРИК (включавшую тогда страны с наиболее перспективными экономиками — Бразилию, Россию, Индию, Китай. Позже в группу вошла ЮАР, и БРИК стала именоваться БРИКС), был привлечен в 2013 году для продвижения инвестиционной привлекательности России на международном уровне. Российское правительство быстро научилось и правилам игры в «мягкую силу» в Интернете: прокремлевские комментаторы и блогеры, по всей видимости, работают и в западном медийном пространстве*.

В-третьих, крупные имиджевые проекты были изначально призваны изменить образ и восприятие России в мире, представив ее как современную, высокотехнологичную и открытую страну. Среди таких проектов крупнейшими стали прошедшие Олимпийские игры в Сочи и будущий чемпионат мира по футболу, который пройдет в 2018 году. Перечисляя каналы влияния, необходимо упомянуть и работу с определенными кругами на Западе: молодежью, деловыми кругами, представителями политических партий, лидерами общественного мнения. Нет уверенности, что эти методы влияния относятся исключительно к «мягкой силе», ведь они могут включать агентурную работу и финансирование. Многие западные журналисты сегодня расследуют функционирование каналов влияния России на Западе, однако делается это с большим трудом и, нужно признать, без особых результатов.

Для подсчета бюджета, выделяемого на инструменты российской «мягкой силы», необходимо суммировать бюджеты разных организаций, СМИ и отдельных проектов. Например, бюджет *Russia Today* увеличился с 30 миллионов долларов в 2005 году до 216 миллионов в 2013 году (для сравнения: годовой бюджет британской BBC World News оценивается в 240 миллионов фунтов стерлингов в 2013/14 финансовом году, то есть более 380 миллионов долларов**). Сравнения по многим отдельным направлениям показывают, что бюджет российской «мягкой силы» представляет собой значительную сумму, которая увеличивается со временем, но остается сравнимой или даже ниже уровня расходов развитых государств на те же цели.

* C. Elliott. *The readers' editor on... pro-Russia trolling below the line on Ukraine stories // The Guardian*, 4 мая 2014, <www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/04/pro-russia-trolls-ukraine-guardian-online>.

** 12 июня 2013, <www.broadcastnow.co.uk/news/broadcasters/bbc-world-service-budget-cut-by-22m/5057250.article>.

Слабости российской «мягкой силы»

Негативный эффект имиджевых потерь проявляется мгновенно: заголовки зарубежных газет не обошли вниманием убийство Анны Политковской, смерть Сергея Магнитского, процесс Pussy Riot, процессы против лидеров российской оппозиции и так далее. Сбитый над Украиной «Боинг» способствовал консолидации позиций по секторальным санкциям среди стран Евросоюза, так долго колебавшихся в принятии решения. Позитивный же эффект мягкого влияния измерить гораздо труднее: он может быть довольно размытым или отложенным во времени, но при этом кристаллизироваться в какой-то момент в благоприятном для страны голосовании в ООН или заключенном контракте.

Несмотря на развернутый с середины 2000-х годов впечатляющий арсенал российской «мягкой силы», достигнутые результаты кажутся более чем скромными. Инструменты, которые позволяют замеры и сравнения (опросы общественного мнения, разные рейтинги), свидетельствуют о слабых международных позициях России, способствующих ее позитивному восприятию и продвижению ее интересов. Показателем является и то, что инициативы России редко получают поддержку со стороны западных, да и не только западных партнеров. Так, независимость самопровозглашенных республик Абхазии и Южной Осетии, помимо России, признали лишь Венесуэла, Никарагуа и Науру. Россия осталась в меньшинстве и при голосовании в ООН по резолюции о территориальной целостности Украины в марте (ее позицию поддержали Армения, Белоруссия, Боливия, Куба, Никарагуа, Северная Корея, Судан, Сирия, Венесуэла и Зимбабве). России крайне редко удастся привлечь на свою сторону другие государства, не прибегая к экономическим и энергетическим методам воздействия.

Российское мягкое влияние слабо по нескольким причинам. Во-первых, в определении *soft power* присутствуют два аспекта: наличие привлекательной модели и активная политика по ее продвижению. «Мягкая сила» становится по-настоящему эффективна лишь в ситуации, когда первая сопровождается второй. В случае России налицо разрыв между двумя аспектами: ее «мягкая сила» – это прежде всего активная политика при отсутствии привлекательной экономической, политической и социальной модели. Россия занимает 127-е место из 175 стран по Индексу восприятия коррупции Transparency International в 2013 году, 92-е из 189 в рейтинге по условиям ведения бизнеса (Doing Business) в 2014-м, 148-е из 180 по свободе прессы, согласно данным организации «Репортеры без границ». В таком контексте говорить о мягком влиянии России кажется почти неуместным.

Следует отметить, что ведение активной политики «мягкой силы» может восприниматься государством, на которое направлено воздействие, как угроза его интересам и безопасности. Задолго до присоединения Крыма поддержка Россией некоторых структур, действия пророссийских НПО, русскоязычные публикации и политика паспортизации на территории полу-

* Lada L. Roslycky. *Russia's smart power in Crimea: sowing the seeds of trust* // *Southeast European and Black Sea Studies*, Volume 11, Issue 3, 2011, p. 299–316.

острова расценивались Украиной как направленные на поощрение сепаратизма*. Концепция Русского мира и попытки региональной интеграции под эгидой России воспринимаются во многих странах СНГ как прикрытые попытки восстановления империи. Но и сама Россия негативно воспринимает деятельность западных НПО и американских фондов на своей территории или в странах СНГ. Ответом на «чужую» soft power, которую Россия считает опасной для своих интересов, становятся запрещение (USAID, British Council) или ограничение деятельности (статус иностранного агента). Восточная политика соседства Евросоюза, предложенная шести странам бывшего СССР, тоже была воспринята как направленная против интересов России.

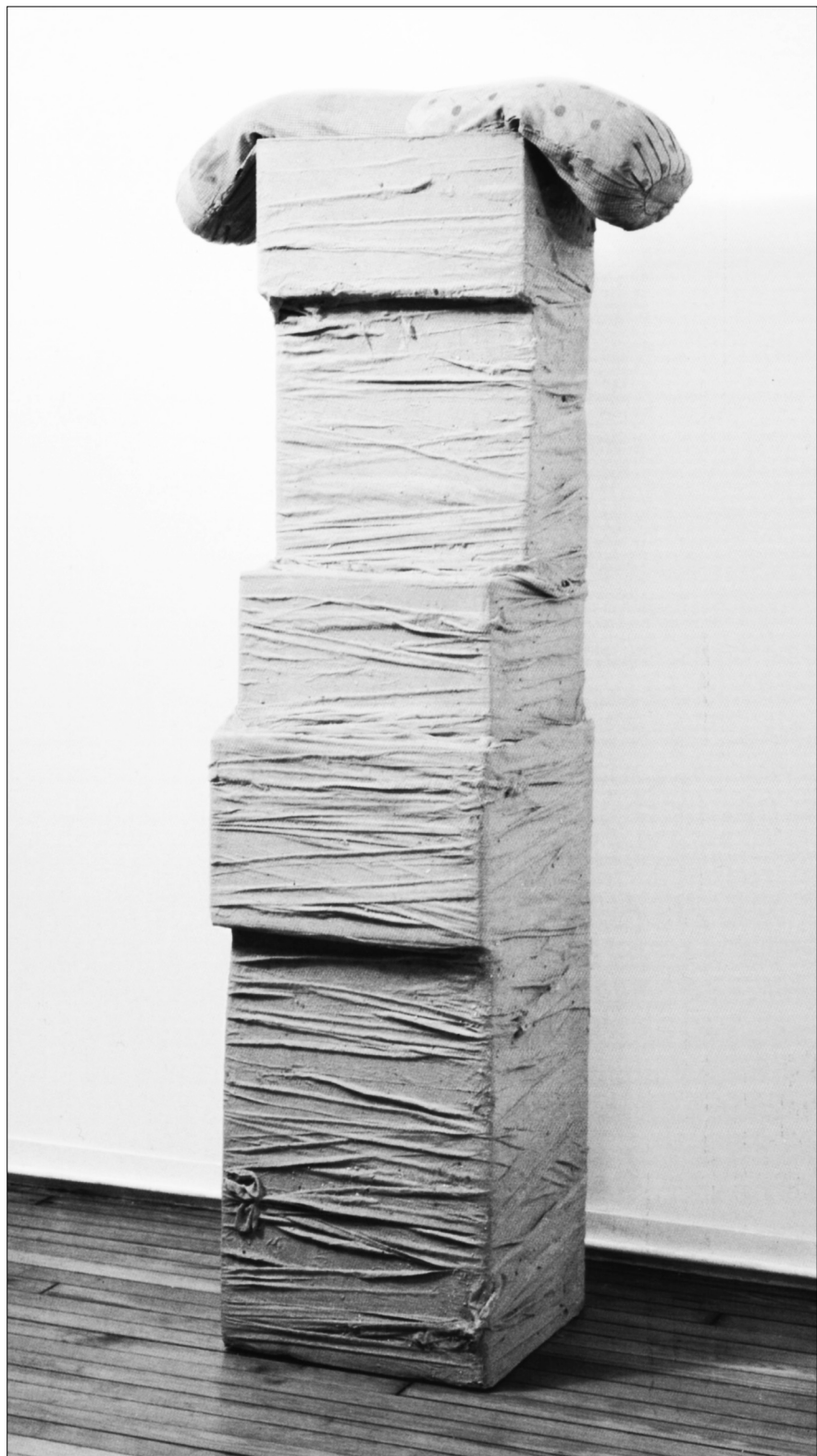
Во-вторых, российская «мягкая сила» часто не исключает и даже неотделима от жесткой силы или экономических методов влияния (коррупция, экономический, энергетический и торговый шантаж*) с более понятными, быстрыми, измеряемыми результатами. С 2009 года российский закон «Об обороне» дает право на использование вооруженных сил за рубежом для защиты граждан Российской Федерации за пределами ее территории. Вопрос защиты российских соотечественников за рубежом находится в центре сегодняшнего украинского конфликта: именно этой причиной объяснили необходимость аннексии Крыма. Такое поведение вызвало сильное беспокойство руководства ряда стран, в частности Балтии и Казахстана. Попытки убедить Украину при Викторе Януковиче отказаться от подписания договора об ассоциации с Евросоюзом сопровождались не только аргументами о выгоде от присоединения к Таможенному союзу, но и выдачей кредитов, льготными тарифами на газ, а также торговыми и экономическими санкциями.

В-третьих, во многих случаях Россия демонстрирует неумение работать сразу с многими силами в зарубежных обществах. Она часто делает ставку на одну, наиболее близкую ей силу, игнорирует остальные и оказывается де-факто без сильных карт на руках, если эта сила теряет влияние или исчезает со сцены. Именно это и произошло после побега Януковича: Россия оказалась лишена партнера, на которого делала основную ставку в Украине.

В-четвертых, Россия стремится к конкретному, осязаемому и быстрому результату, что часто невозможно при использовании «мягкой силы». Представители украинской Партии регионов свидетельствуют, что российские партнеры требовали от них во время встреч обязательного подписания документов, в которых Партия регионов отказалась бы от проевропейской ориентации, кстати, фигурирующей в ее программе**. В данный момент изменяются подходы России к участию в программах содействия международному развитию (СМР). Россия является важным международным донором. В апреле текущего года была подписана новая концепция государственной политики в этой сфере, доверенной отныне «Россотрудничеству».

* J. Sherr *Hard Diplomacy and Soft Coercition. Russia's Influence abroad*, Londres, Chatham House, 2013, 152 p.

** *Интервью в Киеве, апрель 2014. Программа Партии регионов:* <<http://region.zp.ua/ru/program/>>.

Роберт Раушенберг. Без названия. 1973

С одной стороны, будет значительно увеличено финансирование*, а с другой — Россия переходит от пассивного участия в «чужих» международных программах к активному конструированию своих собственных, адресных и более видимых для получателя (например, через логотип с матрешкой). Помощь в первую очередь должна предоставляться странам-союзникам на двусторонней основе, а не через «общий котел» международных организаций. Предоставление донорской помощи может быть связано с решением проблем, с которыми сталкивается российский бизнес в этой стране. Можно с уверенностью предсказать, что новый подход не всегда встретит понимание в некоторых странах-реципиентах.

В-пятых, *soft power* редко эффективна на одном отдельно взятом направлении, она имеет комплексный характер. Например, чтобы сделать конкурентоспособным сектор высшего образования и вывести университеты в мировые рейтинги, недостаточно предложить высокие зарплаты преподавателям и оборудовать лаборатории по последнему слову техники. Общая атмосфера в секторе (академическая свобода, отсутствие коррупции) и проблемы, выходящие за его пределы (иммиграционное законодательство и практики, проблемы окружающей среды, политические свободы, безопасность, уровень ксенофобии), могут иметь решающее значение. То же касается и туризма: главными проблемами являются не только «высокие цены на авиа- и железнодорожные перевозки внутри страны, но и неразвитая информационная среда, неудобный график работы музеев, недостаточное количество гостиниц»**.

В-шестых, России часто не хватает упреждающих действий и предложений и оригинальных идей для развития своего мягкого влияния. Пока она вместе с другими странами БРИКС «догоняет» западные университеты в рейтингах, те уже перешли на другую стадию образовательных программ, МООС (*massive open online courses*), которые собрали несколько миллионов студентов за первые месяцы существования. В маленькую Эстонию приезжают со всего мира за опытом эффективного государственного электронного управления (проект «Электронная Эстония»). Возможности *soft power* лежат в оригинальных, новых, проактивных решениях, за пределами проторенных дорожек. Те случаи, когда Россия демонстрировала способность позитивно работать на опережение и предлагать оригинальные решения, доказывают это: так, предложение поставить под международный контроль химическое оружие в Сирии в 2013 году, вкупе с делом Сноудена, вывело Владимира Путина на первое место в списке самых влиятельных людей мира (журнал *Forbes*). Этот период в преддверии Олимпиады в Сочи был, несомненно, звездным часом российской *soft power*.

И наконец, последний фактор: российская «мягкая сила» сосредоточена в руках государства и государственных и аффилированных с ними структур. Гражданское общество имеет к ней слабое отношение.

* Е. Черненко. «Мягкую силу» снабжают средствами // *Коммерсантъ*, 5 июня 2013, <<http://www.kommersant.ru/doc/2204815>>.

** *Интуристы объезжают Россию стороной* // *Коммерсантъ*, 10 июня 2014, <www.kommersant.ru/doc/2489899>.

Украинский кризис, наверно, можно считать комплексным, системным и показательным провалом российской *soft power*; несмотря на огромный благоприятный задел (интенсивные гуманитарные связи, туризм, существенную разницу в уровне жизни с Украиной, студенческие обмены, потенциал русскоязычных каналов телевидения, привлечение на работу в Россию молодых, образованных украинских кадров), который мог дать ей преимущество в борьбе за влияние в Украине. Как пишет украинский эксперт Олег Грицаенко: «Благодаря умелому применению США и Европой методов “мягкой силы” (поддержка неправительственных организаций; работа со всеми без исключения партиями политического спектра, а также в экспертной среде; стимулирование молодежных обменов; особый акцент на работе с общественностью юго-востока Украины) и отсутствию у России опыта и навыков использования этих методов, украинское общество, при всех поворотах официального курса, медленно, но неуклонно дрейфовало в сторону сближения с Западом.... Вместо оттачивания и совершенствования “мягких” инструментов влияния было принято решение вообще уйти из сферы, в которой “противник” раз за разом оказывался сильнее, и попытаться решить “украинскую проблему” традиционным путем военных и полувоенных операций, то есть в плоскости, где Россия чувствует себя гораздо более уверенной и имеет богатый исторический опыт»*.

Использование силовых компонентов, экономические и энергетические рычаги давления за несколько месяцев существенно подорвали имидж России в сознании миллионов украинцев. Аннексией Крыма Россия испровергла устои собственной политики, которые до этого последовательно защищала: суверенность государства, незыблемость границ, а также европейскую ориентацию. Многолетний проект власти по выстраиванию «мягкой силы» и влияния России в мире кажется сегодня разрушенным.

И все-таки она существует

Тем не менее было бы ошибкой считать, что российской «мягкой силы» сегодня не существует. Она продолжает опираться на многие традиционные факторы, но в свете украинского кризиса у нее открылись и новые неожиданные аспекты.

Результаты референдума в Крыму в марте показали, что Россия может выглядеть привлекательной в глазах соседей. С одной стороны, сыграла роль активная информационная кампания на русскоязычных каналах, вызвавшая глубокий страх местного населения перед «фашистской хунтой» в Киеве. А с другой — стремление к более высокому уровню жизни, размеру зарплат и пенсий, сильному государству также определило выбор крымчан. *Soft power* — во-многом вопрос сравнения. Россия — вторая страна по приему мигрантов после США: притягиваемая низким уровнем безработицы, в первую очередь в Москве, и возможностью лучшего заработка, чем в

* О. Грицаенко. , Украинский кризис: взгляд изнутри // *Russie.Nei.Visions*, n°78, июнь 2014, <www.ifri.org/?page=contribution-detail&id=8136&id_provenance=97>.

собственной стране, основная масса мигрантов приезжает из стран СНГ. Согласно данным Всемирного банка, 48% ВВП Таджикистана и 31% ВВП Киргизстана составляют денежные переводы мигрантов из России.

Кроме постсоветского пространства, Россия сохраняет привлекательность и для немалой части западного общества. Необходимо упомянуть традиционную привлекательность российской культуры: какова бы ни была политическая конъюнктура, русский балет, театр и литература будут всегда вызывать восхищение западной публики и останутся неотъемлемой частью культурного достояния Европы. Но помимо этого, ценности, которые защищает сегодня Россия, и ее политика отвечают устремлениям и чаяниям определенных кругов на Западе. Речь не только о тех, кого с Россией давно связывают экономические интересы, личные связи или давние симпатии.

«Мягкая сила» России сегодня наполняется содержанием, которого ей не хватало многие годы. Это содержание соответствует защите ультраконсервативных и традиционных ценностей*. Дискурс российских политических лидеров изобличает «нравственный релятивизм, проповедь вседозволенности и гедонизма, укрепление позиций воинствующего атеизма, отказ от традиционных ценностей, которые в течение многих веков составляли нравственную основу человеческого развития»**. Такое идеологическое позиционирование вызывает симпатии наиболее консервативных, в частности крайних правых, кругов на Западе, с которыми российские власти сблизилась за последнее время. Теплый прием, оказанный лидеру французского Национального фронта Марин Ле Пен в Москве в 2013 и 2014 годах, тесные связи с крайними правыми партиями в Болгарии, Венгрии свидетельствуют об этом. Помимо крайних правых российская внешняя политика вызывает одобрение кругов, разделяющих одну или несколько из следующих позиций: евроскептицизм и вытекающая из него защита национального суверенитета, антиатлантизм, антиамериканизм, антиглобализм и антилиберализм. Спектр политической поддержки российских позиций на Западе оказывается весьма широк. Российские власти точно идентифицируют эти течения и делают ставку на них.

Наконец, привлекательной для многих на Западе является и личность президента Путина, одно слово которого может обрушить или вернуть в равновесие рынки и биржи. Лидер, способный всеми способами защищать то, что он считает национальными интересами страны, легко завоевывает симпатии сторонников сильной руки.

Эти факторы вписываются в контекст экономической, торговой, энергетической взаимозависимости между Россией и Европой. Опасаясь обратного эффекта санкций, деловые круги западных стран выступают в поддержку сохранения отношений с Россией на прежнем уровне (*business as usual*). Кроме того, каждая из европейских стран имеет свою специфическую зависимость от российских инвестиций, финансов, газопроводов и т.д.*** Российская *soft power* своеобразна, но реальна.

* А. Тзыганков. "Putin" Crusade // *New Eastern Europe*, n°2, 2014, p. 56–62.

** Интервью С. Лаврова // *Коммерсант*, 13 февраля 2014.

*** Ben Judah. *Could the war in Ukraine bring down the Kremlin?* 31 июля 2014, <www.politico.com/magazine/story/2014/07/the-end-of-vladimir-putin-109604.html#ixzz39BCJMS3D>.

*Владислав Иноземцев,
доктор экономических наук,
директор Центра
исследований
постиндустриального
общества*

Коррупция: победима ли она в «отдельно взятой» стране?

Коррупция — одно из основных зол нашего времени; о борьбе с ней говорят почти повсеместно. Сегодня, видимо, пришла пора признать, что достижения в глобальной борьбе с коррупцией, которые на протяжении первых двух третей (или трех четвертей) XX века были весьма впечатляющими, не только не прекратились, но и были отброшены мощной коррупционной волной.

В конце XIX века «срачивание» бизнеса и государственной власти — в первую очередь в самой быстро развивавшейся стране того времени, Америке, — привело к тому, что общество оценило ситуацию как нетерпимую. Под давлением общественности политики вынуждены были пойти на принятие антимонопольного законодательства и ужесточить требования к представителям власти. В первый и единственный раз за полтора века американской двухпартийной системе угрожала третья, популистская, партия. С тех пор прошло больше ста лет, и следует признать, в развитых странах удалось достичь значительных успехов в борьбе с коррупцией — прежде всего за счет сокращения имущественного неравенства, развития демократических институтов, упрочения верховенства права и постоянно усиливающегося общественного контроля за властью.

Но с середины 1970-х годов начали возникать предпосылки для негативных процессов в этой сфере. Основой регресса стала неолиберальная волна и формирование информационного общества, которые обусловили начало нового витка роста социального неравенства. Общество стало более толерантным к сверхбогатым гражданам, которые начали выстраивать более выгодные схемы работы с деньгами. Именно к этому времени относится широкое распространение практики офшорных юрисдикций, легитимизировавших масштабный уход от уплаты налогов в развитых странах. В мире появились десятки новых, как правило, бедных и недемократичных независимых государств, в которых использование государст-

венных должностей для личного обогащения стало самым успешным бизнесом. Политическая нестабильность в таких странах и местный неблагоприятный инвестиционный климат приводят к тому, что большая часть присвоенных чиновниками денег оседает в западных банках. Коррупционная динамика, ее пагубное влияние на мировое развитие, глобализация обуславливают актуальность проблемы сдерживания современной коррупции.

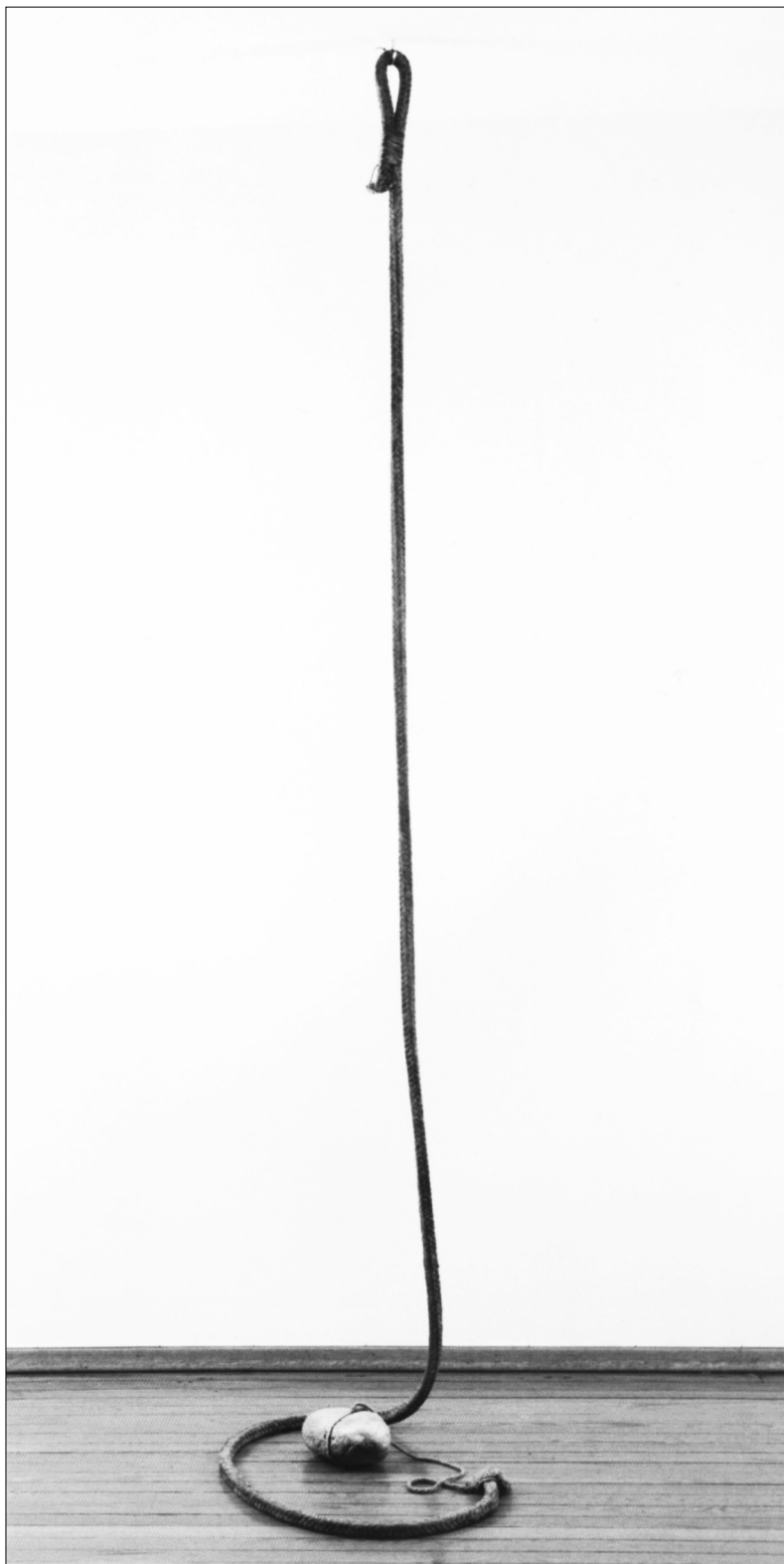
С какой коррупцией стоит бороться?

Чаще всего под коррупцией понимают продажность должностных лиц или государственных служащих, которые за определенное вознаграждение используют доверенную им обществом или вышестоящими государственными структурами власть ради личной выгоды. В последнее время говорят о том, что коррупция распространяется и на частный сектор (в случаях, когда менеджеры за денежные вознаграждения или иные выгоды предпринимают действия, не отвечающие интересам развития компании или же идущие вразрез с целями ее акционеров). Далее в рассуждениях рассматриваются обычно различные виды коррупции — как по ее уровню, так и по сферам коррупционных проявлений. На мой взгляд, именно здесь основная проблема затушевывается, задачи расплываются, а коррупционный тренд начинает казаться непреодолимым. Исходное условие успешной борьбы с коррупцией — ее четкое определение, служащее важнейшей задачей: разграничению мелких злоупотреблений на бытовом уровне и использования государственной власти в личных целях. Иначе говоря, предлагается разделить низовое взяточничество (*bribery*) и коррупцию в государственном аппарате и окологосударственном бизнесе (*corruption*).

Причин для подобного разделения я вижу как минимум две.

С одной стороны, готовность множества лиц, от которых зависит благосостояние и успешный бизнес граждан — администраторов школ, врачей, дорожных полицейских, клерков, ответственных за выдачу разрешений и лицензий, проверяющих соблюдение регламентов и др., — брать взятки за несоблюдение тех или иных формальностей и/или за меньшее число проверок и согласований в большинстве развивающихся стран скорее помогает людям, чем вредит им. Сомнительность принимаемых часто законов провоцирует «необязательность их исполнения», и плата за это куда менее опасна для граждан, чем неукоснительное соблюдение подчас невыполнимых норм. Многие исследователи указывают, что общий объем низового взяточничества в самых бедных странах достигает 4–6% ВВП, что сдерживает экономический рост и усиливает социальное расслоение, но я не уверен, что отсутствие таких злоупотреблений и последовательное соблюдение законов в этих странах стимулировало бы хозяйственное развитие. Более того, борьба с подобным взяточничеством способна парализовать каждодневные бюрократические процедуры, ввергнув социум и экономику в ступор.

С другой стороны, следует иметь в виду характер использования коррупционного дохода. В большинстве развивающихся стран доходы от низового взяточничества позволяют их получателям избежать от нищеты, но отнюдь не вводят их в состав всемирного «золотого миллиарда». Большинство мелких чиновников в бедных, но глубоко коррумпированных странах тратят полученные ими деньги на покупку недвижимости, автомобилей, обеспечение для себя и своих близких более высокого уровня потребления и т.д. Это означает, что практически все несправедливо полученное тратится или

Роберт Раушенберг. Без названия. 1973

инвестируется в стране, не уходя за рубеж, — по сути, это перераспределение текущего потребления в пусть и не производственные, но национальные инвестиции. Взяткополучатели такого рода — люди низкой социальной мобильности, считающие, что «жизнь удалась».

Этот вид незаконного обогащения принципиально отличается от настоящей коррупции. Важнейшим ее признаком можно назвать не только продажность представителей государственной власти, но и непосредственное их участие в создании и поддержании той системы, которая позволяет им обогащаться. При этом значительная часть их деятельности может быть вполне легальной и формально предполагать не вознаграждение за те или иные решения, а создание особых условий деятельности для собственных компаний и фирм. Эта коррупция, в отличие от низового взяточничества, искажает цели страны, обуславливает расходование значительных принадлежащих всему обществу денежных средств и материальных ресурсов на решение ложных задач, дезавуирует цели государственной службы, извращает мотивацию людей, стремящихся к карьерному росту, укрепляет местничество и nepотизм. И более того, этот вид коррупции связан с финансовыми потоками, которые почти никогда не локализируются в государственных границах, и потому он наносит стране большой вред, так как открывает «шлюзы» для утечки капитала. Если низовое взяточничество почти всегда «национально», то коррупция этого уровня, к сожалению, является глобальной по определению.

Именно эта коррупция и должна стать объектом противодействия — причем по ряду причин. Во-первых, низовое взяточничество практически непобедимо, да и борьба с ним требует зачастую больших

средств, чем могут оказаться выгоды. Во-вторых, в случае успеха в борьбе с масштабной коррупцией низовое взяточничество будет естественным образом ограничиваться. И наконец, в-третьих, в процессе борьбы с низовым взяточничеством в бедных странах успешные страны практически никак не могут принять участие — программы «внешней помощи» в борьбе с подобными злоупотреблениями еще никогда не демонстрировали заметной пользы и не давали особого эффекта.

Коррупция как новая угроза развитому миру

Сегодня коррупция обретает новую степень опасности прежде всего потому, что мир становится все более взаимозависимым. Борьба с ней — одна из «войн», которые нужно вести в эпоху глобализации*. Вплоть до 1990-х годов проблема не имела той актуальности, как сейчас, — а обрела ее она по двум причинам.

Во-первых, с конца 1980-х годов «развивающийся» мир начал выходить из самоизоляции, в которой он находился долгое время как из-за «социалистических экспериментов», так и из-за военных диктатур. В государствах Юга появились крайне состоятельные люди — в большинстве своем либо чиновники, либо представители связанного с государством бизнеса. До этого сверхбогатыми клиентами европейских риелтеров и американских банкиров были нефтяные шейхи, которые просто владели собственными странами, и о коррупции в этом случае речь не шла. Однако в 1990-е «неожиданно» выяснилось, что у власти не только в относительно успешно развивавшейся Индонезии, но и в абсолютно нищем Заире находи-

* См.: Naim, Moisés. *Illicit. How Smugglers, Traffickers, and Copycats are Hijacking the Global Economy*. — New York, London: Doubleday, 2005.

лись люди, державшие на банковских счетах за рубежом до 6 миллиардов долларов. Все больше становилось сверхбогатых политиков в Латинской Америке и Северной Африке. Россия в 1990-е и особенно в 2000-е годы стала образцом коррупционных практик, в результате чего во власти оказались сосредоточены самые состоятельные люди страны. Масштабы присвоения национального достояния, которые открылись после антирежимных переворотов в Тунисе, Ливии, Египте и Украине, поражали воображение. В Китае в ходе самого заметного на сегодняшний день задержания коррупционера — бывшего члена Политбюро ЦК КПК Чжоу Юнкана — было арестовано имущества и счетов на 14,5 миллиарда долларов*. При этом формально во всех этих странах никто из руководителей государства не мог официально стать собственником даже 1% оказывавшихся в их распоряжении средств. Понятно, что политическая ситуация в странах периферии не располагает к инвестированию и хранению украденного — поэтому поток частных средств из «развивающихся» стран в банки развитых, не превышавший в середине 1990-х годов 70 миллиардов долларов в год, к началу 2010-х достиг 1 триллиона долларов**.

Это обстоятельство провоцирует серьезные последствия. В западных странах начинает складываться мощное лобби, которое, с одной стороны, обслуживает интересы владельцев украденного (предоставляя офшорные счета, создавая разнообразные трасты, учреждая подставные компании для покупки недвижимости и активов) и, с другой стороны, противодействует принятию законов, направленных на борьбу с коррупцией в мире (к примеру, в Германии, так рьяно сопротивляющейся

ныне введению санкций против России, так и не было принято ничего подобного американскому антикоррупционному акту Foreign Corrupt Practices Act или британскому The Bribery Act of 2010). В результате высшему классу и правящей элите западных стран начинает казаться, что то, что позволено непонятно кому из периферийных стран, должно быть позволено и им — и вот партия Берлускони, неоднократно обвинявшегося в коррупции, получает на парламентских выборах 2013 года больше 30% голосов. И если процесс пойдет дальше, то деградация относительно «чистых» западных институтов может случиться гораздо быстрее, чем это можно предположить. А за ней — начало популизма, упадок демократических традиций и общий социально-политический регресс. Поэтому победа над глобальной коррупцией становится *sine qua non* выживания современных развитых стран.

Кроме того, есть и другая причина, которая также стала заметна относительно недавно. После завершения холодной войны мир стал гораздо менее управляемым и предсказуемым, а многие государства начали превращаться из реальных управленческих структур в фиктивные, в так называемые несостоятельные государства (*failed states*). В такой ситуации коррупция в органах власти и силовых структурах стала потворствовать «грязным» бизнесам — торговле оружием и людьми, незаконно добытыми полезными ископаемыми, наркотрафику и т.д. Коррупция в силовых органах ряда стран открывает путь афганскому героину в Европу. Коррупция региональных властей Демократической Республики Конго и Судана потворствовала гражданским войнам, опустошавшим эти страны в

* См.: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/03/30/1250291.html> (сайт посещен 12 июня 2014 г.)

** См.: Cockcroft, Laurence. *Global Corruption. Money, Power, and Ethics in the Modern World*. — Philadelphia (Pa.): Univ. of Pennsylvania Press, 2012. — P. 137.

2000-е годы. Злоупотребления властью и личное обогащение стали основным фактором, запустившим механизм «арабской весны», на долгое время дестабилизировавшим ряд стран Северной Африки. Наконец, коррупция в Украине в последние годы не только спровоцировала «февральскую революцию» в Киеве, приведшую к человеческим жертвам, но и подпитывает в последнее время мятеж на востоке страны, ставший возможным исключительно вследствие коррумпированности назначенных Виктором Януковичем местных силовиков и финансирования сепаратистов из вывезенных в Россию миллиардов того же ранее свергнутого президента. Эти события происходят в центре Европы, но в целом в мире все чаще можно видеть борьбу вооруженных на коррупционные доходы «частных армий» с правительственными войсками. Поэтому коррупция на мировой периферии не только подрывает устои западного общества через «отмывание» капиталов, но и прямо угрожает глобальной политической стабильности, устоявшемуся мировому порядку. Все это, напомним, стало реальностью за какие-то двадцать лет.

Россия: масштабы коррупции и методы борьбы с ней

Упоминание о России как об одной из наиболее коррумпированных стран давно стало общепринятым. Между тем следует заметить, что природа и масштабы коррупции в нашей стране выходят далеко за пределы того, с чем обычно сталкивались развитые страны в своей истории. Российская коррупция обладает серьезными особенностями по двум причинам. Во-первых, Россия — это рентная экономика, во все большей мере зависящая от

своих природных ресурсов. Если в конце советского периода страна экспортировала только 17% всей добываемой нефти, а нефтегазовые доходы составляли от 22 до 24% бюджетных поступлений, то в 2013 году соответствующие цифры достигли 67 и 49–51%. Распределение ренты как основная задача государства порождает правящий класс, который озабочен не столько созданием условий для развития страны, сколько максимальным личным обогащением в ходе распределительного процесса. Это, в свою очередь, проявляется в курсе на еще большее огосударствление экономики, и таким образом создается самоподдерживающийся механизм коррупции. Не зря ряд авторов сегодня считают, что коррупция в «производящих» экономиках «терпима» (приводя в качестве примера тот же Китай), но в рентных она становится фактором упадка и деградации страны*. Во-вторых, еще одна особенность России — специфика ее элиты, которая в отличие от «нормальных» стран состоит не из соперничающих групп, в каждой из которых существуют свои карьерные линии, а из монолитного паразитического класса, где один статус конвертируется в другой за деньги и влияние. Вовсе не случайно, что среди российской политической элиты так много лиц, открыто или тайно имеющих высокие воинские звания; неудивительно, что больше половины наших депутатов и министров стали кандидатами и докторами наук; нет ничего странного, что бизнес- и политическая элита практически слиты. В России не существует ничего, что делало бы человека принадлежащим к «элите», кроме его финансовых возможностей, положения в финансовой и политической иерархии. Таким образом, в России складывается ситуация, в которой борьба с коррупцией не может быть начата сверху.

* См.: *The New Age of Crony Capitalism // The Economist, 2014, March 15, p. 17–18.*

В то же время она вряд ли может быть начата и снизу. Впечатляющие попытки отечественных политических активистов (включая и самого известного из них, Алексея Навального) начать кампанию разоблачения коррупционеров характеризуются одним важным обстоятельством. Все они направлены против отдельных представителей власти и апеллируют к их дискредитации, а не возможности преследовать их в уголовном порядке (каковых в такой системе практически нет). Более того, кампании по борьбе с коррупцией не направлены на низовую коррупцию — и это вполне объяснимо, так как она, может быть, и противна гражданам на уровне морали, но вполне полезна в каждодневной жизни. Эти два фактора, на наш взгляд, предвосхищают итог: «общественная» борьба с коррупцией разобьется, с одной стороны, о стену сопротивления со стороны властей, а с другой — о соображения банальной целесообразности среди самих оппонентов власти. Все это говорит о том, что «запуск» борьбы с коррупцией «изнутри» российского общества практически невозможен. Единственным, хотя и сомнительным успокоением может стать то, что заметных успехов в борьбе с этим злом не добились ни в одной из развивающихся стран.

Что же необходимо для того, чтобы в России и других подобных ей клептократиях началась решительная борьба с коррупцией? На наш взгляд, важнейшим условием для этого может стать четкая позиция остального мира. Удастся ли в итоге развитым и относительно «чистым» странам сформировать единую позицию, сказать сложно, но наша задача сводится к тому, чтобы предложить некую «концептуальную рамку», которая может способствовать решению вопроса.

Стратегия действий*

Итак, задумываясь о всеобъемлющей стратегии борьбы с коррупцией, следует учитывать три важнейших момента. Во-первых, основным объектом борьбы необходимо сделать ту системную коррупцию, которая имеет серьезное международное измерение, исходя из понимания того, что низовое взяточничество практически неискоренимо и погрязнуть в борьбе с ним — значит девальвировать усилия активистов и правоохранителей в условиях, когда на повестке дня стоит куда более серьезная проблема. Во-вторых, главными акторами борьбы должны быть не гражданские активисты в пораженных коррупцией государствах, а внешние силы, которые, с одной стороны, не скованы никакими «условностями» и, с другой стороны, будут относиться к коррупции на мировой периферии как к внешнему врагу, грозящему подорвать развитие их собственных обществ. В-третьих, эта борьба должна быть направлена на то, чтобы расколоть «прокоррупционную» сплоченность элит развивающихся стран и создать внутри этих государств существенную напряженность — как в отношениях между бизнесом и властью, так и в отношениях между средними слоями общества и его высшими стратами. Борьба с коррупцией должна в результате превратиться из этического и ценностного «выбора» в функциональный процесс, потребность в котором испытывало бы абсолютное большинство граждан. Запустить процесс на основе этих трех требований проще, чем может казаться.

Что представляют собой сегодня «некоррупцированные» страны? Если взглянуть на первые 20 позиций в рейтинге стран по Индексу восприятия коррупции, то в это число входят 11 стран Европы (из них 8 —

* В короткой версии эта стратегия изложена в: Lebedev, Alexander and Inozemtsev, Vladislav. *Radical steps must be taken to halt the renaissance of corruption // The Independent, 2014, April 5, p. 46.*

члены ЕС), Канада и США, Австралия и Новая Зеландия, а также Япония (Сингапур, Гонконг и Барбадос пока рассматривать не будем). В такой ситуации ЕС, США, Канада, Япония, Австралия и Новая Зеландия могли бы возглавить глобальный антикоррупционный проект. На эти государства приходится 57% мирового валового продукта, почти 70% международной торговли, они являются крупнейшими глобальными инвесторами — иначе говоря, их статус более чем достаточен, чтобы не только выступить с подобной инициативой, но и решительно претворять ее в жизнь.

В центре проекта должно быть заключение Антикоррупционной конвенции, которая объединила бы достигшие серьезных успехов в борьбе с коррупцией страны — причем объединила бы их в оборонительном, а не «наступательном» стиле. Участники Антикоррупционной конвенции могли бы сформулировать единые нормы борьбы с коррупцией в своих странах, создать наднациональный орган по борьбе с коррупцией и отмыванием денег, учредить неподконтрольные отдельным государствам следственный аппарат и полицейские силы, а также суд, обладающий глобальной юрисдикцией по образцу Международного уголовного суда. Задача проекта, повторю, не борьба с коррупцией в отдельных странах, а ограничение взаимодействия с ними, равно как и сокращение участия в современных финансовых схемах самых разнообразных офшорных центров. Целью в таком случае выступало бы упорядочивание исключаящей коррупционные схемы финансовой деятельности в странах, присоединившихся к Конвенции.

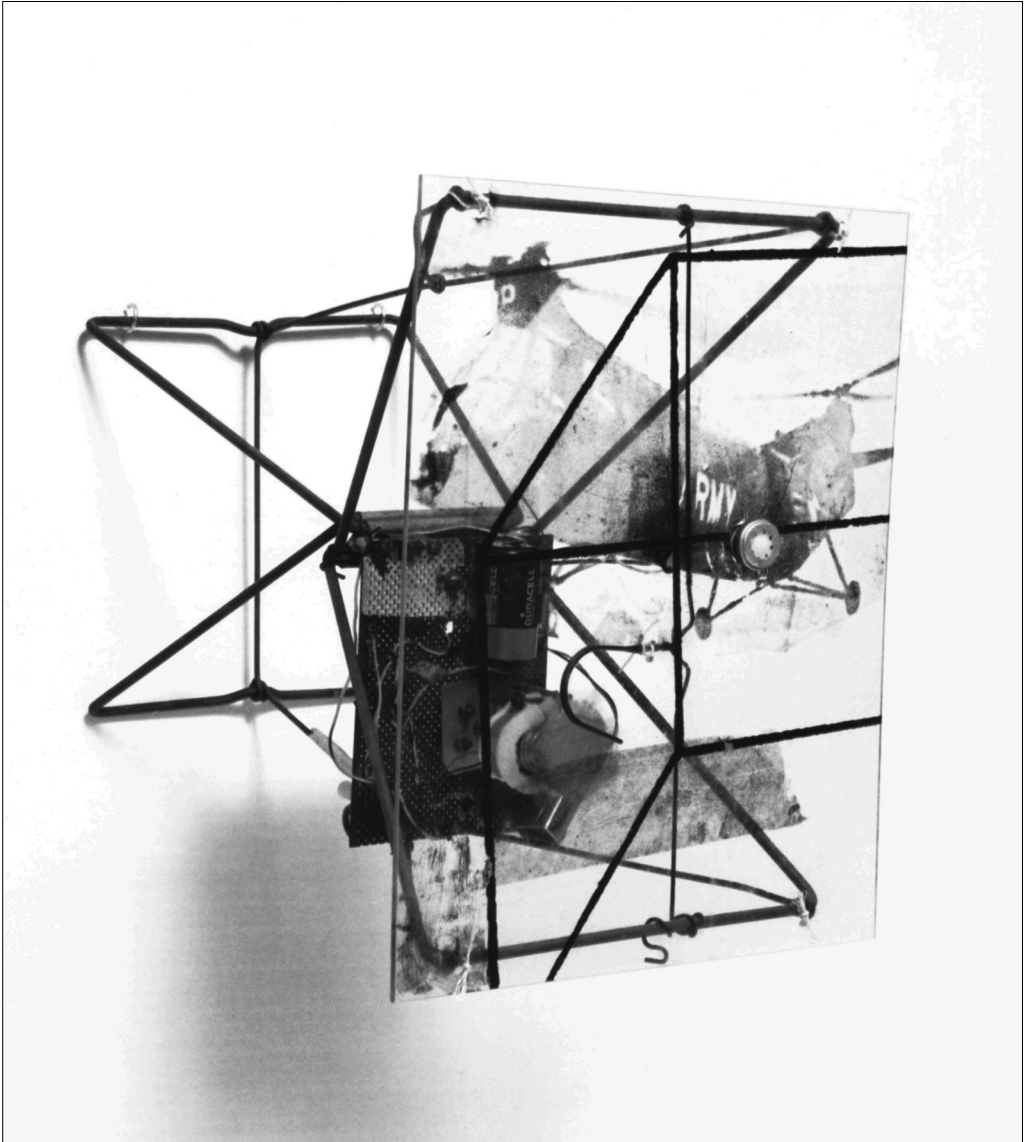
Этот процесс имел бы и иные последствия. Антикоррупционная конвенция

должна жестко ограничить финансовые транзакции любого типа с государствами, не присоединившимися к Конвенции. К примеру, гражданам таких стран можно запретить открывать счета в банках стран, подписавших Конвенцию, покупать или учреждать в них коммерческие

Распределение ренты как основная задача государства порождает правящий класс, который озабочен не столько созданием условий для развития страны, сколько максимальным личным обогащением в ходе распределительного процесса

фирмы, приобретать недвижимость и владеть иными активами. То же должно относиться и к коммерческим компаниям из этих стран. Ограничения не следует распространять на торговые отношения — их можно вести с кем угодно; задача состоит лишь в том, чтобы четко и ясно показать гражданам «неприсоединившихся» государств, что без участия в совместной борьбе с коррупцией приобщение к образу жизни западных стран невозможно. Нельзя быть в своей стране коррупционером и вором, а за границей — принципиальным и честным предпринимателем и пользоваться всеми возможностями, которые предоставляет та часть мира, которая десятилетиями живет по иным правилам. Можно либо войти в некоррупцированный мир, либо же быть отгороженным от него непроницаемой «китайской» стеной.

Принципиальной особенностью проекта выступает, как бы это ни казалось странным, его инклюзивность. Речь не идет о том, чтобы какая-либо международная инстанция квалифицировала страну как пораженную коррупцией или свободную от нее. Предложение о первоначальном подписании Конвенции представителями

Роберт Раушенберг. Сухой элемент. 1963

государств, занимающих ныне первые строчки «антикоррупционного рейтинга», выглядит необязательным, скорее желательным. Конвенция должна быть открыта для присоединения к ней без всяких дополнительных условий: новые участники должны лишь признать общие правила борьбы с коррупционными преступлениями и согласиться с тем, чтобы на их территорию распространялись права международных следователей и

полицейских, а также на то, что их граждане могут становиться объектом преследования и суда за акты коррупции, и что они (кроме, вероятно, высших лиц государства) не могут рассчитывать ни на какие иммунитеты. Разумеется, присоединение страны к Конвенции предполагает, что она получает полное право голоса во всех наднациональных органах, образуемых странами — подписантами Конвенции, участвует в работе след-

ственных и судебных инстанций, а также предоставляет в распоряжение руководящих органов Конвенции свои контингенты полицейских сил. Любое государство, готовое ограничить свой суверенитет ради победы над коррупцией, свободно стать частью глобального антикоррупционного движения.

Какие немедленные последствия имеет применение подобной схемы? Мир как бы разделяется на две части — на страны, «живущие по правилам», и на страны, не готовые их принять. Государства, в которых коррупционеры составляют политическую и экономическую «элиты» страны, разумеется, не присоединяются к Конвенции. В свою очередь, страны-подписанты проводят инвентаризацию всех счетов в своих банках, принадлежащих гражданам и компаниям государств, не присоединившихся к Конвенции; всех владеющих ими объектов недвижимости; а также всех их долей участия в корпорациях «чистых» стран или случаев прямого владения ими такими корпорациями. После определенного срока (например, одного года) сведения о таких активах делаются публичными и их владельцам рекомендуют продать их в течение следующих, например, 2–3 лет. В случае невыполнения этого требования активы передаются в управление специальному фонду, учреждаемому при руководящих органах Конвенции. По сути, происходит «выдавливание» награбленного — принудительное возвращение активов на их исторические родины. Во многом подобная схема представляет собой экстремальный вариант той «национализации элит», о которой так много говорит президент Путин, только иницируемый не самими этими элитами и в основном только на словах, а международным сообществом и на деле. Разумеется, это породит колоссальное сопротивление в самих развитых странах — ведь там уже сложились гигантские банковские и юри-

дические синдикаты, специализирующиеся на работе с «грязными» деньгами. Недовольны будут и ризлторы, ведь цены на недвижимость пойдут вниз. Однако на это есть простой ответ: государства получают значительные дополнительные доходы от устранения офшорных схем налогообложения — причем они могут оказаться настолько значительными, что власти смогут пойти даже на снижение налогов внутри своих стран, что, несомненно, будет стимулировать частный бизнес и предпринимательскую активность. Потерю «грязных» денег, таким образом, вполне возможно сделать не критичным фактором для основных мировых экономик.

Однако самым интересным окажется то, что станет происходить в странах, чьи правительства откажутся присоединиться к Конвенции. С одной стороны, коррупционеры всех мастей в России, Украине, Нигерии или Пакистане осознают, что они не могут чувствовать себя в безопасности: если их злоупотребления решено будет расследовать, они не затаятся в Европе или Америке. Первым следствием станет поэтому реформирование судебных систем в коррумпированных странах — элитам потребуется с высокой степенью гарантированности легализовать собственность в стране, а не за ее пределами. Это станет началом формирования прозрачной правовой системы и своего рода подведением черты под эпохой грабительского первоначального накопления и экономики предпочтений.

Инициированный сверху, этот тренд с большой вероятностью будет поддержан в странах, управляемых клептократией. «Вертикаль власти» постепенно (хотя и неохотно) будет освобождаться от качеств «вертикали кристаллизации» коррупционных доходов. С другой стороны, возникнет и начнет набирать силу общественное движение в поддержку присо-

единения подобных стран к Конвенции. При этом — в отличие, например, от фонда Навального — оно получит поддержку бизнеса и общественного мнения: если бизнесмен, к примеру, смог заработать свое состояние (относительно) честно, так почему его надо приравнивать к коррупционерам и лишать возможности провести старость на Лазурном берегу? За что прозрачным компаниям запрещать вести бизнес в развитых государствах? Разумеется, этому движению гарантирована и поддержка среднего класса, заинтересованного во «встраивании» в глобальный мир и не понимающего, почему он должен жертвовать своими мечтами во имя благополучия коррумпированных представителей власти. Все виды и формы движения против коррупции четко фокусируются на одном требовании к власти: подпишите Конвенцию! Политическая воровская и бизнес-элита раскалываются; страны, отказывающиеся присоединиться к развитому миру, может ждать настоящая революция. Успешность путинской модели построена на ее формальной и реальной открытости — кто недоволен, может уезжать*, но если «закрывать» в стране самостоятельных и активных граждан, которые хотят самореализовываться не только в воровстве и лжи, систему «разнесет» так же, как взрывается перегретая консервная банка, как взорвался четверть века назад Советский Союз.

* * *

Борьба с коррупцией — это сложная, а для некоторых обществ даже непосильная задача. Тем более ценен сегодня опыт государств, которым на протяжении десятилетий удалось сформировать четко функцио-

нирующую систему управления, эффективно разделить власть и бизнес. Эти страны в начале XXI века, на наш взгляд, имеют полное право защититься от разлагающего влияния глобальной коррупции, оградиться от проникновения в них практик, принятых в коррумпированных странах. Подписание Антикоррупционной конвенции — это не «наступательная», а сугубо «оборонительная» мера, она направлена не на то, чтобы исключить кого-то из глобальной системы, а лишь на то, чтобы граждане каждой страны понимали, какой путь они выбирают. Конвенционные страны хотят не навязать свой образ жизни и действий другим, а лишь избавиться от навязывания им образа жизни и действий, присущего периферийным экономикам.

Разумеется, предложенная стратегия не сможет заставить измениться все государства, порожденные коррупцией. В большинстве из них «патриотические» коррупционеры сохраняют и власть, и влияние в обществе. Задача заключается лишь в том, чтобы склонить в пользу радикальной борьбы с коррупцией те общества, значительная часть населения которых привыкла к западным стандартам потребления, но где власть не готова принимать западные нормы поведения. Следует показать со всей отчетливостью, что нельзя надеяться на высокие жизненные стандарты без приверженности четко определенным правилам, которые не меняются каждый день в зависимости от ситуации. Мы уверены, что подобный подход справедлив и эффективен и что его итогом (каким бы противоречивым ни казалось поначалу его внедрение) может стать самая мощная ненасильственная революция, которую только может себе представить современный мир.

* Подробнее см.: Inozemtsev, Vladislav. *Russie, une société libre sous contrôle autoritaire // Le Monde diplomatique, 2010, № 10 (Octobre), p. 4–5.*

О патриотизме

*Родион Гаршин,
магистр философии.
Казахский национальный
университет, г. Алматы*

Ни в коем случае не хотел бы, чтобы это мое рассуждение о патриотизме было воспринято как намерение учить правильно любить родину. Все, что я собираюсь сделать, это попробовать раскрыть смысл самого термина и заложенных в нем представлений, чтобы обозначаемое им чувство можно было четче отделить от любых других, патриотизмом не являющихся. Но главное, хочу выявить имплицитные социально-политические категории, стоящие за тем пониманием патриотизма, которое вкладывается сейчас в этот термин.

Для этих целей обращусь к философии языка, а точнее, к теории значения и референции, как она сейчас разрабатывается в рамках аналитической философии. Здесь обнаруживается, что в любом термине можно выделить априорный слой его значения и апостериорный слой, каждый из которых указывает на некий объект, событие или свойство окружающей среды, с которыми связано употребление термина.

Так вот, если применить аналитический метод к анализу понятия «патриотизм», то можно увидеть, что его значения включают в себя, во-первых, его характеристику как чувства — некоторого рода феноменального ощущения — и, во-вторых, связанный с ним набор поведенческих диспозиций (как дань функциональному анализу), которыми этого рода ощущение обычно сопровождается. В первичном (априорном) слое эти характеристики должны быть взяты непосредственно из того определения, которое имеет слово «патриотизм» в языке, и первая из них будет гласить: патриотизм — сложное, комплексное впечатление, включающее в себя такие компоненты, как любовь к родине, гордость, преданность, уважение к ней. Но априори любовь при этом имеет приоритет над остальными. Ибо трудно назвать патриотизмом гордость за свою страну и уважение к ней без любви (основанные, например, на идее национального превосходства), тогда как любовь к родине без

уважения к ней и гордости за нее может при этом оставаться патриотическим чувством. Вспомним Лермонтова: «Люблю отчизну я, но странною любовью...» Следовательно, здесь играет роль не точное определение любви как таковой (которое никто еще не дал и вряд ли сможет дать), а ее априорное отличие от гордости или, скажем, уважения. И это важно, потому что чувство стыда за свою родину не противоречит патриотизму, определенному именно как любовь, а не уважение или гордость, то есть на уровне смысла стыд будет противоречить не любви, а как раз уважению и гордости.

Таким образом, априорный слой значения «патриотизм» будет иметь своей референцией чувство любви к родине, чем бы эта родина ни оказалась в субъективной действительности, или в центрированном противofактическом мире, как следует выражаться в терминах аналитической философии.

Далее, некоторые поведенческие диспозиции будут ассоциированы с первичным значением термина «патриотизм». Причем с ним прежде всего будут ассоциироваться лишь негативные поведенческие диспозиции, а позитивные, скорее всего, будут носить самый общий и неопределенный характер. Так, например, любящий свою Родину априори не расположен подвергать поруганию символы своей страны — ее флаг, герб, гимн (тем более публично, что даже уголовно наказуемо); но это относится только к фактам прямого оскорбления, как и в случае надругательства над религиозными символами. Критиковать же флаг, герб, гимн и прочие символы государства (и гений языка это различает) не только ненаказуемо, но и не противоречит чувству патриотизма. Более того, такая критика вполне может даже вдохновляться им, тогда как чрезмерное уважение и гордость предписывают воздерживаться от серьезных критических выпадов в адрес референта этих чувств.

Что же касается позитивных поведенческих предрасположенностей, то едва ли любовь к отечеству предписывает что-то конкретное априори, за исключением, конечно, самых обычных и общих вещей, таких как, например, вставить при официальном исполнении гимна, следить за правильным использованием родной речи или интересоваться культурой своей страны и ее историей. Вот пример утверждения априорно истинного, но в той же мере и тавтологического, бессодержательного: «патриот все делает на благо родины». Эта самая общая функциональная характеристика, которая может быть дана рассматриваемому термину, указывает на категориальное понятие блага, что ставит патриотизм в зависимость от понимания субъектом и этой категории. Но в такое подробное этическое и генетическое исследование мы сейчас вдаваться не будем.

Итак, главный вопрос идентификации чего-то как патриотизма состоит в выяснении априорной референции «родина», поскольку она является ключевой для понимания объектной отнесенности субъективно переживаемого феноменального ощущения.

Так что же такое родина, с чем ассоциируются наши патриотические чувства? Здесь вариантов может быть три: это территория, общество или государство. Поскольку язык сам по себе не дает однозначного указания

на референт понятия родины, последний будет определяться мной в основном апостериорными факторами, а именно тем, каким образом сложилось употребление термина «референт» в нормальной практике индивидов и сообществ. Ибо только опыт вносит окончательные уточнения в смысл такого рода терминов, каким является рассматриваемое понятие родины и связанное с ним представление о патриотизме. В связи с этим уместно обратиться к истории этого понятия.

Патриотизм — высокоуровневое чувство, возникающее на довольно позднем этапе развития цивилизации, главным образом в эпоху секуляризации, а до этого в античных предтечах новоевропейских гражданских укладов, возникновение которых связывается с появлением национально-

В европейском словоупотреблении патриотизм исторически апеллировал к гражданским чувствам, а в России — к государственническим. И эта тенденция сохранялась на всем протяжении российской истории

го государства как формы совместной жизни многих людей. В интересующем нас современном смысле этот термин входит в публицистический лексикон в эпоху Просвещения, прежде всего в Англии и во Франции, где, как говорит Г. Бовт (<http://msps.su/interview/20347>), он изначально имел «оппозиционный оттенок». Вообще из краткого экскурса Бовта в историю употребления термина видно, что в западных демократиях «патриотизм» имел своей референцией скорее общество, а в России — государство; то есть в европейском словоупотреблении патриотизм исторически апеллировал к гражданским чувствам, а в России — к государственническим. И эта тенденция сохранялась на всем протяжении российской истории.

Априори, то есть в буквальном смысле, «Родина» означает землю, территорию. Но именно этот вариант, на мой взгляд, самый неустойчивый и при ближайшем рассмотрении поглощается одним из двух других: сколько-нибудь значительную территорию невозможно считать своей и контролировать без посредства государства; а земля, не населенная обществом, не имеет большой субъективной ценности. Следовательно, на практике чувство патриотизма должно склоняться в пользу любви либо к обществу, либо к государству, в той мере, в какой некие политические обстоятельства требуют уточнения отнесенности патриотических чувств до такой степени, когда разница между понятиями «государство» и «общество» становится довольно существенной, если не решающей (а именно такого рода проблемные ситуации нам наиболее интересны; в беспроблемных государство и общество объединены в одном понятии «страна»).

По сравнению с любовью к государству любовь к обществу мне лично представляется более естественным чувством, и к тому же генетически возникающем намного раньше. И, казалось бы, априори любить подобает более общество, чем государство, так как последний вид отношения склонен легко переходить в прямое властолюбие и в то, что называется «казен-

Гюнтер Юккер. Стол (предмет с гвоздями). 1964

ным» патриотизмом. Однако практические наблюдения нашей публичной сферы сегодня свидетельствуют скорее в пользу именно этого варианта как превалирующего в общественном сознании.

Переходя к ключевому моменту статьи, сошлюсь на повод, который спровоцировал меня обратиться к этой теме. Это был телевизионный новостной сюжет об очередях в московском ГУМе, выстроившихся за футболками и прочей атрибутикой, снабженной портретом президента РФ с характерными подписями «самый вежливый человек в мире», очертаниями Крымского полуострова и т.п. Главное, что показалось мне заслужи-

вающим внимания, — эта ситуация была подана как совершенно естественное проявление патриотизма, чтобы у зрителя не возникло подозрения, подумал я, что существуют и другие вполне законные и нравственно оправданные способы его выражения, помимо столь явно демонстрируемой симпатии к действующему президенту и власти. И примерно тот же самый смысл в понятие патриотизма вкладывает сам Путин, судя по его употреблению на Всероссийском молодежном форуме «Селигер-2014», где он поблагодарил крымчан «за проявленный ими патриотизм». Очевидно, что президент представляет себе патриотизм как преданность государству, не особо придавая значение тому, что понятие общества шире понятия государства и первично по отношению к нему, а не наоборот.

Эта официально озвучиваемая позиция бодро-оптимистического недуманья представляется мне той порцией дрожжей, вброшенной в подходящую ей социальную среду, которая катализировала разрастание ядовито пузырящейся массы как свехобывательски дезинформированных, так и националистически параноидальных комментариев на каждое открыто оппозиционное власти высказывание представителей общества (в том особом значении, которое имеет общество в отличие от публики) — будь то Макаревич, или Улицкая, или Веллер и др. Хотя их высказывания принадлежат не просто отдельным личностям, а представляют собой выражение мнения именно общества (причем далеко не худшей его части). Уверовавшие в то, что патриотизмом является приверженность конкретному государственному строю, что сложился сейчас в Российской Федерации, готовы с легкой руки объявить эту часть общества «неправильной», «изменнической», возрождая тем самым старинные российские формы отношения большинства к оппозиции. Таким образом, приходится с сожалением констатировать, что для тех, в чьем словаре вторичной интенсией (значением) «родины» является имя «Россия» или «СССР», а первичной — «земля» скорее как государство, нежели общество, — для них крайне велика вероятность того, что «патриотизм» априори будет означать согласие с любой государственной политикой, нацеленной на усиление патернализма в обществе и втягивание новых земель в его орбиту, а любая критика власти — измену родине. И параллельно этому модусу языкового употребления будет иметь место тенденция преувеличения важности военного аспекта истории Родины и преуменьшение ее гражданского аспекта (поскольку первый связан скорее с успехами государства, а второй — с заслугами общества).

Механизм формирования подобного рода убеждений (позволю себе еще раз остановиться на этой отвлеченной мысли) в общем виде может быть описан посредством двумерной семантики — это согласуется с известным фактом, что язык задает направление, в котором мышление расчленяет действительность. И опыт, в том числе коллективный, — как некоторого рода традиция — становится решающим фактором формирования убеждений, откладываящихся затем в языке в виде априорных формул: поскольку ни один словарь не даст точного ответа на вопрос о том, что именно есть родина — общество или государство, основные предпосылки такого уточнения заимствуются из признаков, ассоциируемых в опыте с вторичным слоем значения родины — названием какой-то конкретной страны. Я думаю, любому компетентному

историку нетрудно показать, что в случае «России» традиция ассоциирует с понятием родины гораздо больше признаков государства, чем общества, начиная от славянофильской триады, в которой самодержавие выступает главным стержнем и содержанием, и далее к известным ритуальным заклинаниям советской власти типа «народ и партия — едины», стремящимся уничтожить терминологическое различие между обществом и государством в пользу последнего и закрыть глаза на проблему их реального единения.

Этим чисто лингвистическим механизмом также обусловлено еще одно немаловажное обстоятельство практического свойства. Дело в том, что само существование в языке слова «Россия» как связанного вторичной интенсией со значением родины предполагает и требует поиска референта этого слова в мире (с которого и начинаются наши драмы, как говорил Мамардашвили). Допустим, мы испытали некое подлинное чувство к России как к родине, но, не успев расшифровать и понять это чувство, поместили на него уже существующие в речи слова, которые, по законам наглядного понимания языка, предполагают, что нечто, означаемое ими, существует в мире само по себе, «как таковое», и которые заставляют нас судорожно искать действительность этих слов, которой на самом деле нет вне души отдельного человека. И здесь принятие государства (особенно действующей власти) в качестве первичной интенции родины в гораздо большей степени способствует быстрому нахождению референта этих слов и его фетишизации, чем понимание родины как общества. Такое «сгущение» референта, его персонификация, делает нахождение этого референта в мире намного более легким, что и позволяет канализировать патриотические настроения и сводить их к неким чисто знаковым действиям, гримасам, выражающимся в основном в публичном одобрении действий власти. В результате вместо того, чтобы патриотизм был растворен в повседневных гражданских делах, благотворно напитывая общественную сферу, он оказывается «высосан» из повседневности, наделен предметностью и кристаллизован на пользу власти, в руках которой он может превратиться скорее в разрушительное орудие свершения военно-политической истории, а не гражданского и экономического строительства.

Отсюда очевидно, что чем больше затушевывается *априорное* различие между государством и обществом, тем легче патриотизм превращается в средство мобилизации общества на борьбу с внешним врагом, а не на преодоление внутренних проблем, и идея «врага» и «всемирного заговора» становится необходимой. Хочу особо подчеркнуть: чтобы власть могла не считаться ни с какими оппозиционными настроениями, нужно чтобы в языке поддерживающей ее части населения «государство» и «власть» априори означало то, что выражает в себе главные интересы и чаяния «общества». В российской традиции словоупотребления, увы, такая тенденция имеет очень сильные корни, тогда как на самом деле подобная связь между обществом и государством может быть только *апостериорной*, требует большого опыта гражданской и политической жизни, слаженного функционирования гражданских и политических институтов. И чем более прямой постулируется связь между интересами общества и государства, чем более наглядным представляется объект патриотических чувств, тем

менее выражение этих чувств требует участия сознательного усилия и тем более знаковым, автоматическим оно становится, обретая явные черты сходства с результатом определенного рода зомбирования.

К сожалению, описанный принцип примата государственной власти над обществом имеет свои философские обоснования и свою традицию, идущую от Гегеля, который в своей философии права развивает идею снятия, «упразднения» гражданского общества в государстве. С этим же связана его идея конституционной монархии как наиболее нравственной формы правления, столь созвучная душам многих российским обывателей и культурных деятелей, а также идея нравственности монарха как высшей по отношению к нравственности рядового гражданина. Затем эта мы-

Чем больше затушевывается априорное различие между государством и обществом, тем легче патриотизм превращается в средство мобилизации общества на борьбу с внешним врагом, а не на преодоление внутренних проблем...

слительная конструкция «снятия» была подхвачена Марксом и вместе с марксизмом прочно легла, укоренилась в нерелефлируемой части российской политической ментальности. Отсюда то соотношение общего и особенного в самосознании современных россиян, о котором говорил Борис Дубин на июньском семинаре МШГП в Голицыно (<http://msps.su/seminar/682/programm/861/video/589/>), и та тенденция все большего сосредоточения законодательской инициативы в руках исполнительной ветви власти, о которой на другом семинаре говорила Екатерина Шульман (<http://msps.su/seminar/683/programm/948/video/678/>). Я думаю, понятно, что следование всем этим гегелевско-марксистским идеологическим принципам неминуемо влечет за собой международную изоляцию, и поэтому не случайно К. Поппер разоблачил Гегеля как врага открытого общества в своей работе 1941 года.

Сегодня можно наблюдать, как государственные СМИ активно закрепляют описанную «сгущенную» референцию термина «патриотизм» в языке, стараясь сделать такое употребление слова «нормальным» и «привычным». Фактически это и есть механизм слушания своего голоса, раскрытый Ж. Деррида, когда субъект окончательно утверждает себя в некой мысли, озвучивая ее в своей речи и слушая собственный голос (раз голос звучит — значит есть смысл), и таким образом «строит» самого себя.

Я думаю, человеку, умеющему извлекать уроки из истории, очевидно, что подобные манипуляции со словами в масштабе нации грозят серьезным пожаром социальных катаклизмов и военных конфликтов, настраивая одну часть общества против другой и против всего остального мира. Однако облеченные властью лица сейчас действуют точно так же, как действовали обитатели Обломовки в отношении пожарной безопасности — собаку, воющую по ночам, сгоняли со двора, но при этом продолжали стряхивать искры от лучины между гнилых досок пола.

Воистину, Россия — страна, где гуляет гений повторения...

Мигель Бельтран,
профессор
административного права
Университета
Кастилии-Ла-Манчи
(Испания)

Что значит жить в федерации?

1. Политическое и конституционное значение федерализма

Нелегко рассказать о федерализме, дискуссия о котором продолжается уже не менее двух столетий. Столь же нелегко ответить на вопрос: что означает жить в условиях федерации? Ниже я постараюсь обозначить ключевые пункты, приближающие к ответам на эти вопросы, предложив краткий обзор современных тенденций федерализма. Во-первых, коснусь политического и конституционного значения федерализма; во-вторых, упомяну об отдельных концептах, связанных с этой темой; в-третьих, остановлюсь на примерах федеративных моделей, существующих в Европе.

Прежде всего следует отметить, соглашаясь с Джорджем Андерсоном*, значимость федерализма: сегодня 40% населения мира живет в государствах, которые считаются федеративными. Более того, почти все демократии, имеющие большую территорию, являются федерациями: США, Россия, Индия, Канада, Австралия, Бразилия, Аргентина, ЮАР.

Итак, **первый ответ** на поставленный в самом начале вопрос: жить в условиях федерации — значит принимать конституционное устройство, принятое почти половиной обитателей нашей планеты.

Федерализм обычно определяют как государственную модель или политическую организацию, в которой сосуществуют два уровня управления: один для всей страны (федерации), а второй — для составляющих ее частей (штатов, областей, регионов). Федеративное государст-

* О федерализме в целом см.: Anderson G. *Federalism: An Introduction*. — Oxford: Oxford University Press, 2008 (Андерсон Дж. *Федерализм: введение*. М.: Экономика, 2009); а также: Blanco Valdés, Roberto. *Los rostros del federalismo*. — Madrid: Alianza, 2013; Watts R.L. *Comparing Federal Systems*. — Montreal: McGill-Queens University Press, 2nd ed., 1999; Hueglin T., Fenna A. *Comparative Federalism: A Systematic Inquiry*. — Peterborough: Broadview Press, 2006.

во противопоставляется унитарному, в котором действует только один уровень управления. В федерации каждый уровень управления обладает собственными избираемыми органами власти и наделен полномочиями, которые он осуществляет автономно, вне зависимости от других, располагая для этого своими законодательными органами. Разумеется, такая система нуждается в демократии: недемократические режимы, как правило, не допускают автономии регионов или штатов.

Второй ответ: жить при федерализме — значит принимать тот факт, что в вашей стране существует не только центральный, но и иной уровень управления, имеющий демократическую легитимацию. И, следовательно, соблюдать толерантность по отношению к тем, кто думает иначе, что, естественно, предполагает и взаимное институциональное уважение одними органами управления других, поскольку все они в равной степени демократические, выборные и представительные. В федеративных системах ни один орган управления не обладает «всей полнотой» власти и истины и не может выступать от имени «всей нации», поскольку отдельные части нации также имеют «свою» истину. Власть при такой системе находится под большим контролем: федерализм допускает наличие территориальных «сдержек и противовесов», отсутствующих в унитарных системах.

Эволюция федерализма привела к возникновению столь большого числа вариантов и моделей, что кое-кто даже отрицает, что федерализм представляет собой единую политическую или конституционную сущность. Между тем

очевидно, что это одновременно и политическая и философская идея, которая не столько воплощается в конкретную модель государства, сколько отражает ее более или менее общие черты. Это что-то вроде обобщающего ярлыка, который применяется в отношении очень разных государств и правительств. Например, Советский Союз не одно десятилетие считался федеративным государством, но при этом не был ни демократическим, ни децентрализованным. Бразилия и Аргентина на протяжении долгого времени были одновременно федеративными государствами и диктатурами. И напротив, в мире есть страны, которые, по сути, являются федеративными, но формально не обладают характеристиками федерализма, то есть в их конституциях вообще не упоминается этот термин: примером может служить Испания*. Как отмечает Андерсон, отдельные унитарные государства на практике более децентрализованы, чем некоторые федерации. Это подводит нас к вопросу о соотношении федерализма и децентрализации: теоретически это разные состояния, но когда децентрализация не ограничивается административной или исполнительной сферой, а имеет и политический характер (то есть включает территориальное распределение политической власти), то тогда федерализм и децентрализация сближаются.

Третий ответ: продолжая отвечать на вопрос, что значит жить в федерации, следует иметь в виду, что важна не этикетка «федерализм», а реальное распределение политической власти. Политологи разработали своего рода «индикаторы» федерализма, которые, по замыслу, позволяют определить, соответствует ли госу-

* См.: Aja E. *El Estado autonómico: Federalismo y hechos diferenciales*. — Madrid: Alianza, 2ª ed., 2007; Aja E. *Estado autonómico y reforma federal*. — Madrid: Alianza, 2014. См. также: Watts R.L. *España ¿una federación multinacional encubierta?* // Tudela J., Knüpling F. (eds.). *España y modelos de federalismo*. — Madrid: CEPC — Fundación Manuel Giménez Abad, 2010. — P. 55–81.

дарство федеративной модели, но многие федеративные государства располагают только некоторыми из этих индикаторов или показателей, но не перестают быть федерациями.

Учитывая лишь относительную полезность конституционно-правового понятия федерализма для характеристики и описания конкретных моделей устройства наций, в последние 25 лет вместо федерализма предпочитают говорить о многоуровневой системе управления (multi-level government — MLG)*. Этим словосочетанием, изначально касавшимся Европейского союза, сегодня обозначают политическую реальность, в которой решения принимаются на двух или более уровнях управления сразу. В указанном плане федерализм представляет собой форму государственной власти, наилучшим образом приспособленную к условиям глобализации, требующим особой гибкости. Успех формулы MLG объясняется тем, что все страны мира интегрированы в международные объединения того или иного типа, которым они передали полномочия, функции или часть суверенитета. Таким образом, многоуровневое управление есть распространенное явление, которое, кстати, наиболее заметно именно в федеративных государствах.

Несомненно, федерализм, как и децентрализация, затрудняет принятие коллективных решений. Федеративные государства сложнее унитарных: в них больше правительственных органов и чаще проходят электоральные процессы. Когда имеется несколько центров принятия решений — в США, например, их 51, а в Германии 17, происходят конфликты, снижающие управленческую эффективность. Кроме того, неиз-

бежным оказывается дублирование государственных функций: так, в Испании не менее 15 учреждений и организаций защищают права женщин, поскольку к министерству или ведомству общенационального уровня добавляются параллельные органы регионального уровня. И, разумеется, такая организация власти дороже обходится налогоплательщику.

Четвертый ответ: жизнь в условиях федерации может оказаться более сложной, чем в унитарном государстве, поскольку в принятие управленческих решений здесь вовлечено большее количество участников. Отсюда часто возникают ситуации, требующие консенсуса или компромисса, а это снижает эффективность управления. Неслучайно консолидация федерализма была делом нелегким и сопровождалась политическим противостоянием (как в Бельгии, в последнее десятилетие не имевшей стабильного правительства) или даже гражданской войной (как в США в 1861–1865 годах).

Пятый ответ, связанный с предыдущим. Для штатов, регионов, провинций федерализм означает политическую автономию в сфере принятия решений и проведение собственной публичной политики, что обычно сопряжено с проявлением территориального неравенства (какой-то регион может предпочесть активную жилищную политику, в то время как соседняя территория делает упор на развитие культуры). Такая ситуация ставит вопрос о том, какую степень территориального неравенства или расхождения может допустить федеративная система и какие механизмы унификации или выравнивания должна иметь федерация.

** Подробнее о MLG см.: Marks G. *Structural Policy and Multi-Level Governance in the EC*. 1993; Marks G., Hooghe L. *Multi-Level Governance and European Integration*. — London: Rowman & Littlefield, 2001.

Пять идей, связанных с федерализмом

Помимо ответов на вопрос о том, что значит жить в условиях федерации, хотелось бы упомянуть и о пяти идеях, связанных с федерализмом.

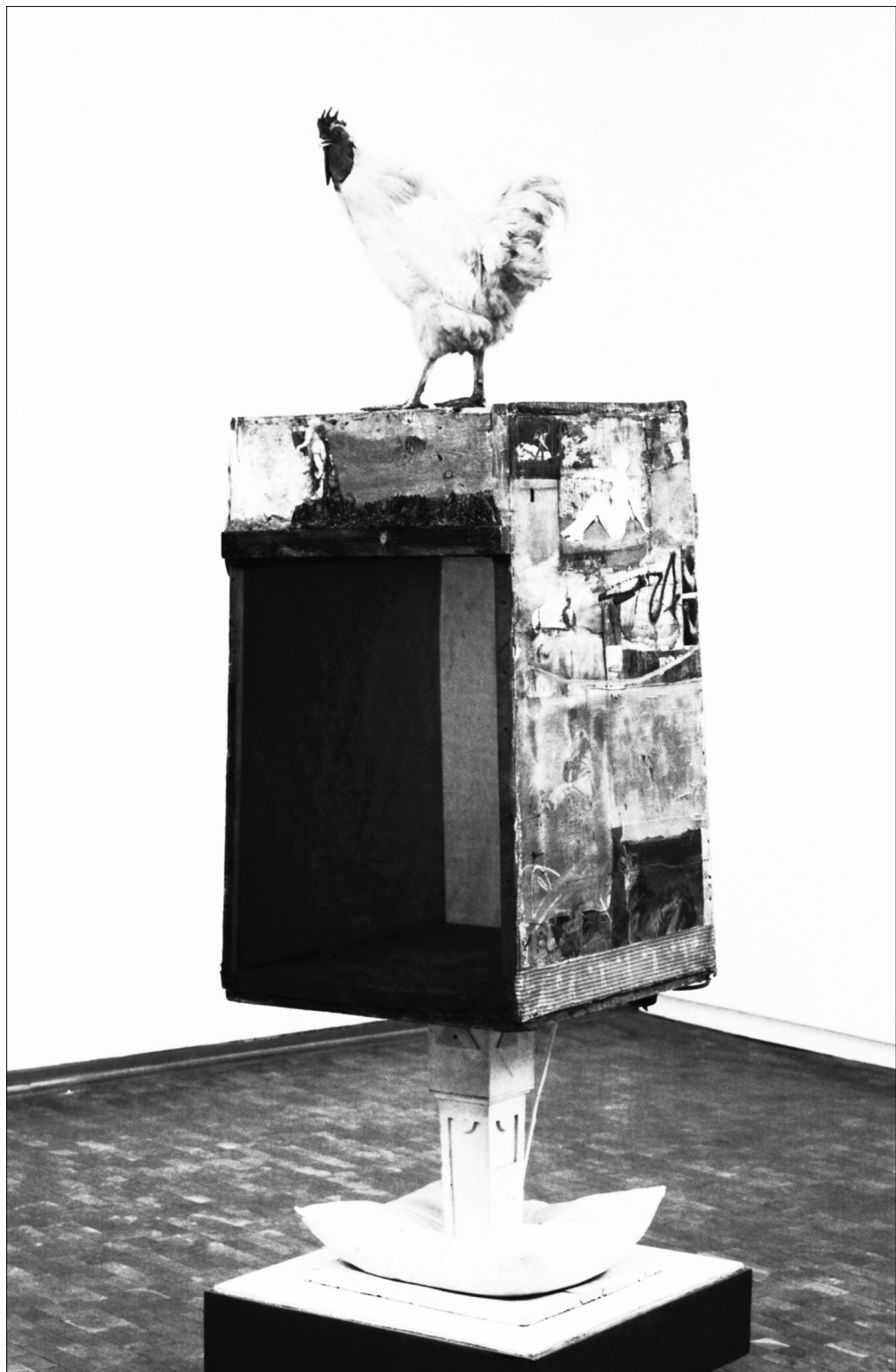
Первая идея — это идея суверенитета. В течение долгого времени высказывалось немало суждений по поводу того, обладают ли суверенитетом регионы или области, входящие в состав федерации. Ныне считается, что не обладают: так, германские регионы или земли (*Länder*) имеют собственные конституции, но не являются суверенными государственными образованиями. Тем не менее исторически этот вопрос вызывал бурные дискуссии и даже гражданские войны. Понятие суверенитета переживает в настоящее время кризис, причиной которого стала глобализация. Сегодня предпочитают говорить не о суверенитете, а о том, обладают ли регионы или штаты достаточной «правоспособностью» или «легитимностью», позволяющей им отделиться от остальной нации.

Сегодня считается, что хотя в рамках федераций учредительная власть и находится частично в руках регионов или областей, последние, как правило, не наделены полномочиями для отделения в одностороннем порядке. Например, США образуют «вечный и нерушимый» союз — это отмечено в разных документах, от постановлений Верховного суда до президентских речей, а штаты лишены права на выход из него в одностороннем порядке. (Хотя в Конституции 1787 года нет ничего, явно запрещающего возможное отделение штатов.) В децентрализованных государствах, формально не являющихся федеративными (например, в Испании), и даже в федеративных государствах (например, в Германии), учредительная власть не передается регионам, областям или провинциям, поскольку

носителем подобной власти выступает нация в своей совокупности. Так, решения по конституционным реформам в обеих упомянутых странах принимаются нацией в ее совокупности (в Германии даже не посредством референдума, а через голоса большинства в обеих палатах), а не землями или регионами.

Эти размышления о суверенитете влекут за собой вопрос о том, можно ли считать федерацией такую международную организацию, как ЕС, которому 28 государств-членов передали часть своего суверенитета. Большинство исследователей считают, что ЕС — наднациональное образование, имеющее черты и федерации, и конфедерации. К конфедеративным элементам относятся те сферы, в которых государства сохраняют свой суверенитет, то есть свою способность принимать решения: это касается прежде всего тех решений, которые органы ЕС принимают единогласно. Федеративными составляющими, напротив, являются те аспекты, в которых союзные решения принимаются большинством голосов, и таким образом государства, оставшиеся в меньшинстве, вынуждены соглашаться с большинством, утрачивая тем самым свой суверенитет. По мере эволюции ЕС решения в нем все чаще принимаются большинством голосов, а не единогласно, как на ранних этапах. Иными словами, ЕС постепенно превращается в федерацию государств, уступающих органам в Брюсселе все новые и новые сферы суверенитета.

Второй идеей, связанной с федерализмом, выступает национализм. Предполагается, что децентрализация, производная от федерализма, была или могла быть противоядием от национализма. В этой логике объем власти для тех территорий, которые стремятся к независимости или автономии относительно более крупного властного центра, сдерживает их стремление к отделению. На деле, однако, так

Роберт Раушенберг. Одалиска. 1955–1958

бывает не всегда: многие регионы, имеющие высокий уровень автономии (Каталония в Испании, Квебек в Канаде, Шотландия в Великобритании), считают свою автономию недостаточной и, судя по всему, хотят стать независимыми странами.

Сказанное, однако, не снимает созидательного потенциала федерализма в деле смягчения межнациональных трений. В частности, нельзя исключать того, что Украина в ближайшем будущем обратится к федеративным решениям для обустройства тех частей страны, которые ныне стремятся к отделению. Похожая ситуация наблюдается в Ираке и некоторых других странах. Все это делает актуальным вопрос об адекватности многонационального (или мультиэтнического) федерализма. Действительно, регионы, охваченные националистическими настроениями, могут чувствовать себя неуютно в рамках федеративной модели, даже если им предоставить самые широкие полномочия, но это не означает, что федеративная модель в таких случаях бесполезна, поскольку она все-таки смягчает наиболее очевидные трения.

Третья идея связана с вопросом о том, обязательно ли федерализму быть симметричным и уравнительным или же, напротив, он может быть асимметричным. Модель США тяготеет к уравнительной формуле: все 50 штатов равны в представительстве в сенате (по два сенатора), списке полномочий, политической организации, тогда как другие механизмы представительства устанавливаются в зависимости от численности населения (представительство в палате представителей). Другие федерации не совсем симметричны: Канада предусматривает особый статус для Квебека, Россия признает разную модальность субъектов Федерации, Испания допускает определенную асимметрию среди своих 17 регионов

(два из них практически суверенны с точки зрения режима налогообложения), Германия насчитывает 13 «обычных» регионов и три «вольных города». Разумеется, присутствует и географическая, социальная, политическая или экономическая асимметрия: в некоторых федеративных странах, таких как Мексика, Аргентина и Бразилия, есть зоны и регионы с мощным политическим и экономическим весом, которые практически затмевают другие регионы. В Аргентине одна только провинция Буэнос-Айрес создает около 40% ВВП, тогда как на оставшиеся 22 провинции приходится остальная часть национального богатства. В целом предпочтение в пользу институциональной симметрии или асимметрии — это фактор, который зависит скорее от политических обстоятельств, а не от рационального дизайна.

Четвертая идея обусловлена тем, что на состояние федерализма оказывает влияние местное (или муниципальное) управление. Федерализм рассматривает децентрализацию применительно к федерациям и их частям (будь то штаты, регионы, провинции и т.д.), которые обычно наделены собственной политической властью и законодательскими полномочиями. Но существует и другой уровень децентрализации: это так называемая местная или муниципальная власть. Здесь речь идет о децентрализации, которую порой называют «административной» в отличие от децентрализации «политической»: она не наделяет политико-законодательной властью, не дает оснований для принятия политических решений, а касается более узкой области — предоставления услуг населению. Для таких авторов, как де Токвиль, подлинной демократией является именно муниципальная демократия: муниципальные институты, по его мнению, были силой и сутью свободных наций. Эта идея де Токвиля сочетается с принципом субсидиарности,

воплощенным много лет назад в ЕС: решения должны приниматься в том органе администрации или управления, который ближе всего находится к гражданину. Означает ли это, что ЕС каким-то образом благоприятствует федерализму? Похоже, что нет. С другой стороны, предполагается, что определенная степень муниципальной децентрализации лучше вписывается в структуру ЕС, нежели централизованная модель.

Наконец, в качестве *пятой идеи* важно отметить, что одним из основополагающих элементов в федеративных системах является финансирование федерации и составляющих ее частей. По сути, так называемый фискальный федерализм составляет автономную ветвь федеративных исследований, которую развивают не столько юристы или политологи, сколько экономисты. Здесь ставится один из главных вопросов федерализма: должны ли ресурсы федерации идти на финансирование регионов или областей? Должны ли доходы наиболее богатых областей или регионов направляться в наиболее бедные области или регионы? Или же, напротив, регионы или области обязаны финансироваться за счет тех ресурсов, которые они генерируют сами? Ответы на эти вопросы могут варьироваться даже в рамках одной страны. Например, в Испании в 1978–1993 годах фискальная автономия 15 из 17 регионов была практически нулевой: они почти не собирали так называемые собственные налоги или налоги, переданные им центральной властью, а существовали почти исключительно за счет трансфертов из центра, не имея при этом законодательной инициативы в сфере налогов. В 1993 году им было передано 15% от суммы собираемых на их территории основных налогов (подходный, НДС, акцизы), а законодательные полномочия были незначительно увеличены. В 1996–2001 годах доля оставляемых налогов была увеличена до 33–40% —

одновременно с передачей еще большего набора законодательных полномочий. Наконец, в 2009 году региональная доля налогов была увеличена до 50%.

3. Федеративные модели в Европе

В Европе есть только четыре страны, в конституциях которых заявлен их федеративный статус: Германия, Австрия, Бельгия и Швейцария. Босния и Герцеговина также представляют федеративную европейскую модель, но в уникальной ее интерпретации. Есть и другие страны, например Испания, которые, не будучи явно федеративными, в действительности обладают почти всеми характеристиками, свойственными федерациям. В целом наиболее утвердившейся и популярной можно считать германскую разновидность федерализма. Германская модель 1949 года учитывалась в последующие десятилетия в таких странах, как Италия, Испания, Бельгия. Она была разработана не без влияния США и сочетает мощную политическую децентрализацию с широкими полномочиями центрального правительства.

Опыт европейских федераций позволяет сформулировать **шестой ответ** на вопрос, поставленный выше. Жить в условиях федерализма означает, что модель государства должна отвечать ряду характеристик, которых, по меньшей мере в условиях современного европейского федерализма, насчитывается как минимум девять.

Первой характеристикой, как нам уже известно, является политическая децентрализация, или территориальное распределение политической власти. При этом речь идет не о любом виде политической децентрализации, а лишь о такой ее модели, в которой все виды власти должны иметь демократическую легитимацию.

Вторая характеристика состоит в том, что эта децентрализация должна быть

гарантирована конституцией, причем таким образом, чтобы ее в принципе нельзя было бы изменить в одностороннем порядке какой-либо частью федерации или регионом. Изменения, касающиеся частей федеративной системы (перечни полномочий, механизмы контроля или координации) или самой системы (переход от федеративной системы к системе унитарной), должны осуществляться через процедуры конституционной реформы. Такая процедура требует, как правило, одобрения или ратификации со стороны значительного числа штатов или областей.

Третья характеристика заключается в том, что политическая децентрализация должна отражаться в законодательных полномочиях. Это означает, что в федеративных моделях имеется не один закон и не одна законодательная власть, а столько законов и органов законодательной власти, сколько частей составляют федерацию. В Испании, например, действуют 18 органов законодательной власти (17 региональных плюс один национальный).

Четвертая характеристика: политическая децентрализация должна воплощаться в наборе полномочий, присущих каждому центру власти, будь то сама федерация или ее части. Обычно имеется двойной список полномочий — для обоих центров власти. Они могут быть трех типов: исключительные полномочия, которыми наделена либо федерация, либо области и регионы; исполнительные полномочия, посредством которых регионы или области осуществляют функции федерального или национального масштаба; совместные или совпадающие полномочия.

Пятая характеристика является следствием двух предыдущих. Наличие двух уровней управления, каждый из которых наделен собственной законодательной

властью и полномочиями, гарантированными конституцией, требует действий разных властных уровней кооперации и координации. Использование нацеленных на это механизмов, а также констатация того, что большинство направлений публичной политики являются производ-

Для гражданина федерализм означает право на осуществление большего объема демократии, поскольку у него больше возможностей выбрать более близких к себе представителей

ными от решений как федеративных, так и региональных органов, привели к возникновению так называемого кооперативного федерализма. Успех или крах той или иной федеративной модели зависит от эффективности механизмов кооперации и координации.

Шестая характеристика проявляется в том, что в федеративных моделях стран Европы, в отличие от США, почти не предусмотрена передача судебных полномочий в пользу регионов или областей. 50 штатов США наделены собственной судебной властью и располагают, например, правом принимать собственные уголовные кодексы. В Европе же германские земли (и в меньшей степени испанские регионы или итальянские области) имеют собственные судебные органы, способные рассматривать в судебном порядке споры о применении регионального права, но при этом обычно не считается, что речь здесь идет о судебной власти как атрибуте суверенитета. По сути, в Испании и Италии имеется только один уровень судебной власти — тот, что соответствует центральной власти. Ни одна область, регион или провинция в Европе не имеют собственного уголовного законодательства, хотя

многие из них и располагают отдельными гражданскими нормами: так, в Испании 6 из 17 регионов приняли собственные нормативные акты для регулирования наследства, браков, определенного вида договоров и т.д.

Седьмая характеристика предполагает наличие двухпалатного парламента, причем одна из его палат представляет народ (как бундестаг или палата представителей), а другая — территории (бундесрат, сенат). Тем не менее существуют квазифедеративные модели, такие как испанская, в которых указанная характеристика отсутствует. (Сенат Испании практически не имеет ничего общего с территориальной палатой, хотя конституция и возлагает на него эту миссию.)

Восьмая характеристика заключается в том, что конфликтные ситуации в федерациях разрешаются независимым судебным органом (Верховным или Конституционным судом). Это подразумевает, что федерация не располагает односторонними механизмами контроля или опеки в отношении регионов, областей или провинций.

Девятая характеристика: в федеративных государствах допускаются определенные отличия в сфере защиты прав человека. В чисто федеративных системах, подобных США, федерация ограничивается тем, что обеспечивает минимум прав человека, набор которых штаты могут расширять. В ходе недавних реформ в Испании и Германии было установлено нечто подобное, так что между регионами могут наблюдаться различия в уровнях обеспечения прав человека. (Наиболее ярким примером стали однополые браки в США, где они легализованы лишь в 19 штатах и федеральном округе Колумбия.) Это привело к созданию так называемого многоуровневого регулирования прав человека: два уровня в рамках федерации плюс третий, международный, уровень.

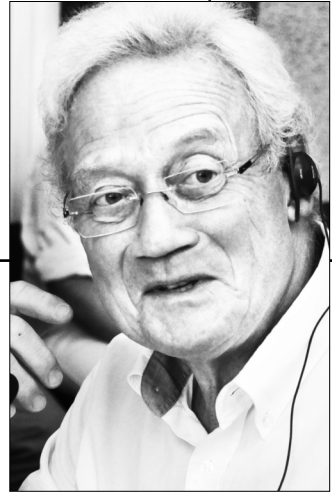
Вместо заключения

Для ответа на вопрос, что значит жить в условиях федерации, необходимо определить, чем же в действительности является федерация, что оказывается не очень простым делом. В любом случае федерация соответствует двойному уровню управления (национальное или федеральное правительство и правительство региональное), причем оба уровня имеют прямую электоральную легитимацию. В этом смысле, и только в той мере, в какой соблюдается это демократическое требование, можно утверждать, что жизнь в условиях федерации означает наличие большего уровня самоуправления для территорий, большей близости к месту принятия отдельных решений. Для гражданина федерализм означает право на осуществление *большого объема* демократии, поскольку у него больше возможностей выбирать более близких к себе представителей.

Жить в условиях федерации означает иметь возможность более эффективно ограничивать власть посредством «сдержек и противовесов» и, следовательно, более широко использовать переговоры между различными территориальными органами управления. Но это означает также и большее затруднение политической деятельности на общенациональном уровне именно в связи с тем, что имеется как минимум два уровня управления, наделенных своими полномочиями, компетенциями и правом принятия решений. В конечном счете условия федерации означают весьма оригинальный способ демократии — способ, более разнообразный и богатый в институциональном плане, но при этом потенциально более сложный.

*Перевод с испанского
Александра Казачкова*

Скандинавский омбудсмен

*Арне Флифлет,
парламентский омбудсмен
Норвегии (1990–2014)*

О термине «омбудсмен»

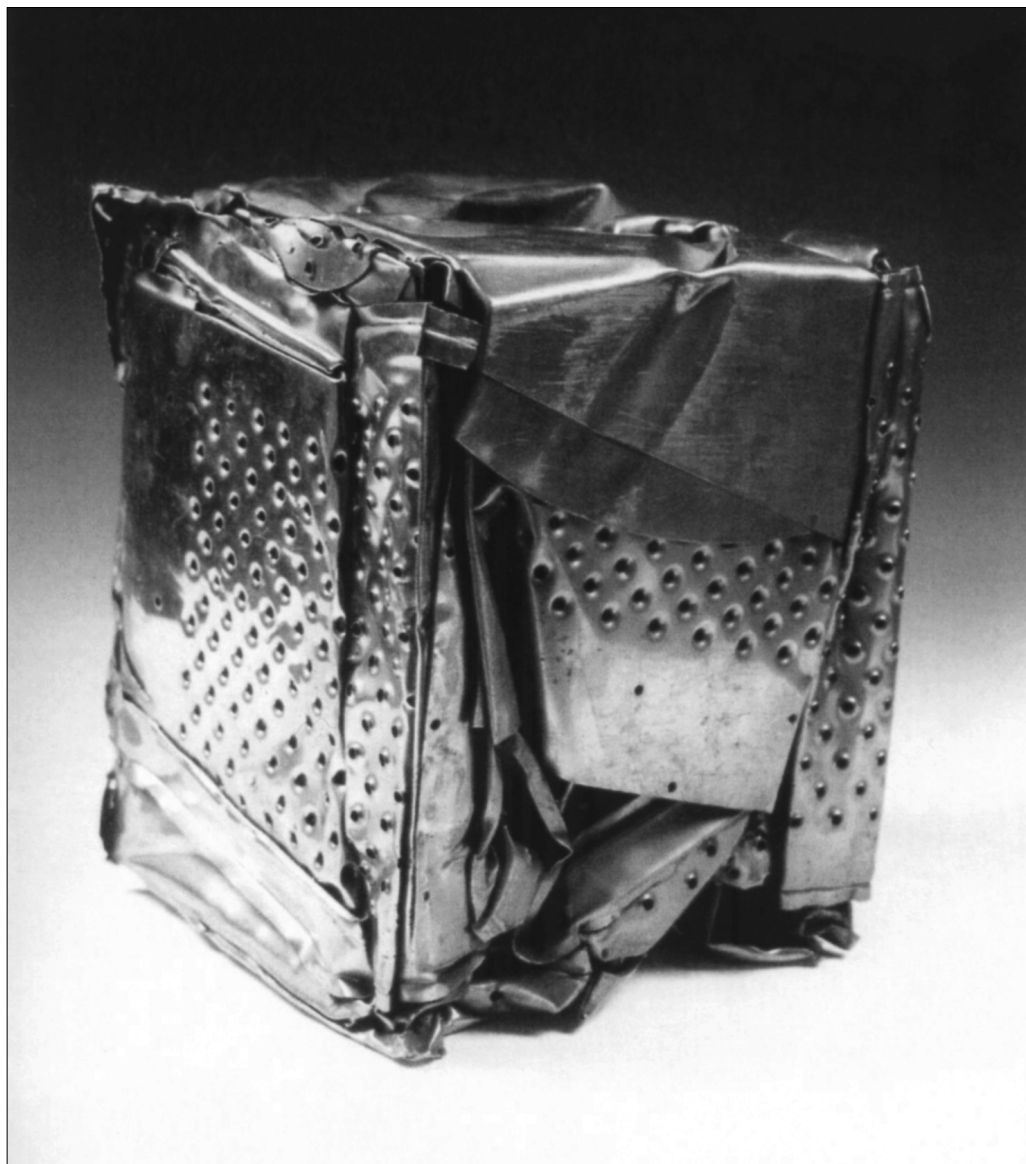
Ныне это понятие получило широкое распространение во всем мире, но изначально «омбудсмен» — слово древненорвежского языка, означающее доверенное лицо, например доверенное лицо короля. Сейчас, однако, речь пойдет о доверенном лице парламента. Возникает вопрос, насколько уместно называть институт словом, в котором содержится указание на человека, — «man».

Скандинавия (Дания, Норвегия и Швеция) — три независимых государства с различными системами правления и администрации. Со стороны кажется, что у этих стран намного больше общих черт, чем различий. Кроме того, к скандинавским странам относятся Финляндия и Исландия, а также Фарерские острова и Гренландия, находящиеся в тесной связи с Данией. Каждая страна имеет собственное устройство государственной администрации, соответственно работа омбудсмена тоже организована в них по-разному.

В этом очерке я хотел бы пояснить сходства и различия в организации публичной администрации и работы омбудсмена в странах Скандинавии. Чтобы понимать, как организованы эти системы, остановлюсь на основных характеристиках, устанавливаемых конституцией каждой страны относительно системы публичной администрации и судебной власти, а также на том внимании, которое им уделяют юридическая наука и адвокатура.

История

В 2009 году была отпразднована 200-летняя годовщина учреждения скандинавского института омбудсмена. В 2014 году мы отметили 200-летие Конституции Норвегии. В действительности истоки деятельности первого омбудсмена восходят к более раннему времени — к началу XVIII века, когда шведский король Карл

Сезар. Компрессия. 1961

XII вел войны за пределами своей страны. Ему нужно было иметь доверенное лицо в Швеции, которое могло бы следить за тем, чтобы высшие должностные лица и государственные служащие исполняли свои обязанности надлежащим образом. Исходя из этого, монарх назначал собственного омбудсмена. Когда в 1809 году была принята Конституция Швеции, шведский парламент (Riksdagen), бывший выборным органом, также захотел обзавестись собственным омбудсменом, вследствие чего была учреждена должность омбудсмена юстиции. В рамках отведенной ему компетенции этот чиновник должен был удостоверять, что высшие должностные лица и гражданские служащие действуют в соответствии с законами государства и добросовестно исполняют возложенные на них служебные обязанности.

С 1814 года Норвегия состояла в унии со Швецией (у них был общий король). В 1822 году монарх предпринял попытку учредить должность специального омбудсмена для Норвегии. Первый генеральный прокуратор (канцлер юстиции), которого вполне можно сравнить с омбудсменом, учрежденным шведским королем, появился у нас в 1822 году, но спустя три года его деятельность была прекращена.

После Второй мировой войны, пяти лет оккупации и нацистского режима перед Норвегией остро стояла задача укрепления начал, на которых основываются правопорядок и законность. Расширение полномочий государственной администрации также обусловило усиление гарантий гражданских прав. Специальная комиссия выступила с инициативой принять закон о государственном управлении, в котором регламентировались бы правила рассмотрения административных дел. Комиссия также предложила принять закон о свободе информации, регулирующий оборот официальных документов. Кроме того, комиссия рекомендовала учредить институт омбудсмена по вопросам государственного управления. Предложения по организации работы омбудсмена рассматривались также и в Дании: в этой стране в 1952 году его должность была упомянута в конституции. У нас процесс шел не так быстро. Предложение, представленное в парламенте Либеральной партией в 1949 году, было встречено без энтузиазма. Возможно, причиной послужили опасения, что омбудсмен, как в Швеции, станет источником постоянного раздражения для высших должностных лиц и гражданских служащих. Действительно, у шведов парламентский омбудсмен не только контролировал исполнение обязанностей высшими должностными лицами и гражданскими служащими, но и исполнял функции государственного обвинителя в процессах против этих лиц. Поскольку для Норвегии предлагалось что-то подобное, не удивительно, что инициатива не встретила понимания, тем более что во время немецкой оккупации высшие норвежские чиновники сыграли важную роль в движении Сопротивления.

Но когда компетенция омбудсмена была пересмотрена, а главной целью его деятельности стала защита прав граждан, скептицизм и неприятие понемногу стали угасать. В Дании институт омбудсмена был учрежден в 1955 году, а восемь лет спустя парламентский омбудсмен появился и в Норвегии.

Восточноскандинавский и западноскандинавский омбудсмен

Деятельность института омбудсмена в скандинавских странах регулируется двумя концепциями: восточноскандинавской и западноскандинавской. В восточных странах, то есть в Швеции и Финляндии, надзор осуществляется в основном за государственными ведомствами и должностными лицами. В западных странах основой контроля над деятельностью администрации выступает приоритетное соблюдение прав граждан. Общей чертой обеих концепций стала их тесная связь с государственной правовой системой: как правовое явление, работа омбудсмена тесно связана с деятельностью судов, правоприменительной практикой и адвокатурой.

В скандинавских странах парламентские омбудсмены обязательно должны быть профессиональными юристами. В Норвегии Актом об омбудсмене к этому лицу предъявляются такие же квалификационные требования, как к судьям Верховного суда, и у всех парламентских омбудсменов должен быть опыт юридической работы в качестве судей или юрисконсульттов. В Дании омбудсмен может быть избран из числа профессоров права. В Швеции и Финляндии парламентский омбудсмен всегда бывший судья или иной работник судебной системы. Другими словами, в странах Скандинавии существует очень тесная взаимосвязь между институтом омбудсмена и судами. Скандинавские заседания омбудсменов проходят как конференции представителей юридической профессии. Важно отметить, что в Швеции и Финляндии суды находятся под надзором омбудсмена. Однако омбудсмен может заниматься только процессуальными вопросами, исключая вопросы материальные.

Институциональные различия между, с одной стороны, Швецией и Финляндией, а с другой — Данией, Норвегией и Исландией касаются системы пересмотра решений и наличия юридических полномочий у представителей публичной администрации. В Швеции и Финляндии существуют административные суды, которые выносят решения по частным делам. В западнскандинавских странах есть только система судов общей юрисдикции, а пересмотр частных дел осуществляется в административных органах и в административном порядке. Таким образом, в западнскандинавских странах омбудсмен заполняет вакуум, образующийся из-за отсутствия административных судов.

Поскольку в Швеции и Финляндии действует система административных судов, роль омбудсмена в них иная. Парламентский омбудсмен в Швеции и Финляндии наблюдает за рассмотрением дел и исполнением государственными служащими своих обязанностей, но не пересматривает вопросы, относящиеся к существу решений, которые вынесены представителями публичной администрации. Это работа государственных административных судов. В западнскандинавских странах, где существует только система судов общей юрисдикции, в которой административные суды не обособляются, омбудсмена можно рассматривать как дополнение или альтернативу судам общей юрисдикции. Неразрывная связь между институтом омбудсмена и судебной системой означает, что хотя мнение омбудсмена носит только рекомендательный характер, оно обязательно будет учтено на практике.

Институт омбудсмена и судебная система

Институт омбудсмена в Норвегии руководствуется исключительно правом, и поэтому все проводимые им расследования и высказываемые им мнения должны соответствовать действующим законам. Однако институт омбудсмена является все же более гибким и менее формальным учреждением, чем судебная система. У омбудсмена, например, есть право выражать свое мнение, которое не является юридически обязательным, но обладает значительным авторитетом. Он может высказывать озабочен-

ность или сомнения относительно применяемого закона или каких-то фактов, а также может критиковать решения за их необоснованность. Для граждан институт омбудсмана — альтернативное средство для исправления ошибок или недостатков в работе публичной администрации.

Другой особенностью, о которой следует упомянуть, является исполнение омбудсменом надзорной функции по отношению к судам и судьям в Швеции и Финляндии. Для этого в восточноскандинавских странах суды намеренно выведены за пределы компетенции омбудсмана. Отношения между омбудсменом и судьями могут показаться несколько натянутыми, но в силу того, что оба института давно стали неотъемлемой частью юридической сферы, конфликт интересов не столь велик. Однако четко обозначенная разделительная линия между омбудсменом и судами в восточноскандинавских странах, без сомнения, способствует снятию напряжения в отношениях между судами, судьями и омбудсменом. Преимущество такого положения в том, что омбудсмен выражает свое мнение по правовым вопросам, которые рассматриваются и в суде, причем без какого-либо недоверия или зависти во взаимоотношениях между этими институтами.

Обмудсмен и права человека

Наконец, скажу также коротко о тех видах омбудсменов, которые появились после учреждения первых институтов парламентских омбудсменов. В настоящее время в скандинавских странах есть множество апелляционных и надзорных органов, и к многим из них применяется название «омбудсмен». Само слово и дело омбудсмана стали очень популярными. Конечно, публичная администрация тоже сложное и масштабное явление, но институт парламентского омбудсмана играет особенно важную роль. Учитывая его тесную связь с правом и правовыми профессиями в публичной администрации и судах, омбудсмен выступает в качестве квазисудебного органа. Граждане могут беспрепятственно обращаться к этому институту, а сам институт обязан работать эффективно и добросовестно, обстоятельно и открыто. Рассмотрение дел должно производиться в рамках процедуры, в письменной форме, но без лишнего формализма. Уверенность в этом, которую испытывают как публичная администрация, так и граждане, является важным фактором его работы.

В завершение, говоря об омбудсмене и правах человека, хочу подчеркнуть, что несколько международных конвенций по правам человека были отражены в норвежском законодательстве. В частности, в этом году важные положения, касающиеся прав человека, были внесены в Конституцию Норвегии. Наши граждане имеют право и возможность обратиться в суд для защиты своих прав. Судебная система играет здесь ключевую роль. Но омбудсмен, проводя свои расследования и высказывая мнения, также укрепляет область соблюдения прав человека.

*Перевод с английского
Екатерины Захаровой*

*Сергей Пашин,
профессор Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа экономики»,
член Совета
при Президенте РФ
по развитию гражданского
общества
и правам человека*

Правда и истина в суде

В российском Уставе уголовного судопроизводства 1864 года не существовало общетеоретической части, где был бы провозглашен принцип объективной истины. Кстати, главы о принципах уголовного процесса нет и в ныне действующем Уголовно-процессуальном кодексе Германии 1877 года: Россия, как известно, относит себя к романо-германской, или континентальной, правовой системе. В современном Уголовно-процессуальном кодексе России существует раздел «Основные положения». В нем слово «истина» не употребляется — вышло из моды со времен, когда мы перестали поклоняться работе В. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», но уши «объективной истины» все время выглядывают из-за частого сочинения советских теоретиков процесса и их учеников, маячат в нормативных актах. Под предлогом поиска истины российский УПК все время пытаются «улучшить». Сейчас, например, в России обсуждается законопроект депутата А. Ремезкова о возвращении института установления объективной истины в уголовный процесс. Депутат утверждает, что презумпция невиновности — это фикция, уголовное дело нужно бесконечно направлять на следствие, пока наконец истина не проявится. Суду следует не проверять материалы предварительного следствия, а искать истину, восполняя пробелы следствия. По сути, законопроект депутата Ремезкова не про истину, а про следствие. Прокуратура и Следственный комитет хотят сохранить лицо, даже не умея собрать и представить улики, — вот в чем смысл поправок.

На всем постсоветском пространстве тексты уголовно-процессуальных кодексов, кроме кодексов Украины и Грузии, имеют примерно одинаковое содержание, несут родимые пятна советского учения об истине. Например, УПК Беларуси в ст. 105 «Оценка доказательств» так описывает понятие «достоверность доказательств»: достоверными признаются доказательства, если они соответ-

ствуют действительности, то есть достоверность отождествляется с истинностью. Но разве доказательства могут соответствовать или не соответствовать действительности? Такое качество свойственно утверждениям, заявлениям, тезисам, но не доказательствам. Что значит «протокол обыска соответствует действительности»? Ничего не значит.

В основе многих конструкций — законодательных и de lege ferenda (предложенных по совершенствованию закона) — лежит советская теория доказательств и советское учение об исти-

не. Как известно, на вопрос Понтия Пилата «Что есть истина?» Иисус ничего не ответил, в отличие от монахов-картезианцев, полагавших, мол, Христос должен был сказать, что истина — это правильное, соответствующее действительности знание о мире вне нас. Именно на этом положении зиждется советская теория доказывания: цель доказывания в уголовном процессе — установление истины. Советские теоретики уточняют, что установление истины есть юридическая разновидность познания. Особенность ее в том, что истина познается в сжатые сроки и при помощи специальных средств. Например, профессор В.П. Радьков писал в работе 1956 года: вооруженные передовой марксистской теорией, следователь и судья не имеют преград для установления истины, поскольку истина всегда установима. Если же суд истину не познал — значит, плохо работал.

Далее советские ученые рассуждают, по каким вопросам следует устанавливать истину. Они сходятся на том, что, во-первых, нужна «истина факта»: Иванов правой рукой выгащил три рубля, кошелек, не имеющий стоимости, и трамвайный билет из левого кармана Петрова. Фактические обстоятельства преступления требуют

точного установления. Во-вторых, установления требует «истина квалификации», то есть деяние должно быть правильно квалифицировано по нужной статье Уголовного кодекса. Похитить что-то тайно из кармана — это кража (ст. 158, ч. 1, 2 УК РФ). При этом если следователь

Юридическая действительность не может основываться на истине, поскольку она виртуальна, в ее рамках применяются специфические формы создания фактов, в частности, фикции и презумпции

неверно установил событие, то, наверное, и квалификация деяния будет неправильной. Некоторые горячие головы призывают устанавливать и «истину наказания», стыдливо умалчивая о том, какова способность судейского правосознания. Может ли судья отмерить наказание с точностью до месяца (до шести месяцев, до года)? Встречаются, конечно, хитрые манипуляции, когда судьи, получив постановление об амнистии, отмеряют наказание с точностью до месяца. Ведь амнистии, как правило, подлежат осужденные, приговоренные к наказанию до 5 лет лишения свободы. И если судья хочет, чтобы человек скорее вышел на свободу, он дает 5 лет или 4,5 года. А если хочет, чтобы тот посидел, отмеряет ему 5 лет и 1 месяц. Во всех остальных случаях разрешающая способность человеческого сознания, боюсь, невелика. Судья обычно не знает меры, которой меряет: в чем разница между 5 годами и 3 месяцами и 5 годами и 8 месяцами? Рассуждения о том, что наказание должно быть истинным, по сути, заставляет судью быть провидцем. Часто это имеет печальные последствия. Квалификационная коллегия судей, например, может прекратить полномочия судьи, если он кого-то освободил из-под стражи, а тот

Сезар. Компрессия «Фасель Вега». 1962

взял да убежал. Судью наказывают за то, что, освобождая обвиняемого, он не спрогнозировал его побег. На таких примерах, собственно, судей научили не освобождать людей из-под стражи на этапе предварительного следствия. Пока сидит, все нормально.

И наконец, советская концепция указывала на критерии истины. Допустим, мы познали некий факт: Иванов убил Петрова. Но как определить, что факт верен? Конечно, с помощью идей материализма и эмпириокритицизма. В. Ленин и К. Маркс видели критерий истины наших знаний в «обще-

ственно-исторической практике»; коммунизм всемогущ, потому что он верен. И наши процессуалисты все время говорят, что практика правоохранительных органов и есть критерий истины. Не совсем, однако, ясно, какая именно практика имеется в виду: практика 1934–1937 годов, или практика 1950-х, или современная практика. И какая из них самая истинная? На этот вопрос подразумевается мудрый ответ: истиной владеет вышестоящая инстанция. Чем выше по процессуальной лестнице мы взобрались, тем больше приблизились к истине. Значит, когда-то истина была в руках Верховного суда Союза ССР, потом уровень познания истины немного срезали и переместили в Верховный суд РСФСР. Вот такая логика — наша истина там, где начальство. Начальство истину знает. Вообще, юридическая действительность не может основываться на истине, поскольку она виртуальна, в ее рамках применяются специфические формы создания фактов, в частности, фикции и презумпции. Если ты сменил местожительство, не предупредив суд, то поступившая на прежний адрес повестка будет считаться врученной. Это пример юридической фикции. Юридическое время тоже течет удивительно: может остановиться, как в книге «Алиса в Стране чудес»; или вернуться к нулевой отметке; или, скажем, время течет, а одни отрезки засчитываются, другие нет. Юристы, подобно журналистам и священникам, работают в виртуальном мире. А в этом мире возможно все, в том числе две истины. Приведу в качестве примера дело О. Джей Симпсона — афроамериканца, актера и футболиста, обвинявшегося в убийстве в 1994 году бывшей жены и ее любовника. Двойное убийство — это убийство первой степени, предполагающее в некоторых штатах США в качестве меры наказания смертную казнь. Коллегия из 12 присяжных объявила, что О. Джей Симпсон не виновен, *not guilty*. Тогда род-

ственники убитого мужчины предъявили иск в порядке гражданского судопроизводства, и новый состав присяжных признал Симпсона ответственным за смерть двух человек, суд приговорил его к выплате компенсации в 33,5 миллиона долларов. Проблему поиска истины в этой истории нужно рассматривать исходя из стандартов доказанности: в гражданских делах таким стандартом называют «перевес доказательств», в уголовных — состояние «вне разумных сомнений» (*beyond a reasonable doubt*). Стандарт доказанности в соответствии с эталоном «вне разумных сомнений» по делу Симпсона не был достигнут в уголовном процессе. А стандарт «перевеса доказательств» на основе тех же доказательств в гражданском процессе был достигнут. Поэтому О. Джей Симпсон подобен кошке Шредингера, которая одновременно и жива и мертва; футболист и виновен и невиновен одновременно, в зависимости от того, под призмой какого судопроизводства — уголовного либо гражданского — мы рассматриваем улики. После процесса Симпсон написал книгу «Если бы это сделал я» (*If I Did It*), где изложена детальная версия убийства, как если бы его действительно совершил сам автор. Однако поскольку в юридической действительности постановлено, что Симпсон не убивал, а судить дважды за одно и то же преступление нельзя, правоведам его книгу как признание не восприняли.

Российская судебная практика тоже полна незамысловатых историй об истине. Вот, например, некто Сушко в середине 90-х годов прошлого века раскроил топором череп соседу. Дело его рассматривал суд присяжных в городе Ростове. Адвокат на определенном этапе, попросив судью удалить присяжных из зала заседания для решения юридического вопроса, настоял на исключении из разбирательства окровавленной рубахи

обвиняемого и заключения эксперта о наличии на ней крови потерпевшего, поскольку выемку рубахи оперуполномоченный провел с превышением полномочий, без письменного поручения следователя. Вернулись присяжные, процесс возобновился. На этапе прений адвокат задал присяжным риторический вопрос: как можно совершить тяжкое убийство, не испачкав одежды (в деле сохранилась чистая рубашка, изъятая в следственном изоляторе). Через 20 минут присяжные вынесли вердикт — не виновен. Благодаря виртуальному, чисто юридическому ходу адвоката в реальной действительности была пробита брешь. С точки зрения интерпретации доказательств присяжные вынесли правильное решение, а с точки зрения истины — нет. Таким образом, по поводу истины в уголовном процессе моя позиция проста: судоговорение устанавливает не истину, а решает дело. Философские конструкции вряд ли могут быть встроены в практическую деятельность. Как судьи ищут «истину», хорошо видно из текстов приговоров. Существует несколько стандартных приемов фабрикации истины, с помощью которых судья, при желании либо по команде, из любого сделает преступника. Первая, самая простая схема — приписывание мотивов. Два человека выпивали, подрались, один другого убил. Закон требует установления мотива. Подсудимого допрашивают, он говорит: «Пьян был, ничего не помню». Как установить мотив? Судья пишет: «Ввиду личных неприязненных отношений». Тогда подсудимый уточняет, что ранее не был знаком с потерпевшим, и судья дополняет: «Ввиду внезапно возникших неприязненных отношений». Далее выходит свидетель и утверждает, что неприязни между участниками драмы не было. Судья формулирует: «Безмотивно, из хулиганских побуждений». Как ни крути, мотив приписали. Второй способ фабрикации истины — это аггравация,

сгущение красок. Вот подлинная история. Два человека якобы задушили женщину, тело сожгли. В распоряжении следователей оказался фрагмент веревки, оставшийся на шее несчастной женщины. На веревке после обгорания как-то сохранились потожировые следы. Эксперт пишет в заключении: «Образцы пота, изъятые с концов провода удавки, полностью израсходованы при исследовании. Происхождение потожирового вещества от подсудимых не исключается». То есть, может, они есть, а может, нет. Судья в приговоре обосновывает свою позицию: «Выводы суда объективно подтверждаются данными о наличии потожирового вещества подсудимых на проводе удавки с трупа Ш.». Вот и все: у эксперта «не исключается», у судьи — все доказано. Третий прием — смешение в приговоре доказательств события и доказательств виновности человека. Все имеющиеся доказательства подаются в приговоре как доказательства виновности подсудимого, или судья оправдательные доказательства трактует как обвинительные. Например, в решении по делу «Попов против России» Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) с удивлением пишет, что национальный суд привел много доказательств того, что человек был убит, но совсем не привел доказательств того, что убил его подсудимый Попов. В приговоре, кроме того, фигурируют факты, вообще не имеющие отношения к делу.

И наконец, могут быть явные искажения в толковании доказательств, фактов дела. Вот что пишет Хабаровский краевой суд в приговоре по делу о некоем преступном сообществе: «Доводы стороны защиты об отсутствии доказательств принятия подсудимых в члены преступного сообщества, дачи ими клятвы верности, сведения о посещении ими сходов сообщников не только не опровергают предъявленное обвинение, а,

напротив, подкрепляют его, поскольку указанные обстоятельства свидетельствуют о конспиративности деятельности этой неформальной организации». Что получается? Дал клятву верности, татуировку сделал — виноват. Не дал клятвы, татуировки не сделал — тем более виноват. Такова судебская истина, конструируемая с помощью нехитрых манипуляций.

Однако подобная процессуальная «истина» народ, оказывается, не удовлетворяет, потому что ему нужна правда, а не истина. «Всякое право, а следовательно, и право самодержавное потопилу есть право, поколику оно основано на правде. Там, где кончится правда и где начнется неправда, кончится право и начнется самовластие», — говорил М. Сперанский. Позволю себе определить правду с позиции христианской культуры как особое духовное состояние, в котором совпадает объективная (о которой промолчал Иисус), данная Богом, истина и внутренняя совесть человека. Я бы сказал, что правда есть некая сопричастность души человека определенной системе ценностей. Или, если угодно, это отзывчивость души на определенные ценности. Правда и истина — понятия разные. Правда, в отличие от истины, живет внутри человека. Существует, например, постулат: незнание закона не освобождает от ответственности. Почему, собственно говоря, не освобождает? Да потому, что правильный закон у меня в сердце записан. Не убий, не укради, не пожелай жены ближнего своего — все это записано в сердце человека. В моей судебской практике было одно дело: я судил оперуполномоченного за двойное убийство. Он очень любил свою жену, а она ему изменяла. С помощью своего

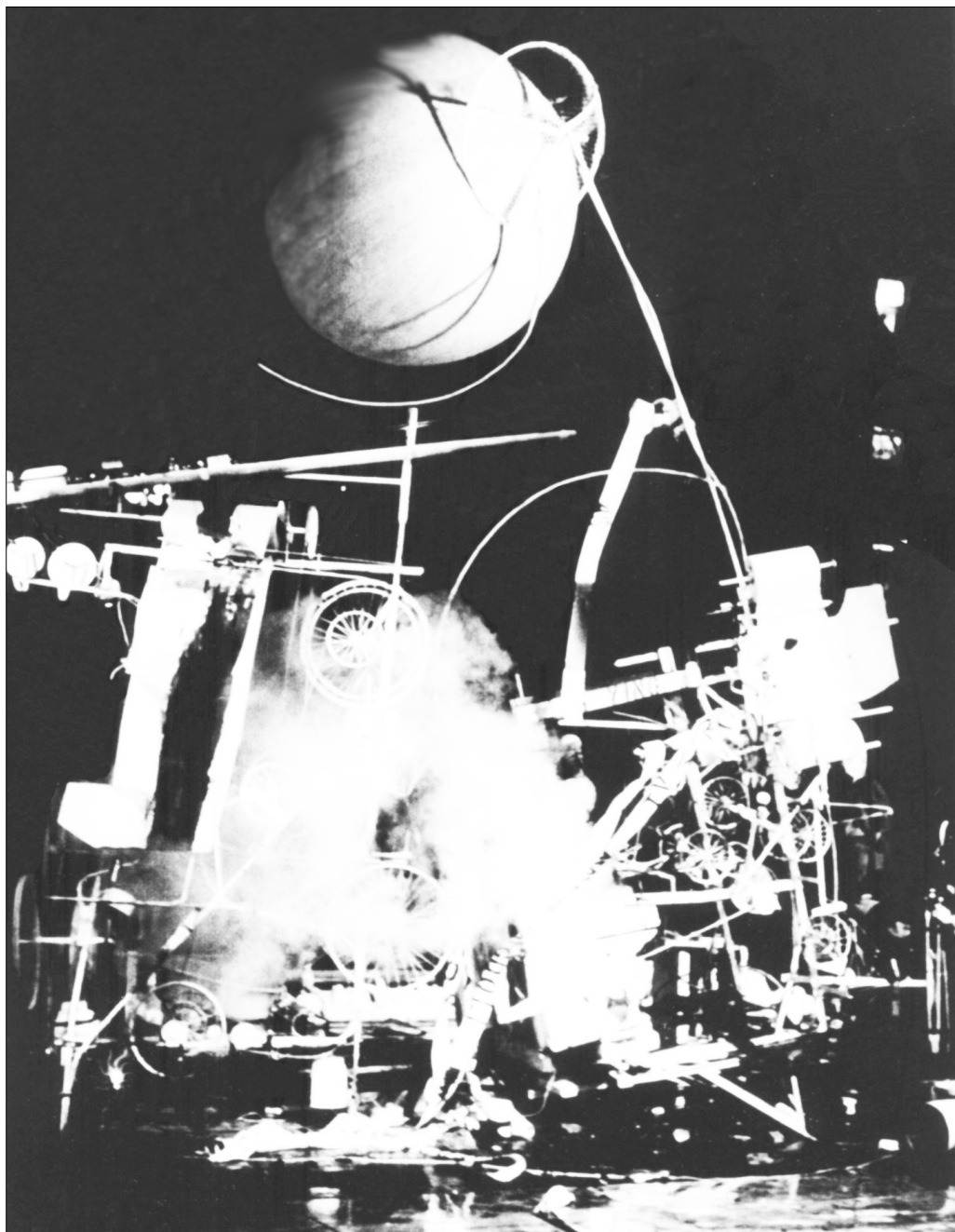
агента оперуполномоченный задержал двух подозреваемых любовников и устроил им форменное дознание. А когда ему надоело слушать их уклончивые ответы, начал стрелять из табельного оружия: застрелил двух мужчин, ранил агента и жену. После этого позво-

Обвинительный уклон стал для судей одной из ведомственных ценностей.

Подразумевается, что если судья выносит оправдательный приговор, его можно заподозрить в коррупции

нил коллегам и сообщил о совершенном деянии. Его внутренняя правда заставляла донести на себя. И когда я в судебном заседании спросил оперуполномоченного, не пытался ли он помочь раненым, он ответил, что нельзя было изменять обстановку на месте происшествия. Вот в чем была его правда: в любви к жене и в ответственности за дознание.

Правда у каждого действительно своя, а механизмом к ее пробуждению служит совесть. Римский император Марк Аврелий говорил, что каждый стоит ровно столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет. Редьярд Киплинг в одном из своих произведений рассказывает, как старый сержант повздорил с молодым офицером, и когда офицер на него замахнулся, сержант нанес удар. А ударив, сказал: «Да, я прибил офицера, молод еще оскорблять старых солдат. Для примера должно меня расстрелять». Другой сюжет. Лев Толстой, будучи офицером, выступал в полевом суде защитником солдата Шебунина, который ударил фельдфебеля. Как защитник он пытался доказать, что солдат был в умоисступлении. Доказать не удалось, и солдата расстреляли. После

Жан Тэнгли. В честь Нью-Йорка. 1960

этого Толстой написал, что никакие законы не стоят человеческой жизни. Правда Толстого в том, что жизнь важнее закона. А правда сержанта у Киплинга в том, наоборот, что жизнь ничего не стоит рядом с законом и порядком.

Правду я отделяю от справедливости. Справедливость обычно предполагает воздаяние, правда — нет. Преподобный Исаак Сириин говорил: «Не дерзай именовать Бога справедливым. Если бы Бог был справедлив, ты был бы уже осуж-

ден». Бог не справедлив, он милосерден. Но если христианство — религия любви и милосердия, то, например, ислам — религия справедливости. Есть одна поучительная история про шариатского судью в Мекке, который случайно на дороге сбил голубя. Судья вышел из автомобиля, убедился, что птица погибла, и выписал себе постановление о штрафе. Все верно: в религии справедливости важно правильное воздаяние. Для православия же показательна описанная в Евангелии история про Христа и блудницу, где торжество формального закона не есть радость и справедливость. Достоевский пишет, что народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Но народ знает и то, что сам виновен вместе с каждым преступником. Вот наша правда, которая проявляется, например, при рассмотрении уголовных дел судом присяжных. Приведу в качестве подтверждения дело, рассмотренное судом присяжных в Томске. У женщины, работавшей кондуктором в трамвае, муж был патологически ревнив. Он переезжался, ездил в ее вагоне, внимательно наблюдая, не улыбнулась ли она кому. Если улыбнулась, бил жену смертным боем. Так они жили 11 лет. В 2004 году, на Христову Пасху, он избил не только ее, но и ее матушку, свою тещу то есть. И тогда жена не выдержала — облила его бензином и подожгла. Мужчина скончался в больнице. В УК это деяние называется убийством с особой жестокостью. Присяжные, заслушав дело, приходят к выводу: не доказано, что муж умер от действий жены. Вот не доказано. Беседуя с ними, выясняю: во-первых, среди присяжных есть врач, который подробно разъяснил остальным, что лечить этого выпивоху в больнице никто не будет. В деле-то это не выяснено, врач сказал. Во-вторых, женщины-присяжные с подсудимой полностью солидарны и удивлены, что она терпела так

долго. И наконец, совершенно изумительный аргумент: дело было на Пасху! Муж, избив женщин на Пасху, поступил нехорошо; а к жене, коли дело было на Пасху, следует проявить милосердие. Очевидно, что в данном случае присяжные погрешили не только против истины (женщина все-таки облила мужа бензином и подожгла), но и против справедливости (смертной казни он, наверное, не заслуживал). Полагаю, мы наблюдаем торжество правды.

В чем правда российских судей? Прежде всего, это правда ведомственная. Судье нравится единоличный порядок разбирательства дела, без заседателей и без присяжных. Судье также нравится особый порядок разбирательства, когда можно не слушать доказательств, а просто задать риторический вопрос: «Признаешь себя виновным?» — «Признаю». — «С адвокатом виделся?» — «Виделся». И хорошо, и пошли писать приговор. За день можно семь, а то и все десять приговоров отписать. И судье нравится неполное оглашение приговора, когда он зачитывает только его начало и конец (вводную и резолютивную части). Еще в судейской среде существует особая правда — «добро с кулаками». В Саратове мне как-то адвокат поведал душераздирающую историю. У его клиента изъяли сделанное им наркотическое вещество. Адвокат доказал, что к делу подшили неправильное заключение эксперта: видимо, по ошибке, эксперт исследовал какое-то другое вещество, а не то, которое изъяли при обыске. Защитник ходатайствовал перед судом о признании недопустимым заключения эксперта. Судья объявляет перерыв, подзывает адвоката и говорит: «Слушай, твой «кашку» варил? Варил. А чего ты хочешь тогда?» Так работает «добро с кулаками», и не важно, что там с доказательствами.

Действующие в России критерии оценки работы судьи закрепляют ведомственную

правду. Критериев, по сути, два: скорость рассмотрения дела, или количество рассмотренных судьей дел в единицу времени, и количество отмен и изменений судебных решений, то есть действие фактора солидарности вышестоящей инстанции с позицией судьи. Кроме критериев, закрепленных в законе, существует фактор лояльности, записанный в Кодексе судейской этики (Ст. 15 Кодекса судейской этики «Участие в деятельности, связанной с развитием права и законодательства», в частности, гласит: «В своих высказываниях (комментариях) судья должен проявлять сдержанность и осмотрительность, быть беспристрастным по отношению к лицам, участвующим в деле, и сохранять лояльность к судебной власти»). И главное, есть специальный орган, который бдит и следит за лояльностью, — Комиссия при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов, куда входят в том числе представители силовых ведомств — заместитель генерального прокурора, заместитель генерального директора ФСБ и т.д. Вот через такое сито пропускаются все судьи.

Неудивительно, что обвинительный уклон стал для судей одной из ведомственных ценностей. Подразумевается, что если судья выносит оправдательный приговор, его можно заподозрить в коррупции. Оправдательные приговоры в нашей стране исчезли в период хрущевской оттепели, когда развернулась борьба за социалистическую законность. Логика социалистической законности подразумевала, что если судья кого-то оправдывает, он должен обосновать свое решение в Минюсте и тем самым вступить в конфликт с прокурором, утвердившим обвинительное заключение. Этот порядок был принят для борьбы с неправомерным

уголовным преследованием. После его введения состоялась показательная публичная порка одного из прокуроров Москвы: слишком много оправдательных приговоров вынес суд по его делам. Однако судьи в то время состояли с прокурорами в одной парторганизации и портить отношения с ними, естественно, не хотели. С середины 1950-х годов количество оправдательных приговоров снижалось и достигло сегодняшних почти нулевых значений. В 70-е годы обвинительный характер правосудия укрепился в результате развернувшейся кампании за стабильность приговора. К районным судьям определенного куста, скажем, Черемушкинского, Севастопольского, Октябрьского и Ленинского районов в Москве, приставляли судью вышестоящего суда. Он следил, чтобы судьи выносили «правильные» приговоры — такие, которые не отменяют. Сегодня решения российских судов в высшей степени стабильны: доля отмененных и измененных приговоров составляет около 5% от вынесенных. Если говорить только об отмененных обвинительных приговорах, то в 2013 году районными (гарнизонными) судами были признаны виновными 229 716 подсудимых; в апелляционном порядке отменены обвинительные приговоры на 2 707 лиц (1,17%). Из 553 оправдательных приговоров, вынесенных теми же судами, было отменено 206 (37,25%). Характерно, что оправдательные приговоры отменяются в 32 раза чаще, чем обвинительные.

Переломить обвинительный уклон в уголовном процессе можно лишь расширением компетенции суда присяжных: пусть вопрос о виновности подсудимого решает не судья, встроенный в ведомственную вертикаль, а представители населения, у которых есть своя правда.

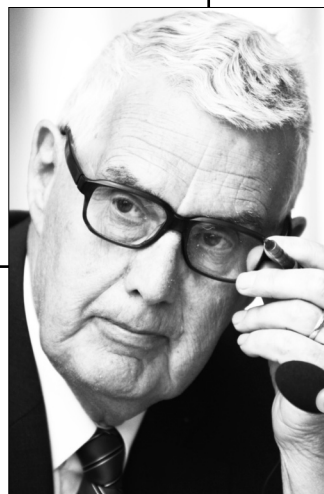
Пределы защиты информации

«**Н**е спрашивайте, что может сделать для вас страна, спросите, что вы можете сделать для своей страны» — эти знаменитые слова президента Джона Кеннеди, произнесенные им в январе 1960 года, зачастую цитируются в качестве идеологического аргумента против политики так называемого общества социального благоденствия, иногда в порыве патриотизма или национализма. В исторической же перспективе слова Кеннеди означают, что, по сути дела, точная и долговременная точка равновесия между индивидуальными и коллективными нуждами и требованиями людей вряд ли когда-либо может быть найдена. Мы наблюдаем постоянный диалог, в процессе которого маятник мнений постоянно раскачивается, не достигая точки покоя.

В начале 60-х годов XX века американские демократы полагали, что пришло время мобилизовать чувство социальной ответственности за судьбы своей страны и мира. Всего лишь спустя поколение народы Восточной Европы драматическим, но ненасильственным образом распрощались с царством коллективизма.

Сегодня в мире наблюдается достаточно широкое понимание и даже консенсус в отношении нравственного обязательства граждан сотрудничать с государством и иными заинтересованными структурами и предоставлять им научно значимую информацию о себе, при условии что это служит интересам общества.

Медицинские исследования, к примеру, могут в известной степени опираться на личные или академические амбиции ученых, или экономическую пользу, однако, безусловно, в первую очередь речь при этом идет о социальной заинтересованности будущих пациентов. То есть лучшее понимание означает более эффективное лечение. Сегодня медицинские исследования проводятся в определенных границах, которые зачастую определяются кодексом медицинской этики и

*Георг Апенес,
глава государственного
агентства Норвегии
по защите данных
(1989–2010)*

Сезар. Компрессия из медных обрезков. 1959

информированным согласием пациентов. В рамках Совета Европы предпринимаются попытки выработать общие руководящие принципы в этой области, принимая во внимание дуализм индивидуальной автономности и концепции патернализма. Вы знаете, как вам поступать, но «мы знаем лучше».

Основополагающие принципы защиты данных с точки зрения правоприменения в Европе зафиксированы в статье 5 Конвенции о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки личных данных, которая была ратифицирована Советом Европы еще в январе 1981 года. Здесь в пункте «b» говорится, что личные данные, подлежащие автоматизированной обработке, будут храниться исключительно в законных и конкретных целях и не могут быть использованы в целях, несовместимых с вышеозначенными. Эта точка зрения во многом соответствует философии защиты данных, в соответствии с которой они не могут использоваться в каких-либо целях, кроме конкретно оговоренных. Так, например, может ли образец крови, взятый у водителя транспортного средства при подозрении в алкогольном или наркотическом опьянении, впоследствии использоваться в рамках иного дела?

В постиндустриальной Европе и Северной Америке мы видим трансформацию или даже отмирание некоторых традиционных социальных норм, в результате чего способность и готовность граждан принимать индивидуальную нравственную ответственность падает. Полагают, это связано с тем, что люди чувствуют себя лишенными автономии и независимости ввиду вмешательства государства, воздействия технологий, экономических факторов, из-за массовой безработицы, урбанизации и так далее. И если это так, то эффективные рецепты для восстановления мотивации личной ответственности и защиты частной жизни граждан найти очень сложно.

Через 27 лет после того, как Олдос Хаксли написал свой провокационный роман «О дивный новый мир!» (1932), он решил вновь вернуться к теме своей антиутопии в эссе «Возвращение в дивный новый мир», где, в частности, сославшись на Томаса Джефферсона, рассуждает о том, что люди не могут быть свободными и чувствовать себя в безопасности без информации. Если пресса свободна, то каждый человек будет свободен. Джон Стюарт Милль — еще один философ-либерал, о котором упоминает Хаксли, также был убежден в рациональности человека и считал, что свобода информации и обмен мнениями являются условием политической свободы и социальной справедливости наряду с всеобщим избирательным правом. Оптимисты XIX века полагали, что есть только два типа воздействия пропаганды: либо это правда, либо это ложь. Хаксли же по этому поводу замечает, что философы XIX века не могли предвидеть колоссального развития сферы информации и средств массовых коммуникаций, которые отнюдь не претендуют быть несомненными источниками истины или лжи, правды или неправды, но в первую очередь обслуживают потребности досуга и развлечений.

Сегодня мы во многом согласны с либеральными идеями и идеалами Джефферсона и Милля и считаем, что свобода выражения, безусловно,

отражает свободу мнений. Однако Джефферсоны и Милли конца XX века зачастую нам говорят, что нарушение свободы прессы и слова может считаться вполне справедливым и правильным. Ссылки на частную жизнь, порядочность, вкус, все это, мол, всего лишь попытка задушить развитие. СМИ в течение десятилетий пытались уйти от всякой формы цензуры. Мы видим сегодня, что даже консервативные газеты, радио и телевидение все больше расширяют границы дозволенного. Поэтому не случайно теперь в центре внимания оказываются не только президент или его жена, или его любовница, или его дети, но и самому внимательному изучению подвергаются его социальная среда и даже его дальние знакомые.

Что может сделать общество? Может ли быть более строгим в этих условиях процесс сбора, хранения и использования личных данных? В принципе допустимо, что любые полученные данные могут быть использованы в любое время и к тому же в ненадлежащих целях.

При этом важно отметить, что суды, различные профессиональные сообщества и общественные организации во многих странах готовы согласиться, что реклама табака или, например, алкогольных напитков с целью склонить людей хотя и к вполне правомерным, но вредным для их здоровья привычкам не должна защищаться ссылкой на принцип свободы информации. Поскольку речь здесь идет не об информации, а о воздействии на сознание, навязывании товаров. В контексте свободы слова, конечно, возможна публикация аргументов за реформы в области фармацевтической политики. Но это не означает, что позволительно привлекать читателей, слушателей или зрителей к употреблению героина.

Обратимся к исключительно деликатному предмету — генетике и защите соответствующих данных, их частном характере. Несколько лет назад в 2003 году ученые, которые занимались проектом «Геном человека» (HUGO), объявили о расшифровке (секвенировании) структуры человеческого генома. Ученые всего мира, медицинское сообщество широко праздновали это достижение. Это событие праздновали также и политики, и правительственные чиновники, которые видели в нем возможности для развития здравоохранения, улучшения качества жизни и увеличения ее продолжительности. Однако были и определенные сомнения и даже настороженность в отношении этой новой реальности. Речь идет о возможностях регулирования, управления эволюцией человека будущего, воспроизводстве людей с определенными свойствами. Ведь не все свойства могут служить во благо. Будут ли такие планы генной инженерии разрабатываться для улучшения человеческого рода или своего сообщества, или же этот инструмент будет предоставлен в распоряжение транснациональных фармацевтических концернов? Ведь рациональность и мудрость, как говорит современный финский философ Георг фон Вригт, — это не всегда одно и то же.

Разумеется, сохраняется озабоченность в отношении опасностей, которые мы не вполне осознаем, отчасти потому, что не готовы еще к этому. Это похоже на то, как поступил некогда адмирал Нельсон, когда приложил подозрную трубу к своему слепому глазу. Хотя накопление позитивных

знаний, пожалуй, увеличивается, перед нами стоят неведомые проблемы практического применения человеческой биоинженерии, поскольку мы вошли фактически в эпоху эпигенетики, то есть познания надгенетических молекулярных механизмов развития организмов. Для кого-то это праздник, а иных эта перспектива страшит, потому что есть опасность использования достижений генетики во вред. Утешает, однако, то, что в отличие от эпохи атомного оружия, исследования генетиков несравненно более открыты. И правительства, и фармацевтическая индустрия щедро финансировали эти исследования. Но сегодня мы фактически стоим на пороге научно-технической трансплантации, сопоставимой по масштабу с атомной эрой.

Для меня генетика представляет собой серьезный вызов традиционным концепциям, касающимся частной жизни, ее неприкосновенности. Пожалуй, я не могу и помыслить даже о чем-то более интимном или неприкосновенном, чем информация о процессах в организме человека на клеточном уровне. Обнародование подобной информации о личности, ее использование в целях иных, чем медико-клинические, лечебные и другие гуманные области, могут привести к непредвиденным, но очевидно опасным последствиям. Например, если согласно генетическим исследованиям человек может выкуривать до 40 сигарет в день в течение 60 лет без опасения заболеть раком легких, будет ли это знание соответствовать упомянутой мною Конвенции Совета Европы? Проблемы, в том числе этические, начинаются, когда становится общедоступной генетическая информация о каком-либо человеке вообще или личности, претендующей на публичную карьеру, в частности. Имеем ли мы право распространять подобную информацию, указывать, как те или иные лица должны вести себя, какой у них должен быть образ жизни, когда они должны зачинать детей и так далее?

Стал бы, например, Рональд Рейган участвовать в президентской гонке, если бы он знал, что когда-то у него разовьется болезнь Альцгеймера? Или сыграло бы это роль в исходе выборов? Я задаю вопросы, ответов на которые нет. Однако нужно согласиться, что и в политике, и в обыденной жизни генетическая информация приводит нас к необходимости решения совершенно новых проблем, в том числе и этически-философских.

Нужно ли для сбора генетической информации о ком-либо согласие его родственников? Должны ли лица или организации, которые занимаются подобными исследованиями, информировать тех, кто находится в зоне риска? Когда и в каких размерах должны выделяться материальные ресурсы и в какой мере они будут соотноситься с профилактикой заболеваний? И последнее. По моему мнению, сейчас у нас нет универсальных инструментов, которые обеспечивали бы защиту частных данных отдельного человека и позволяли бы использовать эту информацию в интересах реализации проектов и планов, которые служат общему делу. Например, есть вопросы государственной обороны, расследования преступлений, которые не решить иначе, как используя разрешенные законом методы получения частных данных, при этом защищая их всеми возможными способами в обычных условиях. Как сочетать эти противоположные цели, предстоит решать политикам и гражданам.

*Александр Согомов,
академический директор
Центра социологического
образования Института
социологии РАН*

Гражданское образование и гражданская нация

Человек — не раб ни своей расы, ни своего языка, ни своей религии, ни течения рек, ни направления горных цепей. Великое скопление людей со здоровым смыслом и пылающим сердцем создает моральное сознание, называемое нацией.

Эрнест Ренан

Нет связи в современном обществе более тесной и естественной, как, впрочем, и предельно запутанной, чем связь между гражданской нацией и гражданским образованием. Оба понятия выступают в нашем социальном воображении порождениями друг друга, определяющими взаимные смыслы. Они всегда расположены в центре публичного внимания, их переменчивые значения постоянно и широко дискутируются, а перспективы взаимовлияния обсуждаются на политическом уровне. И то и другое анализируется экспертами как совокупность реальных процессов, норм, действий, а исследователями — как объекты научного познания. Действительно, трудно переоценить их неослабевающую актуальность и общественную значимость для любой современной страны без исключения.

Но что чему служит? Что выступает общественной целью, а что инструментом ее достижения? На первый взгляд все кажется просто: создание гражданской нации есть вожденная цель любой нормальной страны, которая модернизируется и стремится во всем стать современной — демократичным, правовым и гражданским обществом. А достичь этого можно прежде всего через систематическое гражданское просвещение народных масс и гражданское образование подрастающих поколений. Развивая известный тезис Канта, вполне допустимо предположить, что то общество, в котором люди не «пользуются собственным умом», не станет ни автономно гражданским, ни тем более политико-правовым. Казалось бы, ясно, что первично, а что инструментально. Однако очевидно также и то, что гражданское обра-

зование, по крайней мере в продвинутых странах, давно автономизировалось. Оно само ставит перед собой собственные задачи и не является в буквальном смысле «слугой» гражданского общества. С другой стороны, и гражданская нация все отчетливее видится нам в качестве вечно отдаляющейся и никогда не достигаемой цели, если ее строго интерпретировать и отслеживать наше общегражданское к ней продвижение. Но при этом самому факту ее удержания в публичном пространстве мы парадоксальным образом обязаны именно гражданскому образованию, ибо оно постоянно возвращает наше коллективное сознание к тематике общественной солидарности и социальной сплоченности, гражданских ценностей в самом широком значении. Словом, что чему «служит», однозначно не истолковать и смысловой путаницы, видимо, еще долго не избежать. И тем не менее для нас по-прежнему очевидно, что никакая современная нация не может обойтись ни без одного, ни без другого.

Плохой и хороший национализм. Нации суть неизбежный продукт любой модернизации. Осовременивание, то есть выход обществ из их аграрно-традиционного состояния, всегда предполагает нациогенез. Государство в новое время, по сути, заключает «священный брак» с

нацией во имя властной легитимации и поддержания общественного порядка. Не случайно в мировой литературе закрепился термин nation-state, в котором оба понятия как бы слиты воедино и не роторжимы по значению. И в этом смысле национализм — сугубо *современный* феномен. Его не было ни в древности, ни в Средневековье*. Впрочем, само слово «нация», к примеру, в английском языке получает хождение уже с конца XIII века. Но вплоть до XVII оно не несло в себе никакого политического смысла, обозначая просто сообщество разных людей. «Националист» появляется в XVIII веке, а «национализм» — в XIX**. Во Франции в канун Нового времени нациями назывались землячества студентов в университетах. Так, к примеру, в Сорбонне в XV–XVI веках сосуществовали бок о бок «нации» бургундских, аквитанских, нормандских, бретонских и прочих студенческих землячеств***.

Разумеется, разные народы исторически двигались к кристаллизации нации по-своему. Здесь нет универсального пути. Немцы не стали бы немцами без своего «духа» и культа германских предков****. Французы не стали бы французами без их понимания революционных свободы, равенства и братства*****. Как впрочем, и русские поныне остаются «заложника-

* В те далекие времена были приняты совершенно иные формы социальной солидарности, как, впрочем, и нетерпимости и человеческой агрессии, — через верования и обряды.

** Williams R. *Keywords. A Vocabulary of Culture and Society*. — London: Fontana Press, 1988. — P. 213.

*** Aries Ph. *L'enfant et la vie familiale sous l'ancien regime*. — Paris: Seuil, 1973. II: 5.

**** Об этом много писали немецкие философы Гегель, Ницше, Зиммель, Штайнер. Эта тема принижает всю историю немецкой нации от объединения до Первой мировой войны, от фашизма и до наших дней. Об этом продолжают задумываться и современные исследователи. См., к примеру: Verhey J. *The Spirit of 1914*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006; Boyer D. *Spirit and System*. — Chicago: University of Chicago Press, 2005. И классический труд довоенной поры: Brady R.A. *The Spirit and Structure of German Fascism*. — New York: The Viking Press, 1937.

***** Именно французская революция конца XVIII века принципиальным образом повлияла на нациогенез европейцев и в особенности самих же французов. Реализованная ею в практике философия «добровольного» объединения людей во имя социального общежития, основанного на общих ценностях и принципах, открыла путь западной концепции гражданской солидарности. Подробнее см.: Keitner Ch.I. *The Paradoxes of Nationalism. The French Revolution and its Meaning for Contemporary Nation Building*. — New York: State University of New York Press, 2007.

Роберт Раушенберг. Борзая. 1976

ми» своей географии и советских «привычек»*. Но вне зависимости от своего исторического опыта все современные страны рано или поздно приходят к пониманию принципиального различия в национализме двух его цивилизационных версий — либо мы имеем дело с этнокультурным национализмом, либо придерживаемся норм и ценностей гражданского национализма.

Национализм — это всегда коллективный выбор людей, и предполагает он именно коллективный характер действий — мыслей, чувств, поступков**. Национализм — серьезный конкурент для всех иных политических эмоций и совершенно не обязательно основывается только на бездумном и нравственно безответственном поведении. В нем есть позитивный заряд и удивительно притягательная сила. Ведь все мы в глубине души — кто больше, кто меньше — в каком-то смысле националисты. Но при этом что-то все-таки упорно мешает большинству культивировать эту эмоцию в себе и, что, пожалуй, не менее важно, мириться с ней в ближнем или даже дальнем окружении. Почему?

Отгадка, как мне кажется, в особом *этическом окрасе* национализма. Единожды приняв универалистскую этику, естественное право и политическую философию Просвещения, мы не находим в своих национальных обществах места

для нации в ее привычном этнокультурном качестве. С конца XVII века, когда Самуэль Пуфендорф написал свой известный труд «О должности человека и гражданина», через весь XVIII век, завершившийся Декларацией прав человека и гражданина в революционной Франции, естественные права человека «вышли» из кабинетов философов и правоведов, овладев умами масс.

И все последующие международные декларации вот уже более 200 лет лишь развивают и закрепляют просвещенческий пафос *морального отношения к личности человека*. Закрепленные за ним права неотчуждаемы ни политически, ни через духовное насилие. А национальному государству вменены в обязанность уважение и защита этих прав. Просвещенческая идеология толерантности и космополитизма и есть та нравственно-культурная среда, которая не позволяет западному человеку принимать этнокультурный национализм как нормальное или даже просто допустимое явление. Хотя народам, которых Просвещение зацепило лишь по касательной, такое отношение к Другому представляется по меньшей мере странным, а то и вовсе «ненормальным».

Но нации, как *воображаемо-реальные сообщества*, позволяющие человеку идентифицировать себя с ними, несмотря

* В истории отечественной общественно-политической мысли последних двух столетий на эту тему очень трудно различить фундаментальные идеи от поверхностных спекуляций, но такая интеллектуальная ситуация характерна для всех стран, находящихся в состоянии нациогенеза. Время проходит, и публичная культура освобождается от плелел «особенности» и географического детерминизма. Этот сюжет интересно прописан в: Anderson J. (Ed.) *The Rise of the Modern State*. — Brighton: Harvester Press, 1986. Ch. 6.

** На тему классического и постклассического национализма существует громадная литература. В мою задачу не входит ни ее анализ, ни даже простой пересказ бесчисленных авторских концепций. Интересующимся читателям рекомендую ознакомиться, прежде всего, со следующими трудами: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. — М.: Канон-Пресс-Ц, 2001; Андерсон Б. и др. *Нации и национализм*. — М.: Праксис, 2002; Геллнер Э. *Нации и национализм*. — М.: Прогресс, 1990; Гринфельд Л. *Национализм*. — М.: ПЕР СЭ, 2008; Малахов В.С. *Национализм как политическая идеология*. — М.: КДУ, 2005; Паин Э. *Между империей и нацией*. — М.: Новое Издательство, 2004; Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780*. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. См. также прекрасный обзор концептов национализма в статье: Большаков С. *Концепты «нация» и «национализм» сквозь призму общественных проблем // Общия тетрадь. 2013. № 3–4 (63).*

на груз просвещенческого наследия, никуда не исчезли и, даже напротив, культурно и идеологически лишь укрепились. И в конце концов наступил XX век с его крайними формами нетерпимости и гомофобии, в том числе и по расово-национальному признаку. Одно время казалось даже, что новейшая политическая история Запада и просвещенческая этика окончательно разошлись по разные стороны баррикад. И это был, пожалуй, самый глубинный внутренний конфликт всей западной цивилизации после Великой французской революции 1789 года, который еще больше обострил концептуальную потребность в предельно четком разведении допустимых и недопустимых форм проявления национальных чувств. Так, собственно, и сложилось представление о *плохом и хорошем* национализме.

Многие мыслители нашего времени, повторюсь, исходят из постулата о фундаментальном отличии двух национализмов. Этнокультурный (его еще иногда именуют «естественным», «радикальным», «аскриптивным», «органичным», «воинствующим» и т.д.) признается идеологией авторитарной, насильственной и коллективистской. В то время как гражданский национализм (или по-иному — «либеральный», «политический», «социальный», «волонтаристический»), напротив, считается демократическим и индивидуалистическим. Разумеется, обе модели —

аналитические категории, жизнь всегда куда сложнее*. Но важно подчеркнуть, что в этой пусть даже условной дихотомии один вид национализма проявляет тенденцию к развитию либеральных свобод, а другой — к их подавлению.

Первый тип национализма (так называемый *плохой*) базируется на нескольких постулатах. Во-первых, некое сообщество людей верит в «миф» о своем едином происхождении (единый предок). Во-вторых, этот «миф» в свою очередь порождает другой — о схожести людей во внешности, привычках, характере, мировосприятии, традициях, в религиозности и языке. В-третьих, — «миф» об общей территории происхождения (прародине) и единых миграционных путях. В-четвертых, — «миф» о единстве коллективной памяти (предыстории). Все это, собственно, и обобщается в термине «этничность», которая, в свою очередь, признается в качестве аутентичного исторического явления, а этносообщество — как право на коллективное, национальное самоопределение. Те, кто принимает и верит в эту мифологию, составляют такие сообщества, которые могут считаться этнонационалистическими. По всем обозначенным выше признакам они — закрытые, аскриптивные и нелиберальные**. Сильное чувство принадлежности к сообществу и представление об общих корнях дает этнокультурному национализму власть над людьми, а им, в свою

* В основании этого разграничения лежит философское противопоставление рационального и иррационального. В одном случае люди поступают осознанно, сами выбирают свой тип общественной причастности и конструируют свою идентичность на внутренних основаниях, в другом — поступают реактивно, следуя, подчас бессознательно, «зову предков» и созданным кем-то за них символам и знакам их же социальной включенности. Карл Маркс первым последовательно отличил «плохой» (романтический, как он его нередко именовал) национализм от либерального, то есть «хорошего», поскольку последний свободно объединяет все эксплуатируемые классы.

** Такова интерпретация этнокультурного национализма, предложенная авторитетным экспертом Виллом Кимликой. Среди множества его работ из последних см.: Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. — Oxford: Oxford University Press, 2001. Такова в принципе судьба всех «закрытых» сообществ, которые ищут свои культурные скрепы в языке и общей истории.

очередь, — уверенность в своей правоте. Гражданский национализм (так называемый хороший) отрицает все это. Его философско-политическая концепция базируется на принципиально иных основах. Прежде всего на этнической нейтральности гражданской нации. На ее внеисторическом характере. На свободном политическом принципе ее формирования. На приверженности гражданской культуре, ее ценностям и институтам. И через все это — на идее общей национальной судьбы и собственной гражданской истории. Правда, некоторые исследователи считают и такую «гражданскую нацию» мифом, искусственно сконструированным этническим большинством для поддержания своих аутентичных гражданских смыслов (в противовес культурным смыслам этнических меньшинств)*. Но можно ли априори отрицать объективность «гражданских наций» и то, что они не порождают схожие этнокультурному национализму чувства? Разумеется, национальные чувства большинства и меньшинств всегда будут различаться. Но столько же очевидно, что притязание на этническую нейтральность в современных нациях лишь усиливается и это отнюдь не мешает их гражданам быть устойчивыми и крепкими «гражданскими националистами».

Гражданский национализм, иными словами, обозначает чувство принадлежности граждан к своему политическому сообществу, членами которого они являются по своему волеизъявлению, выраженному в свободной приверженности к институтам гражданского общества и правового государства. Эти массовые «чувства», в свою очередь, формируют

идентичный национальный характер и гражданскую — надэтническую — культуру этих стран. Она допускает, что все граждане, независимо от происхождения и статуса, образуют единую нацию, по отношению к которой у всех есть этические обязательства и гражданская ответственность. Вот почему, как пишет Дэвид Браун, гражданский национализм не может рассматриваться ни просто как свободное объединение людей, ни как некая сила, не обладающая над ними эмоциональной властью**.

Демос и этнос. Античное наследие удивительным образом проявляется и в интересующем нас вопросе. Demos и ethnos — два древнегреческих слова — обозначают разные ипостаси того, что мы сегодня обобщенно именуем народом. Но это, по сути, два различных «народов»***. Культурный и политический «народы», между которыми греки проводили довольно жесткую границу.

Ethnos — понятие родовое, дополитическое. Совокупность людей общего происхождения, схожих по определенным признакам. Вообще всякое множество аффилированных друг с другом людей. В Новом Завете это слово часто употреблялось для обозначения разных рас и культур (в частности, не исповедующих иудаизм). Христос после воскресения заповедовал апостолам нести свое учение именно таким разным «народам», разным «языкам».

Demos, скорее всего, чисто афинская языковая новация. Demos — граждански организованный народ (в противоположность просто «людям» — laoi). Уже в архаическое время территория древней Аттики была разделена на демы (админи-

* Так полагает, в частности, все тот же британский исследователь В. Кимлика. Ср.: Kymlicka W. *Multicultural Citizenship*. — Oxford: Clarendon Press, 1995.

** Brown D. *Contemporary Nationalism*. — New York — London: Routledge, 2000. — P. 51.

*** В марксистской традиции их различали через противопоставление «народа» и «нации». Но это не вполне корректно. Точнее все же, как мне кажется, различение этнокультурных наций и гражданских.

Роберт Раушенберг. Вывернутый наизнанку. 1962

стративно-культово-хозяйственные единицы). Демы самоуправлялись, во главе дем стоял демарх. На основе дем в Афинах составлялись списки граждан, набиралось войско, избирались гражданские представители в народное собрание, совет и т.д. Иными словами, demos — «народ» в нашем аутентичном политическом смысле. После кризиса афинской демократии понятие demos чаще использовалось в научной литературе (особенно Аристотелем) и все реже в политическом дискурсе. Термин обрел вторую жизнь в Европе лишь в раннее Новое время, хотя и не был полностью предан забвению в Средневековье.

Во всех современных языках и политических культурах мы обнаруживаем отголоски этого античного разграничения. *Толпа* — никак не организованное, турбулентное множество людей. *Народности*, племена, кланы и т.п. — сообщества людей, организованные родственно, культурно, в силу обычая, а нередко и просто сугубо поселенчески. *Публика* же в исконном смысле понятия и есть то сообщество, которое организовано гражданско-политически. Это объединение носит свободный характер, а верховодят в нем право, процедуры и общий интерес. «Публичное» существует исключительно в неразрывной связке с «приват-

ным», но именно оно выражает самую суть гражданской культуры в понятии public good (res publica).

У каждой современной «гражданской нации» мы, безусловно, обнаружим этнокультурные истоки*. И все же современные нации — продукт просвещенческой мысли и ее космополитического пафоса. Впрочем, как показывает М. Игнатьев в книге «Кровь и принадлежность»**, этот идеал Просвещения весьма далек от своего воплощения даже в культуре самых продвинутых западных стран, так еще сильна тяга к «кровным» формам идентичности (versus идентичности через принятие универсальных политических ценностей и практик). Так, может, «гражданский национализм» был и по-прежнему остается самой большой иллюзией Просвещения?

Гражданский национализм — сила общественной иллюзии. Не надо быть особым скептиком, чтобы почувствовать что-то неладное в простой дихотомии этничности и гражданственности. Здравый смысл подсказывает нам, что они вполне уживаются в современном обществе, не говоря уже о том, что этнокультурный национализм и нетолерантность, судя по тому, что происходит поныне в нашем мире, отнюдь не «собираются» уступать место гражданскому национализму даже по мере усиления глобальных тенденций.

Эрнест Ренан в свое время утверждал, что всегда *два измерения* предопреде-

ляют природу национализма — его история и его настоящее.

Любой национализм полагается одновременно и на богатую коллективную память, и на текущее гражданское согласие (отсюда происходит его известная формула нации как ежедневного плебисцита). В этом ракурсе зрения мы видим нацию как политическую единицу, равнозначную современному индивиду — с конфликтом ценностей, балансом выгод и жертв, гармонией достижений и ожиданий, фундаментальной зависимостью от прошлого, приверженностью к настоящему и устремленностью в будущее. А это значит, что прозрение великих просвещенцев было точным: *каждая нация, как и человек, имеет свое моральное измерение.*

Мифология «плохого» национализма подсказывает нам, что у нас нет будущего, если мы хотим выстроить свою идентичность исключительно на базе нашей этничности, культе предков и общей предыстории. А иллюзия «хорошего» национализма неизбежно приводит нас к умозаключению, что гражданская национальность есть не что иное, как наш свободный и рациональный выбор. И то и другое оборачивается для нас мучительным моральным терзанием. Согласитесь, сложно считать себя гражданином лишь на основании того, что ты принимаешь те или иные политические ценности и нормы (Юрген Хабермас называл такую форму национальной идентичности конституционным патриотизмом***).

* Известный британский социолог Энтони Смит настаивал на том, что только этническая предыстория делает одни народы нациями, а другие — нет. И что прежде всего этническая составляющая предопределяет культурный и социальный абрис всех современных наций. Но эта концепция по понятным причинам не стала общепринятой в науке. См.: Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. — Oxford: Blackwell, 1986.

** Ignatieff M. *Blood and Belonging. Journeys into the new Nationalism*. — New York: Farrar, Straus, Giroux, 1993.

*** Habermas J. *Citizenship and National Identity* // Beiner R. (Ed.) *Theorizing Citizenship*. — Albany: State University of New York Press, 1995. — P. 256. Хабермас отстаивал эту идею в то время, когда происходило объединение двух Германий. Для одних немцев оно шло на основе общности культуры, истории и судьбы, для других (а их было меньшинство) — на основе восстановления демократии и правового порядка. Оба подхода имеют глубинные нравственные обоснования и между ними мало общего.

Но это может быть только мой выбор! Как, впрочем, и выбор миллионов таких же, как я, людей, образующих свободную гражданскую нацию. Мы ведь отчетливо понимаем, что любая современная страна, которая избегает строительства гражданской нации, рано или поздно становится этнонационалистической. Публичное пространство в этом смысле не терпит пустот.

Современному человеку, видимо, надо отчетливо понимать, что гражданская нация — не более чем общественный идеал, сконструированный интеллектуальной мыслью для поддержания политического сообщества, члены которого культивируют в себе моральную ответственность перед ценностью социума и отдельного индивида. Политический либерализм в известном смысле был бы невозможен без этой общественной иллюзии. Как и невозможен без нее общественный договор. Гражданский национализм делает каждого из нас сторонником просвещенческой идеологии универсализма и прав человека, а главное — адептом ее фундаментального концепта политики как свободного объединения людей, формирующих и поддерживающих среди самих себя гражданские смыслы и ценности.

И поэтому современный человек отвергает этнокультурный национализм не по принуждению, а рационально и глубоко нравственно. Это, впрочем, нелегко и не всегда ему удастся! Чувству этнической принадлежности и тотемизму протоистории не так просто сопротивляться. Общественная иллюзия гражданской нации — не массовая паранойя и не массовое заблуждение. Она — *рабочая гипотеза* демократического государства,

которую можно доказать только последовательной и рациональной мыслью. Хотя в реальной жизни, как иногда кажется, с невероятным упорством, на которое способна лишь многовековая культурная традиция, она постоянно опровергается. И порой не без оснований.

Непростая миссия гражданского образования. Да, именно на него возложена ответственность за реализацию ренановской формулы национализма, где «вчера» и «сегодня» должны научиться гармонизировать друг с другом. Выстраивание современного общества лишь на одной из полярных крайностей национальной идентичности чревато серьезными потрясениями. Либо мы скатываемся в пропасть абсолютной и тотальной нетерпимости, разрываем социум и утрачиваем почву для солидарности, либо теряем всякие резоны для общественного договора, ибо становится непонятным, кто с кем и о чем ищет согласие. А тем временем сегодняшняя мультикультурная реальность, нескончаемые миграционные потоки и тенденция к углублению федеративных оснований актуальной политической жизни даже в развитых странах ставят перед образованием сложно выполнимую задачу поиска гражданского согласия в обществах «бесчисленных диаспор»*.

И тут гражданское образование совершает, казалось бы, невероятное и превращает общественную иллюзию гражданской нации в рабочий и вполне эвристичный дидактический продукт. Как это могло случиться, если «теория демократии» игнорирует проблематику коллективной идентичности? Скорее всего, происходит это потому, что «гражданский национализм» в теоретическом смысле — концепт

* Эта метафора принадлежит Грегори Юданису. См.: Jurdanis G. *The Necessary Nation*. — Princeton: Princeton University Press, 2001. Нередко исследователи противопоставляют «моноэтнические» демократии «полиэтническим». Исторический опыт первых показывает, насколько неповторимо сложен синтез этнических и гражданских идентичностей. Подробнее см.: Peled Y. *The Challenge of Ethnic Democracy*. — New York — London: Routledge, 2013.

не строгий и даже двусмысленный, и именно это дает большую свободу тем, кто гражданское образование ежедневно творит практически.

Современная школа, безусловно, создает гражданскую нацию. Впрочем, с одной оговоркой, если она сама сознательно ставит перед собой такую цель, а не слепо следует властным установкам на осуществление курса государства в воспитательной деятельности, пусть даже и разумного и вполне актуального. Властям удобно «подданство», особенно если у него оттенок консервативного этнокультурного национализма. Властям всегда неуютно иметь дело с критически мыслящим, свободным, активным, просвещенным и ответственным гражданином. «Подданство» дистанцирует власть и общество друг от друга, активное гражданство принуждает власть к неизбежной прозрачности и отчетности перед обществом. Впрочем, в XXI столетии мудрая и дальновидная власть (даже авторитарная!) уже не так чуждается такого *неудобного* гражданства, как раньше.

Сократ в диалоге Платона «Государство» называл гражданские дидактики, необходимые для воспитания правителей, стражей и просто граждан, «благородными вымыслами» (Plato. De Rep. 414). Но имел ли он в виду то, что полисное воспитание возможно прежде всего, как он сам говорил, через искушение и обман? Думаю, что да, хотя он вкладывал в эти понятия совершенно не наш современный смысл. Речь у Сократа шла о том, что идеи и идеалы в образовании — в отличие от реальных проявлений общественной жизни — представляются молодым людям как нечто пережитое ими во сне. И тогда во взрослой жизни подобные «вымыслы» становятся для зрелых граждан нравственными прин-

ципами, а в гражданской культуре — руководством к действию. Полис преподносится молодым людям как их «мать», а сограждане — как «братья». Да, признается Сократ, в этом несложно обнаружить обман, но если не руководствоваться этим высоким «вымыслом», граждане не обретают моральной ответственности перед своей страной.

Таким «вымыслом» в западной цивилизации в какой-то момент стала просвещенческая доктрина гражданской нации. Ее дидактическая презумпция проста: нация как индивид обладает моральным измерением, и нравственным авторитетом для нее выступает иллюзия гражданской нации. Будучи прожитым в сократовском сне, это чувство не позволяет нам ни принимать простого «подданства» вместо гражданства, ни «слепого патриотизма» вместо «критической лояльности», ни тем более принимать этнокультурный национализм, который не выдерживает в первую очередь именно нравственной критики. Но это вовсе не означает, что мы без «гражданского усилия» становимся самодостаточными и автономными субъектами, отрицаем территориально-культурную лояльность, полностью отвергаем любую нетерпимость, а рефлексивную демократию — и только ее одну — считаем подлинным народным суверенитетом. Этот процесс освоения новых смыслов и следования им в реальной жизни кажется бесконечным*. Насыщенным же истинным содержанием (в сократовском понимании истины) делает его *константное* гражданское образование.

Нам всем многими десятилетиями вбивали в голову, что образование — самый консервативный институт. Да, если он соглашается на подчиненный по отношению к власти статус. И, конечно же, нет,

* А политическая философия и вслед за ней гражданская дидактика придают старым «формам» новое содержание. См., к примеру: De Bruin D., Zurn Ch. F. (Eds) *New Waves in Political Philosophy*. — London — New York: Palgrave-Macmillan, 2009.

Роберт Раушенберг. Инсталляция в Центре изящных искусств Майами. 1984

если он претендует на свободу, независимость и ответственность перед будущими поколениями. Только образование меняет общество*! Все остальные участники социальных перемен — интеллектуалы, политики, гражданские активисты, эксперты и пр. — лишь разрабатывают идеи и именно для того, чтобы сама образовательная среда могла превратить их в технологические дидактические «вымыслы». Альтернативного пути в гражданском образовании пока еще никто не придумал.

Как в XIX веке школа создавала европейские национальные государства, так и сегодня она творит гражданские нации через свои программы и разнообразные педагогические практики. А само гражданское просвещение в средней школе, по сути, становится квинтэссенцией образовательной деятельности в целом. В каждом отдельном случае мы, конечно же, имеем дело с сугубо локальным подходом, но в совокупности общий вектор у них интернациональный и ориентирован на формирование в ребенке граждан-

* Всестороннему анализу этого парадоксального утверждения посвящена прекрасная книга: Apple M.W. *Can Education Change Society?* — New York — London: Routledge, 2013.

ской ответственности — одновременно национальной и глобальной (то есть национальной и космополитической идентичности)*. При этом дидактика включенности человека в демократический процесс становится главной заботой всего гражданского образования, независимо от степени развитости государства и зрелости в нем гражданского общества**.

Даже в авторитарном Китае гражданское образование, его предмет и цели, трактуется сегодня в общецивилизационном смысловом русле. Молодые поколения китайцев (материкового Китая и Тайваня в равной мере) воспитываются в нормах и ценностях гражданских прав и обязанностей. При этом патерналистское государство и конфуцианское нравственное воспитание вопреки ожиданиям не противодействуют, а, напротив, способствуют распространению в школьной среде идеала «нового гражданина» для нового «китайского столетия», как будто бы буквально следуя ренановской конструкции внутренней гармонии «вчера» и «сегодня» в гражданской нации***.

От принадлежности к причастности. Мне кажется, что этими двумя предельно емкими понятиями описывается

социальная суть идентичности современного человека в альтернативных ситуациях этнокультурного (принадлежность) или гражданского национализма (причастность). И тому и другому учит школа. В первом случае человек лишен свободы, вынужденно поступая как все, во втором — свобода определяет его неповторимость. Условия несвободы приковывают его к прошлому и неизбежно приводят к нетерпимости к настоящему. А свободный выбор причастности сохраняет достоинство и увлекает в занимательное путешествие в общее будущее.

Демократия обсуждения и демократия участия возможны лишь в условиях свободно и рационально принятого, а не навязанного гражданского национализма. И поэтому любая современная демократия заинтересована именно в активном и ответственном гражданстве, а значит, она будет отстаивать необходимость таких школьных программ, в которых педагогическая философия строится на идее формирования в подростке ценностей и навыков свободной гражданской включенности. Но должна ли сама школа быть вовлеченной в демократический процесс? Наверное, да. Впрочем, эта уже тема отдельного разговора.

* Информативный обзор того, как актуальное гражданское образование формирует «нации» как в продвинутых, так и развивающихся странах содержится в сборнике: Carrier P. (Ed.) *School and Nation. Identity Politics and Educational Media in the Age of Diversity*. — Frankfurt am Main: Pater Lang, 2013.

** См. подробнее: Hedtke R., Zimenkova T. (Eds.) *Education for Civic and Political Participation*. — New York — London: Routledge, 2013. См. также: Benei V. *Manufacturing Citizenship. Education and Nationalism in Europe, South Asia and China*. — New York — London, Routledge: 2005.

*** Kennedy K.J., Fairbrother G.P., Zhenzhou Z. (Eds.) *Citizenship Education in China*. — New York — London: Routledge, 2014.

Можно ли рассматривать общеобразовательную школу в качестве среды, порождающей гражданские сознание и деятельность? Отвечая на этот вопрос, автор сравнивает результаты двух полевых проектов: «Школа на карте города, Санкт-Петербург, 2004–2007гг.» и «Взаимодействие школы и родителей, Санкт-Петербург, весна–осень 2013 г.».

*Татьяна Шманкевич,
кандидат социологических
наук, старший научный
сотрудник СПбГУ*

Школа и город: «родительские стратегии» и гражданские практики*

Новое поколение родителей и стратегия улучшения школ

В начале 90-х годов XX века после распада СССР известный философ, политтехнолог Петр Щедровицкий сформулировал гипотезу, согласно которой российская городская школа способна выступать в качестве среды, порождающей гражданские практики, и таким образом влиять на формирование нового городского пространства**. Если принять эту гипотезу, следует предположить, что в первую очередь изменения должна претерпеть сама школьная жизнь, включая взаимодействие школы с родителями учащихся. Не случайно взаимоотношения школы и родительского сообщества стали предметом многочисленных научных дискуссий. Исследователи отмечают, что, хотя все школьные реформаторы в США старались учитывать пожелания граждан, взаимоотношение школы с родителями учащихся обострилось на протяжении последних тридцати лет. Так, американский педагог, писатель Герберт Ф. Пандисцо такой результат не в последнюю очередь связывает с приходом нового поколения родителей, утратившего доверие к школьному учителю как к носителю истины***. Многие из современных родителей школьников в США лучше образованы, чем школьные учителя. Родители не просто хорошо знают свои конститу-

* Начало см.: Татьяна Шманкевич. «Родительские стратегии» и гражданские практики // *Общая тетрадь*, 2013 № 1 (61). — С. 92–98.

** См.: Петр Щедровицкий. *Очерки по философии образования (статьи и лекции)*. — Рига: Педагогический центр «Эксперимент», 1993.

*** См.: Pandiscio Herbert F. *A power shift in public education: seven strategies for dealing with broken promises*. — London, New York, Toronto: Rowman & Littlefield Education, 2009.

ционные права, но и удачно апеллируют к своему жизненному опыту, особенно те из них, кто имеет опыт участия в бизнесе или даже опыт управления своей компанией и считает себя компетентным в вопросе, как должна строиться работа в организациях. Новое родительское поколение отличается четкое понимание того, что школы принадлежат им и что учителя и школьная администрация работают для них. Исследователь подчеркивает, что именно по требованию родителей, либо не согласных с учительской стратегией, либо недовольных управленческой идеологией, были уволены многие учителя и директора американских школ.

Признавая неоднородность нового родительского поколения, Г. Пандисио особо акцентирует внимание на группе влиятельных и активных родителей, которые достаточно много времени проводят в школе. Такие родители нередко знают состояние школьных дел лучше, чем представители школьной администрации, и поэтому активно вмешиваются в решение самых разнообразных школьных проблем.

Схожий феномен описывает и исследователь процессов образования Агнесс ван Зантен, говоря о французской школе*. Начатая во Франции в 80-е годы XX века децентрализация образования стимулировала участие территориальных сообществ в решении разнообразных проблем местных колледжей и лицеев. В этих условиях активизируются и родители учащихся. Исследовательница особо отмечает роль так называемых стратегических родителей, то есть тех, кто обладает одновременно и желанием, и достаточными ресурсами (материальными, культурными, временными) для активного участия в процессе обучения своего ребенка. По замечанию исследовательницы, первоначально «стратегические родители», независимо от места проживания, были ориентированы на обучение своих детей в престижных школах в престижных районах Парижа. Но со временем приходило понимание, что подобный выбор не ограждал ребенка от влияния социальной среды по месту жительства. В результате начинали возникать проекты родительской поддержки местных школ, даже когда собственные дети посещали другие, как правило, более престижные образовательные учреждения. По инициативе родителей в периферийных школах создаются элитные классы. А главное, сами родители через участие в школьных советах пытаются влиять на ситуацию в школе, а через нее на ситуацию в микрорайоне в целом. Ван Зантен объясняет подобные инициативы родительским и одновременно гражданским стремлением «облагородить» социальный контекст места своего проживания, «ограничить деградацию учреждений квартала» и тем самым обеспечить лучшие условия социализации своего ребенка.

Результаты нашего первого проекта «Школа на карте города, Санкт-Петербург, 2004–2007 гг.» показали, что для «стратегических родителей» также характерны два основных сценария: возить сына/дочь в престижную элитную школу или выбрать элитный класс в обычной школе по месту жительства. Причем в центральных и спальных районах Санкт-

* См.: Van Zanten A. *L'école de la périphérie: Scolarité et ségrégation en banlieue.* — Paris: Presses universitaires de France. 2001.

Роберт Раушенберг. Эко-эхо IV. 1993

Петербурга возможности для такого выбора практически одинаковы: почти все городские общеобразовательные школы имеют классы с углубленным изучением того или иного цикла предметов, отличающиеся не только учебной программой, но и социальным составом учащихся. Но в отличие от рассмотренного парижского случая, в Санкт-Петербурге открытие таких классов, как правило, не результат гражданской инициативы родителей, а скорее эффект конкуренции школ. В нулевые годы школьная родительская инициатива чаще всего ограничивалась выбором конкретного класса в конкретном учебном заведении или выбором определенного учителя, особенно если речь идет о начальной школе.

Инициативы сверху

В России попыткой институционализации гражданской родительской инициативы сверху и одновременно перехода к государственно-общественному управлению школой стало учреждение школьных попечительских советов. Указом № 1134 Президента РФ от 31 августа 1999 года, а также последующим постановлением правительства РФ были легализованы школьные попечительские советы, определены в общих чертах роль местных сообществ в организации школьной жизни, рамки их сотрудничества с местными органами власти и т.д. Причем представители локальных сообществ, «благодетельствующих школе», совсем не обязательно должны быть родителями учащихся. Но так как уже со следующего после Указа года в бланки школьных отчетов была добавлена графа: «Есть в школе попечительский совет или нет?», наличие или отсутствие попечительского совета стало рассматриваться как показатель работы школы. Поэтому в школах в авральном порядке формировались списочные составы совета, нередко фиктивные и довольно часто дублирующие общешкольные родительские комитеты.

Похожая история произошла и с созданием школьных управляющих советов. Намеренно размытые формулировки министерских рекомендаций (как пример, письмо Министерства образования РФ от 14 мая 2004 г. № 14-51-131/13) позволяли управленческим структурам «сохранять недемократические механизмы манипулирования демократическими образованиями вплоть до форсирования создания новых послушных марионеток»*. В итоге к лету 2007 года попечительские или управляющие советы существовали, по крайней мере на бумаге, практически в каждой общеобразовательной школе Санкт-Петербурга. Но, как показали результаты исследования, мифотворчество о тотальном соуправлении продержалось недолго. На начало учебного 2013/14 года подобные советы сохранились лишь в немногих школах города. Один из примеров — попечительский совет гимназии № 56, где директор действительно может опереться на известных и влиятельных горожан.

Общеобразовательные школы традиционно выстраивают отношения с родителями школьников через ранжированную систему родительских собраний (классные собрания, родительские собрания по параллелям, то есть, например, только 7-х или 1-х классов, общеродительские собрания, дни открытых дверей, школьные фестивали и т.д.). Причем, как заметил директор одной элитной петербургской школы, чем благополучнее школа и чем выше ее статус, тем выше родительское доверие к учителям и, соответственно, тем традиционнее формы общения школы и родителей. Традиция предполагает, что в повседневной школьной жизни инициативы поступают от школьной администрации или педагогического коллектива, а родительская активность проявляется в поддержке выдвинутых инициатив, будь то организация субботника или внесение корректив в Устав школы.

* Шманкевич Т.Ю. *Школа и город: особенности институционального регулирования социального партнерства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук.* — СПб, 2017. — С. 20.

Инициативы снизу

Родительские инициативы возникают там, где обнаруживаются нерешенные проблемы. В 2005 году, изучая ситуацию в школах Санкт-Петербурга, я описала феномен, который определила как «новые стратегические мамы». Это были, как правило, молодые мамы учащихся начальных классов, официально не работающие, но обладающие достаточными материальными и временными ресурсами, а главное, желанием принимать активное участие в школьной жизни не только своего ребенка, но и в целом класса и школы. Продолжив предыдущий исследовательский проект весной 2013 года, в разговоре с представителем общественной организации «Санкт-Петербургский родительский комитет», я поинтересовалась, есть ли среди его активистов подобные мамы. Как выяснилось, поначалу были, но когда потребовалось системное участие, то есть не просто пригласить модного художника преподавать в школе рисование, а заниматься рутинными организационными делами, «новые стратегические мамы» интерес к общественной работе потеряли.

Из ответа представителя комитета (лексика сохранена): *«Понимаете, там немножко другой менталитет. Этим людям, как правило, в силу воспитания, образования, круга общения, неинтересны бытовые вещи. Им интересны, как вариант, запиариться или, ну, какую-то публичную роль себе придумать; развлечься. А тут развлечения скучные, потому что мы начинаем вникать в какие-то проблемы, тут развлечений мало. Тут надо выхаживать ногами, надо что-то делать конкретное».*

То есть люди, которые приходят в организацию просто «убить время или потусоваться», «не выживают», фитнес и маникюр, по словам моего собеседника, не вписываются в повседневную рутинную работу.

Переломным моментом в трансформации обыденной родительской активности в гражданское действие для Санкт-Петербурга стала осень 2010 года. Обсуждение 83-го Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» вылилось в протестное движение против коммерциализации образования. Активистская волна вылилась на улицы города сначала как довольно спонтанное движение, затем появился актив, оформившийся в штаб и взявший на себя организацию участия в собственных мероприятиях, распространение подготовленных писем, прокламаций, организацию уличных пикетов. Одновременно обсуждение закона шло в социальных сетях, создавались специальные группы «ВКонтакте».

В итоге возникла сетевая структура «Санкт-Петербургский родительский комитет», где каждое отделение занимается своим направлением: поддержкой многодетных семей, ювенальной тематикой, безопасностью в Интернете, бытовыми делами, досугом и т.д. Все активисты работают на условиях *бескорыстного волонтерства*. В основном это родители учащихся начальных и средних классов школы, есть родители, которые стали активно сотрудничать с организацией, когда их дети ходили еще в детский сад. И совсем немного участников, чьи дети уже закончили общеобразовательные школы.

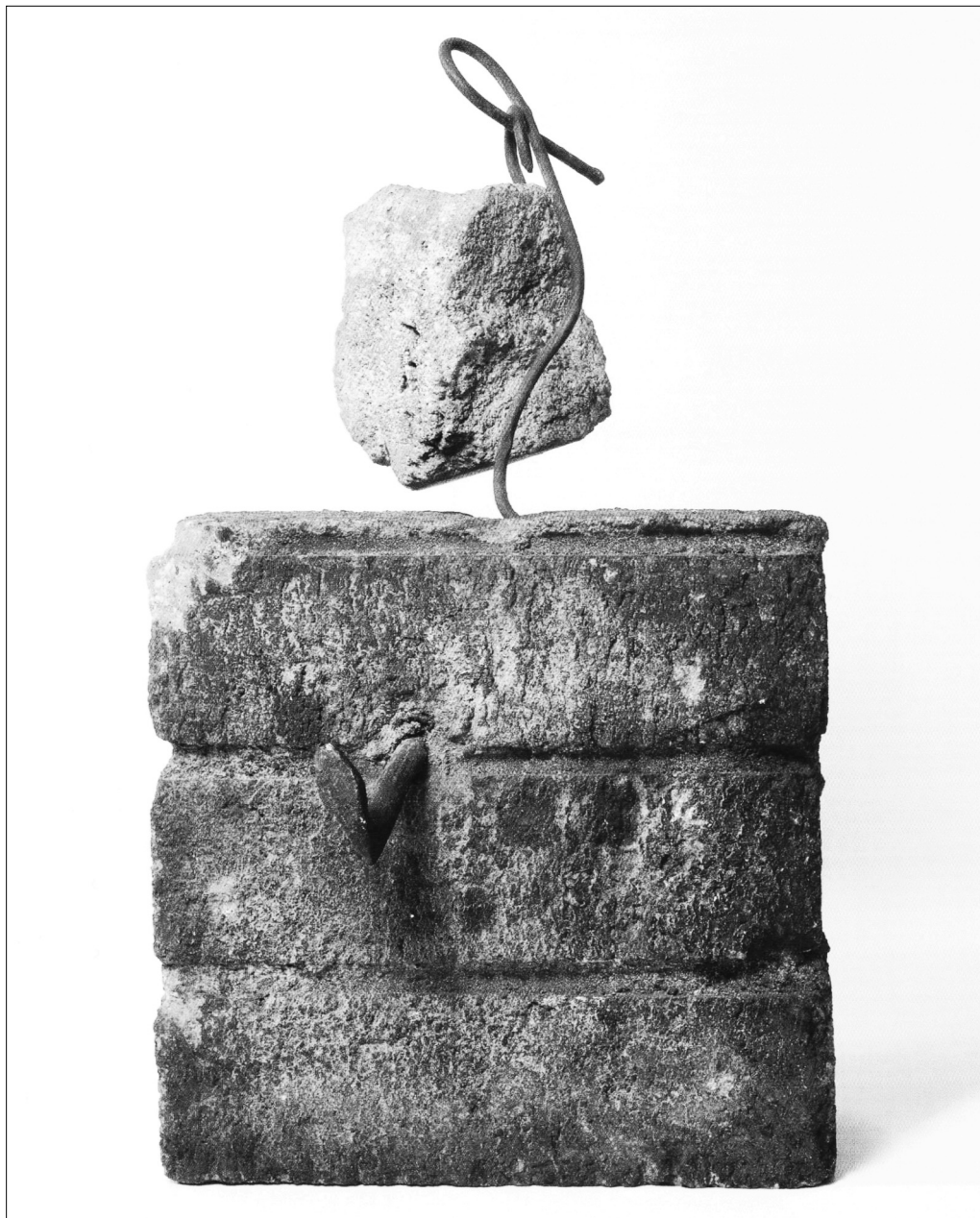
Сегодня комитет является юридическим лицом, имеет свой устав. Штатных единиц здесь нет, как нет и членских взносов. Совместными усилиями активисты поддерживают телефон горячей линии: когда приходит очередной звонок, решают, кто может заняться проблемой, и направляют информацию в соответствующее подразделение комитета. Ежегодно на телефон сбрасываются примерно по 500 рублей. С организацией стабильно поддерживают отношения около двадцати школ города, около пятидесяти школ имели с ней хотя бы разовый контакт. Обычно инициативы исходят от школы, когда там возникают проблемы. На контакт, как правило, идут родительские комитеты школ или классов. Опыта совместных проектов комитета с попечительскими советами нет. Реально работающие при школе попечительские советы — это структуры, сложившиеся исторически. У таких школ свой круг попечителей. Например, школа Шостаковича* создавалась как школа при заводе «Балтика» и соответственно от своего попечительского совета получает мощную финансовую поддержку. Из интервью с активистом Санкт-Петербургского родительского комитета: *«Попечительские советы вместе с администрацией школы формируют планы развития общеобразовательного учреждения и финансируют это развитие по этим планам. Мы их не знаем. Это все люди высокого полета, нам недоступные и повода для общения с нами у них нет, поэтому нет нужды и как-то общаться с ними».*

Среди организаций, с которыми поддерживает сотрудничество Петербургский родительский комитет, юридическая организация «За права семьи», несколько общественных клубов, занимающихся организацией семейного досуга, православная организация «Светлица», специализирующаяся на помощи многодетным и малообеспеченным семьям. Были отдельные контакты с Израильским культурным центром и мусульманской организацией при Соборной мечети. Но, как заметил один мой собеседник, там *«такая узкая тема, они со своей паствой этим занимаются».* Особо стоит зародившееся на одном из родительских форумов региональное общественное движение «Петербургские родители», занимающееся судьбой детей, оставшихся без попечения родителей и находящихся в государственных учреждениях Санкт-Петербурга. Несмотря на формальное сходство названий с Санкт-Петербургским родительским комитетом, это два разных поля деятельности, хотя между ними и случаются редкие пересечения в публичном пространстве города, например участие в тематических дискуссиях.

В заключение

Судя по проведенному в 2013 году исследованию, организации, подобные Санкт-Петербургскому родительскому комитету, существуют не только в Петербурге, но и в Москве и других региональных городах. Большинство из них также возникли в 2010 году в результате активного участия в

* Средняя общеобразовательная школа № 235 им. Д.Д. Шостаковича с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла.

Роберт Раушенберг. Скульптурный элемент. 1953

обсуждении системы социального патроната, или ювенального сопровождения семей. Организации между собой поддерживают связь. Можно даже сказать о стихийно возникшем общероссийском родительском движении, которое постепенно принимает юридические формы, но остается по-прежнему разрозненным. Во всяком случае в течение последних трех лет их существования не прекращается попытка создать общероссийскую структуру, которая позволит управлять (в другой версии — манипулиро-

вать) этим движением. В 2011 году на II Съезде родительской общественности в Казани была создана Ассоциация родительских комитетов и сообществ России, объединяющая 67 родительских общественных организаций со всей страны. По словам одного из экспертов, мы видим в этом проявление определенной тенденции со стороны политиков и бизнеса использовать социальный капитал родительской страны, поскольку традиционные технологии перестают работать. Отсюда попытки «оседлать» новое дело. *«Традиционно у нас это делается либо деньгами, либо политическими коврижками, пирогами и пряниками».*

В этом ряду можно рассматривать и прошедший в феврале 2013 года так называемый родительский съезд, состоявшийся по инициативе движения «Суть времени», возглавляемого С. Кургиняном, и Ассоциации родительских комитетов и сообществ России. Обращает на себя внимание нетолерантность и агрессивность родительского съезда, допускающего использование военной риторики: идентификация себя как родительского сопротивления, деление на своих и чужих. Декларируемая оппозиционность этого нового кургиняновского детища сложно стыкуется с внезапным «незапланированным» появлением В. Путина (не почтившего своим присутствием проходивший в эти же дни съезд сельских учителей России). Президент произнес «экспромтом» 15-минутную речь, пообещав тесное сотрудничество с новой организацией. Вполне обоснованным представляется мнение экспертов, что создана еще одна карманная, полностью подконтрольная власти организация.

Попытки идейно возглавить процесс школьного образования подчеркивают значимость трансформации активности родителей российских школьников за последнее десятилетие. В нулевые годы учителя и представители администрации школы упрекали родителей за равнодушие к школьным проблемам, используя для определения главной школьной функции метафору «камера хранения», куда родители, обремененные проблемами, сдавали своих детей. В начале нового десятилетия XXI века школа, напротив, ощутила напор родительского внимания, к которому оказалась не всегда готова. Как отметил директор одной питерской школы, *«если учитель — хороший профессионал, то, несмотря на активность родителей школьников, не родители, а именно учитель по-прежнему останется хозяином в своей школе».*

Насколько учитель является хозяином в своей школе — это отдельный вопрос. Но то, что в школе появилось новое поколение родителей учащихся, — реальность для российской школы не меньшая, чем для американской. Это новое поколение относится к школе, учителям, административной команде гораздо критичнее, чем предыдущие поколения родителей школьников. Не ограничиваясь критикой, наиболее инициативные из родителей (те, которых Агнес ван Зантен определила как стратегических родителей) пытаются активно участвовать в школьной жизни своих детей, выстраивать для них нешаблонные образовательные траектории. Если школа такую инициативность нередко встречает в штыки, спеша напомнить, «кто в доме хозяин», то для различных политических сил новая гражданская активность представляется весьма перспективной.

Анатолий Вишнеvский,
директор Института
демографии НИУ-ВШЭ

Куда ведет демографический переход?

В 60-е годы прошлого века американские экологи Роберт МакАртур и Эдвард Уилсон сформулировали представление о двух стратегиях размножения популяций в природе — затратной *r*-стратегии, при которой производится огромное потомство, почти полностью вымирающее до вступления в цикл размножения, и экономичной *K*-стратегии, при которой потомства гораздо меньше, но, благодаря его жизнеспособности, вполне достаточно, чтобы поддерживать постоянную численность популяции. По мере продвижения по эволюционной лестнице соотношение этих двух стратегий неуклонно изменяется в пользу *K*-стратегии.

Человек как вид, конечно, с самого начала и на протяжении всей своей истории был носителем экономичной *K*-стратегии, в этом смысле он оставил животных предков далеко позади, сделав огромный шаг в достижении эффективной стратегии размножения. Но XX век показал, что и это не предел. Небывалое снижение смертности в XIX и особенно в XX веке позволило человеку достичь решительного перевеса *K*-стратегии над *r*-стратегией.

Происходящие на наших глазах небывалые перемены описывает и концептуализирует *теория демографического перехода*, определяя их как переход от одного типа равновесия между рождаемостью и смертностью к другому, как трансформацию «диссипативной» системы, связанной с потерей демографической энергии (высокие рождаемость и смертность), в систему «экономизирующую» (низкие рождаемость и смертность), особенности которой анализирует, в частности, профессор Флорентийского университета Массимо Ливи Баччи.

В 1741 году в Берлине вышла книга немецкого лютеранского пастора Иоганна Петера Зюсмилха «Божественный порядок в изменениях рода человеческого, подтверждаемый его рождениями, смертями и размножением». Зюсмилх описывает порядок размножения

людей в рамках традиционной *K*-стратегии, видя в нем проявление божественной мудрости. Бог, — утверждает Зюсмилх, — заботится о равновесии смертности и рождаемости, «божественный порядок» требует населения, но не перенаселения; Бог определяет человеку некоторую продолжительность жизни и управляет смертями так, что продолжительность жизни оказывается достаточной для продолжения рода; Бог дает возможность человеку выжить в любом месте на Земле; Бог заботится об определенном порядке в воспроизводстве двух полов.

Медленное размножение населения Земли позволяло сохранять баланс между числом людей и объемом экономических ресурсов в условиях неэффективной аграрной экономики и было одним из главных проявлений «божественного порядка». Изменение «порядка» в одном звене — снижение смертности — необратимо нарушает сложившееся равновесие и влечет цепочку изменений, делая невозможным восстановление равновесия прежними способами. Снижение смертности делает ненужными и даже опасными традиционную высокую рождаемость и всю систему охраняющих ее культурных норм, поскольку стремительный рост населения вступает в противоречие с экономическими и другими возможностями семей и государств.

Трактат Зюсмилха отражает глубокое понимание порядка вещей, который существовал на протяжении многих тысячелетий, но парадокс истории заключается в том, что этот трактат появился, когда описанный в нем тысячелетний «божественный порядок» доживал последние дни. Стремительно надвигались события, которые резко нарушили сложившуюся систему и потребовали установления иного равновесного порядка, новых правил игры и иной культурной регламентации.

Среди этих событий такие, например, как Великая французская революция или промышленная революция в Англии, множество других экономических, социальных и политических перемен. Но если посмотреть на них через призму их влияния на сохранение и продолжение человеческого рода, — а что может быть важнее для судеб человечества? — то все крупные исторические изменения с конца XVIII века до нашего времени стали лишь средством, позволившим людям перейти к новой, намного более эффективной и менее затратной репродуктивной стратегии.

Первый этап демографических перемен, нарушивших тысячелетний порядок возобновления поколений, получил название *эпидемиологического перехода*. Переход был подготовлен предшествующими столетиями экономического и социального развития европейского общества. Европейское Средневековье, подчиненное «божественному порядку», жило под знаком «всадников Апокалипсиса», с которыми ассоциировались эпидемии, голод и войны. Суть эпидемиологического перехода заключается в том, что человечеству удалось обуздать «всадников Апокалипсиса», взять под контроль основные экзогенные (внешние) факторы смертности и, благодаря этому, вытеснить многие причины ранней смерти.

Условной точкой начала эпидемиологического перехода можно считать открытие в конце XVIII века английским врачом Эдвардом Дженнером метода вакцинации в борьбе с оспой. Открытие Дженнера не только означало создание иммунитета против одной из самых страшных болезней, но и впервые показало огромную эффективность принципа индивидуальной защиты человеческого организма. Применение вакцинации оставалось исключением в медицинской практике до последней трети XIX века, когда, прежде всего благодаря работам

Жан Тэнгли. Балуба. 1961

Луи Пастера (1822–1895), была создана бактериологическая теория болезней и указан принципиальный путь борьбы с ними, приведший к надежной профилактике инфекционных заболеваний, а затем и к эффективному лечению многих из них. Одним из первых результатов

этого сдвига стало стремительное снижение младенческой и детской смертности, за очень короткое, по историческим меркам, время она практически сошла на нет. Еще в конце XIX века в России младенческая смертность, то есть смертность на первом году жизни, была на

уровне 250–300 смертей на тысячу родившихся. Сейчас в России уровень младенческой смертности считается высоким по сравнению с Японией и некоторыми европейскими странами, потому что у нас умирает примерно восемь младенцев из тысячи, а есть страны, где умирают трое-четверо.

В результате за короткий исторический период продолжительность жизни, которая тоже тысячелетиями не изменялась, увеличилась в 1,5–2 раза и продолжает расти. В относительно недалеком прошлом средняя ожидаемая продолжительность жизни не превышала 35 лет. Но уже в 1975 году во многих странах продолжительность жизни женщин приблизилась к 80 годам, мужчин — перевалила за 70, увеличившись более чем в два раза за какие-то сто лет. В России в конце XIX века, по данным переписи 1897 года и рассчитанных на ее основе таблиц смертности, средняя продолжительность жизни составляла 32 года. Сегодня Россия все еще отстает от многих стран, но все же и у нас продолжительность жизни более чем удвоилась и составляет сейчас 70 лет. Величайший триумф человека подорвал извечный «божественный порядок» и необратимо нарушил тысячелетнее демографическое равновесие.

Замечу, что временные и локальные случаи такого нарушения встречались и прежде. История знает четыре регулятора, с помощью которых можно влиять на демографическое равновесие: повышение смертности, иногда неподконтрольное человеку (например, эпидемии, неурожаи), иногда намеренное (детоубийство); эмиграция; снижение рождаемости через брачность («малтузианское» решение); регулирование рождаемости в браке («неомалтузианское» решение). Эти регуляторы включались в разные периоды, но в прошлом их действие было ограниченным и в пространстве, и во времени. Теперь же потреб-

ность в регулирующих механизмах стала приобретать повсеместный и долговременный характер.

К концу XVIII века, когда смертность в Европе немного снизилась в результате ограничения ее резких всплесков вследствие эпидемий или неурожаев (ослабел первый регулятор), сложился довольно эффективный механизм ограничения рождаемости через брачность, появился так называемый европейский тип брачности, который предполагал более позднее и не всеобщее вступление в брак.

В XIX веке, когда снижение смертности в Европе ускорилося, а вместе с этим ускорился и рост населения, включился миграционный механизм, роль своеобразного клапана сыграла эмиграция за океан. Благодаря исходу избыточного населения из Европы, за ее пределами возникли новые государства, прежде всего США, заселилась Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия. Миграция как один из способов поддержания равновесия в пределах определенной территории существует и сегодня.

Однако когда продолжающееся снижение смертности приобрело всеобщий и необратимый характер, стало ясно, что первых трех регуляторов недостаточно, понадобилось включение четвертого регулятора, к которому прежде почти не прибегали, — намеренное снижение рождаемости. Это имело очень серьезные последствия.

Важно отметить, что высокая смертность задавала некий культурный порядок — традиционные нормы, религиозные и нравственные предписания, регулировавшие демографическое поведение людей. Именно она диктовала повсеместное конвергентное развитие принципов социальной жизни, которые регулировали производство и выхаживание потомства и обеспечивали непрерывность поколений. Несмотря на мировое многообразие культур, все они покоились на общих

основаниях: брак должен быть всеобщим и пожизненным, женщина в первую очередь — продолжательница рода, большое число детей рассматривалось как божье благословение, а всякое вмешательство в процесс прокреации осуждалось. Данные нормы охраняли высокую рождаемость, без которой человечество было бы обречено на вымирание.

Однако в условиях высокой смертности высокая рождаемость вовсе не означает многодетности. Представление о многодетности традиционной семьи, вообще говоря, миф, результат подмены понятий, когда число детей отождествляется с числом рождений без учета смертности. Но смертность вносила большие коррективы в фактическое число детей в семье, на том и держалось равновесие. Медленный рост населения, иногда чередующийся с его сокращением, свидетельствует о конечной малодетности супружеских пар на протяжении столетий. К концу XVIII века, века Зюсмилха, население планеты не достигло 1 миллиарда человек — таков итог размножения людей на Земле за несколько десятков тысячелетий. Он означает, что каждое следующее поколение по численности почти не отличалось от предыдущего, на смену «средней» родительской паре приходило чуть больше, чем два ребенка. В XVIII веке шведский статистик П.-В. Варгентин утверждал, что римский закон, дававший привилегии родителям трех взрослых детей, мог бы быть применим лишь к немногим жителям Швеции. Описывая жизнь русских крестьян в конце XVII — начале XVIII века, современный российский автор отмечает: «Число детей редко превышало шесть человек. Естественно, что встречались семьи и с большим числом детей — от 7 до 11, но таких было совсем немного — около 2%. Наиболее же

характерны семьи, имеющие одного–трех детей: у монастырских крестьян их 71,8%, а у помещичьих — 67,7%»*.

В европейских странах опасность первой почувствовала семья. Превращение многодетности из редкого и исключительного феномена в массовое явление породило множество непривычных проблем, прежде всего в верхних слоях европейского общества, в среде аристократии и буржуазии: опасность дробления наследства, недостаток земельных наделов, невозможность сохранить привычный уровень достатка. Постепенно озабоченность непосильной многодетностью распространилась на крестьянское и городское население, заставляя семью искать пути возврата к прежней малодетности, демографическое поведение все большего числа семей стало меняться в сторону сознательного ограничения числа рождений.

Массовое снижение рождаемости началось во Франции, а с конца XIX века распространилось на другие европейские страны. То, что Франция стала первопроходцем, было следствием Французской революции, сломавшей механизмы культурного регулирования и подорвавшей авторитет церкви. Во Франции более не существовало культурных барьеров и ограничений на изменение поведения. Но революция лишь облегчила перемены, но не была их причиной, менять демографическое поведение надо было всем. Над низкой рождаемостью французов какое-то время потешалась вся Европа, обидным образом намекая на их неспособность к воспроизводству. У Ильи Эренбурга есть роман 20-х годов, который называется «Трест Д.Е.». Д.Е. означает «Даешь Европу!». В нем как раз описана Франция того времени, когда зачатие ребенка превращалось в национальный праздник. Немцы же просто говорили,

* Е. Бакланова. *Крестьянский двор и община на русском Севере, конец XVII — начало XVIII в.* — М., 1976.

что французы каждые несколько лет проигрывают Германии одну дивизию. Однако после Первой мировой войны демографические различия в Европе исчезли. Сегодняшняя Франция — страна с самой высокой рождаемостью в Европе, Германия — с одной из самых низких, хотя различия между всеми европейскими странами невелики — десятые доли ребенка в расчете на одну женщину. В конце XX века в большинстве развитых стран женщины в течение жизни рождали в среднем менее двух детей.

В конце XIX века опасения многодетности докатились до России. Вот, например, размышления на эту тему Долли Облонской из романа Л. Толстого «Анна Каренина»: «И все это зачем? Что ж будет из всего этого? То, что я, не имея ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вечно сердитая, ворчливая, сама измученная и других мучающая, противная мужу, проживу свою жизнь и вырастут несчастные, дурно воспитанные и нищие дети... Так что и вывести-то детей я не могу сама, а разве с помощью других, с унижением. Ну, да если предположим самое счастливое: дети не будут больше умирать, и я кое-как воспитаю их. В самом лучшем случае они только не будут негодяи. Вот все, чего я могу желать. Из-за всего этого сколько мучений, трудов... Загублена вся жизнь!».

В России снижение рождаемости наблюдалось на протяжении почти всего XX века. Лишь в самом начале века она была еще очень высокой. После военного спада и окончания Гражданской войны рождаемость у крестьянского населения на какое-то время вернулась к довоенному уровню, но ненадолго. С конца 20-х годов, когда стали разворачиваться все главные события — индустриализация, коллективизация и так далее, — началось необратимое падение рождаемости. Поколение женщин, родившееся после 1910 года и вступившее во взрослую

жизнь в конце 1920-х, себя уже не воспроизводило. А через несколько десятилетий Россия не просто сравнялась с европейскими странами и США по показателям рождаемости, но в большинстве случаев опустилась ниже их.

Переход от прежнего равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости вовлек человечество в поиск новых норм демографического поведения. Поиск велся стихийно, но так или иначе поставил под сомнение главную традиционную норму — культурный запрет на свободу прокреативного выбора, то есть на регулирование родителями числа детей и сроков их рождения. Норма подвергалась постепенной эрозии и в конце концов исчезла совсем. Всеобщий запрет на намеренное ограничение числа рождений сменился его всеобщим распространением, ставшим культурно приемлемым и даже рекомендуемым. Вопрос же о способах регулирования решился в пользу так называемого планирования семьи с помощью противозачаточных средств, хотя до сих пор параллельно используются и такие архаичные методы регулирования численности потомства, как аборт. *Контроль за рождаемостью* стал вторым главным этапом демографического перехода.

О том, чем чревата неконтролируемая рождаемость в условиях низкой смертности, можно судить по глобальному демографическому взрыву: за короткий период население Земли достигло 7 миллиардов человек, увеличившись за последние 60 лет на 4,6 миллиарда, — и рост продолжается. Демографический взрыв, хотя и глобален по последствиям, продолжается не повсеместно, а в той части мира, где по-прежнему господствуют нормы демографического поведения эпохи «божественного порядка» Зюсмилха. В основном это развивающиеся страны. Здесь стремительное снижение смертности с

Жан Тэнгли. Балуба. 1961–1962

помощью перенесенных с Запада медицинских технологий мгновенно отозвалось на динамике численности населения, обострив и без того сложные экономические, социальные, экологические проблемы. Поэтому снижение рождаемости в развивающихся странах стало, хотя и не сразу, первостепенной заботой уже не семей, а правительств. Успешную демографическую политику, направленную на снижение рождаемости, демонстрирует, например, Ближний Восток, который ошибочно представляется многим цитаделью высокой рождаемости. В середине прошлого века в ближневосточном регионе лишь Израиль отличался относительно низкой рождаемостью. За последние 60 лет большинство стран региона переместились из зоны суммарной рождаемости 6–7 детей на одну женщину в зону 2–3 рождений и сегодня имеют более низкую рождаемость, чем Израиль. Самый низкий уровень рождаемости в этой группе стран показывают Ливан и Иран. Особенно интересен пример Ирана, исламского государства, где планирование семьи получило широкое распространение под влиянием властей. По сути, Иран сделал то же, что Китай, но другим способом: использовал возможности религиозной мобилизации и авторитет исламских религиозных деятелей. Традиционного прокреативного поведения более не существует ни в Иране, ни в большинстве арабских стран, его последним прибежищем остается тропическая Африка, но и там оно едва ли надолго.

С того момента, как внутрисемейное регулирование деторождения с помощью методов планирования семьи получило культурную санкцию, начался третий этап демографического перехода человечества, связанный с *трансформацией института брака и семьи*. Этот этап несет неизбежные перемены для всей системы организации частной жизни, казавшихся незыблемыми форм брака и

семьи, внутрисемейных отношений, половой и семейной морали. Он затрагивает огромный пласт культуры, связанный с экзистенциальными вопросами рождения, смерти, любви, привязанности, преданности.

Центром решения этих вопросов на протяжении тысячелетий была именно семья, в основе которой лежало единство трех видов демографического поведения — сексуального, матримониального (связанного со вступлением в брак) и прокреативного (связанного с рождением детей). Теперь их единство нарушено; обособившись, три вида поведения живут своей жизнью, растаскивая по частям единые прежде функции семьи. Более того, теперь триединство, освященное религиями и опытом прошлого, не просто не нужно, но даже опасно. И все культуры оказываются перед вопросом, как перестроиться таким образом, чтобы выработать культурную регламентацию новых форм поведения, адекватную требованиям времени. Ведь культура вообще в огромной степени строится вокруг отношений мужчины и женщины, родителей и детей (Король Лир и Отец Горио), любви, брака, обязательств — все это всегда находится в центре внимания литературы и искусства, в том числе и близкой нам европейской и русской классики, особенно XIX века. Когда наступают перемены, они наталкиваются на сильное консервативное противостояние, но рано или поздно жизнь берет свое. Викторианская Англия вошла в историю как пример ханжеского консервативного отношения к сохранению устаревавших норм семейной морали, но потом об этих нормах забыли. Это вовсе не означает, что англичане стали аморальными, — просто мораль стала иной.

Человечество вступило в полосу обусловленной демографическими переменами культурной трансформации, постепенно и тяжело преодолевая инерцию прошлого,

вырабатывая новые институциональные формы и новую культурную регламентацию частной жизни. Поиск ведется единственным возможным в таких случаях методом — методом проб и ошибок, отбора наиболее конкурентоспособных, эффективных форм и норм. Когда в 60–70-х годах XIX века совершилась так называемая вторая контрацептивная революция, казалось, главное уже произошло, и супружеская семья с планируемым небольшим числом детей пришла на смену сложной многопоколенной семье прошлого. Однако сегодняшний день поставил под сомнение устойчивость и этой формы. Обособившись от сексуального и прокреативного, матримониальное (брачное) поведение дифференцируется — появляются новые варианты организации личной жизни человека, единственно дозволенной формой которой ранее считался «стандартный», официально признанный государством и (или) церковью пожизненный брак, соединявший воедино социально-экономическое обустройство, секс и производство потомства. Прежний малоподвижный брак, похожий на жесткий футляр, в который раз и навсегда втиснута личная жизнь, перестал удовлетворять человека, с детства привыкшего к разнообразию и динамизму современных городских обществ. Сегодняшний человек повысил избирательность в поиске долгосрочного партнера в супружестве, но понизил требования к кратковременным сексуальным партнерам, связи с которыми воспринимаются как подготовка к браку. Подобная стратегия совершенно несвойственна для традиционной семьи, которая не признавала права на ошибку: брак заключался в молодом возрасте раз и навсегда, часто не по воле или даже против воли будущих супругов. Перемены многоплановы: сокращается доля людей, никогда не состоявших в браке, растет число разводов, увеличивается доля нерегистрируемых браков,

меняется возраст вступления в первый брак и рождения детей, причем то и другое то «молодеет», то «стареет». Обособление сексуального поведения от прокреативного повысило его самооценку и гедонистическую составляющую союза мужчины и женщины. Он становится более интимным, в одних случаях — более глубоким, в других — поверхностным, но всегда не слишком требующим внешнего, официального, оформления «брачных уз». Теперь браки могут быть сознательно бездетными, малолетними или многодетными. Брачные партнеры, зарегистрированные или нет, нередко имеют детей от разных браков, а поскольку развод обыкновенно не препятствует детям поддерживать отношения с обоими родителями, они часто ощущают себя членами двух семей. Таким образом, поиски идут не только по оси «брачные партнеры», но и по оси «родители — дети»; отделение биологического родительства от социального перестает быть экзотикой, размывается или трансформируется само понятие родительства.

Как видим, снижение рождаемости повлекло перемены, гораздо более глубокие и многообразные, чем может показаться на первый взгляд. «Стандартный» брак, органично встроенный в прежний «божественный порядок», подвергся сильной эрозии, и, похоже, возврата к традиционной семье уже не будет. Либерализация семейных нравов, гибкость морали — признаки новейших перемен, которые плохо вписываются в тысячелетние нормы человеческого общежития. Везде, где такие перемены дают о себе знать, они нередко воспринимаются как свидетельства тяжелого кризиса не только семьи, но и всего общества. Порожденные им социальные проблемы — падение рождаемости, старение населения, нестабильность брака, внебрачные рождения, искусственные аборты — вызывают критику и создают

напряжение в обществе. Но не будем забывать и о приобретениях демографического перехода, к которым относятся расширение свободы выбора для мужчины и женщины в семейной и социальной сферах, равенство партнеров, большие возможности для контактов между поколениями и самореализации. Сторонникам происходящих с семьей перемен нельзя отказать в праве на поиск, который они ведут на свой страх и риск. Их поиск приводит к появлению совершенно новых установлений и правил частной жизни, и пока нельзя сказать, имеют ли они окончательный или промежуточный характер. Совокупность происходящих с семьей перемен голландский демограф Дирк ван де Каа и бельгийский демограф Рон Лестег назвали вторым демографическим переходом. Мы знаем, от чего ведет этот переход, но пока не знаем к чему.

Окончание эпохи «божественного порядка» привело к потрясениям и на глобальном уровне. Выше я отмечал, что демографический переход в разных странах и регионах мира происходит неравномерно. Отставание снижения рождаемости от снижения смертности привело к глобальному демографическому взрыву. Согласно прогнозу ООН, он должен завершиться во второй половине XXI века, к этому времени соотношение демографических масс крупных регионов мира сильно изменится. Ожидается, что к 2050 году из нынешних крупнейших стран мира позиции в первой «двадцатке» по численности населения сохраняют лишь США, Россия и Япония. Их опередят Индия, Китай, Пакистан, ряд других стран, которые к тому времени будут обладать намного большей, чем сейчас, экономической и военной мощью.

Но уже сейчас население развивающихся стран образует огромный «навес» над развитыми странами, что оборачивается растущим миграционным давлением на

них. Количественные и структурные изменения, происходящие с трудоспособным населением стран Севера и Юга, одних ставят перед необходимостью прибегать к миграционным источникам пополнения рабочей силы, других — перед необходимостью эмигрировать в поисках рабочих мест. По оценке Всемирного банка, сейчас за пределами страны рождения проживают 216 миллионов человек, что составляет 3,2% от численности населения мира. Для сравнения: все население мира, в эпоху Великого переселения народов IV–VII веков сформировавшего население современной Европы, составляло 200–210 миллионов человек. Крупномасштабные миграции ведут к значительным изменениям политической, этнокультурной, конфессиональной карты мира. Жители развитых стран опасаются негативных перемен, и эксперты ООН обещают совершенно нереалистичное сокращение иммиграции в развитые страны вплоть до ее полного прекращения. Процесс массовых миграций с Юга на Север, ведущий, в том числе в результате неодинаковой рождаемости местного и пришлого населения, к изменению состава населения принимающих стран, к новому разнообразию или даже замене коренного населения, английский демограф Дэвид Коулмэн назвал третьим демографическим переходом. Но, по сути, он является результатом цепной реакции, запущенной снижением смертности. И, конечно, ее последствия только миграцией не ограничатся.

«Божественный порядок в изменениях рода человеческого, подтверждаемый его рождениями, смертями и размножением», о котором совсем недавно, в середине XVIII века, Зюсмильх писал как о чем-то незыблемом, вдруг обернулся огромными демографическими трансформациями, изменившими семью и характеристики человечества на глобальном уровне.

*Александр Аузан,
декан экономического
факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова*

*Экономическая теория права и оптимизация государства**

О чем мне хотелось бы сегодня рассказать? Тема лекции, которая определится сегодня, притом что я буду говорить и о теории, и о весьма практических вещах, навеяна печальными событиями, которые прошли за последние полгода. В сентябре 2013 года этот мир покинул один из величайших экономистов XX века Рональд Коуз, нобелевский лауреат. Это была светлая кончина, потому что он чуть-чуть не дожил до 103 лет. А 3 мая этого года, то есть немногим более месяца тому назад, умер Гэрри Беккер, создатель теории человеческого капитала и теории, которая носит название *economic theory of the crime and punishment*, то есть «экономическая теория преступления и наказания». Не по Достоевскому, там немножко все по-другому устроено. Поэтому лекция, которую я хочу предложить вашему вниманию, посвящена памяти двух этих замечательных людей, которые во многом определили картину экономических взглядов на XXI век. И оба они принадлежат к числу так называемых экономических империалистов, то есть экономистов, которые своим методом отвечали на вопросы политические, правовые, социальные. Как будет построена лекция? Она будет делиться на две явные части. Я сначала поговорю об экономической теории, а потом расскажу о весьма практических вещах. Потому что то, что подразумевается под оптимизацией государства и в различных государствах трактуется как снижение административных барьеров, создание особых условий делового климата и т.д., — это политика, которая тесно связана с институциональной экономической теорией и экономической теорией права. И я тоже причастен к тому, как эта политика разрабатывалась в России, в Казахстане и т.д. Поэтому вторая часть будет практической, чтобы показать, что те великие идеи,

** Публикация подготовлена на основе выступления автора на семинаре Школы в Голицыно 11 июня 2014 г.*

которые рождались во второй половине XX века, до сих пор работают и позволяют делать прогнозы, в том числе на будущие десятилетия. Но начнем все-таки с истории вопроса.

Кроме Рональда Коуза и Гэрри Беккера еще один интересный в этом отношении человек — Ричард Познер. Строго говоря, именно он является номинальным основателем экономической теории права. А был он судьей, членом Верховного суда Соединенных Штатов Америки, самым известным судьей, который разбирает антитрастовские дела, то есть рассматривал дела по обвинению крупнейших компаний. Первая его книга называлась «Antitrust Paradox», в ней он описывал, как судья в условиях борьбы разных экономических взглядов и подходов принимает свои решения. И постепенно этот судья пришел к выводам, которые позволили создать направление, именуемое *low and economics*, по-русски мы его называем экономической теорией права или экономическим анализом права.

Начну с самой великой теоремы, без которой не было бы экономической теории права. Я вообще думаю, что это самая главная теорема экономической теории XX века. Сейчас попробую объяснить почему.

История этой теоремы парадоксальна. Она называется теоремой Коуза, в то же время Рональд Коуз никогда не формулировал этой теоремы. Сформулировал ее другой нобелевский лауреат — Стиглер, который сказал, что если исходить из теории Рональда Коуза, то теорема должна была бы звучать так: «Если транзакционные издержки равны нулю, то окончательное размещение ресурсов эффективно вне зависимости от первоначального распределения прав собственности». 20 лет экономисты спорили, как трактовать теорему Коуза, а Коуз молча наблюдал за этим спором. Когда спор закончился, он сказал: «Ну, я так примерно и предполагал».

Этот блестящий человек на самом деле является не столько автором теоремы Коуза, сколько открывателем факта, без которого вообще не понятно, как существовала экономическая теория предыдущие двести с лишним лет. Вот представьте себе физика, который убежден, что все процессы происходят в вакууме, и все считает для вакуума. При этом получают определенные модели, теории и так далее, только они к жизни не имеют никакого отношения, потому что в жизни действуют силы трения. Силы трения в экономике открыл Рональд Коуз. Они называются транзакционные издержки.

Люди, к сожалению, не так умны и не так честны. Я думаю, что здесь уже все взрослые и догадываются, что это тезис, который не требует доказательств, хотя на самом деле он имеет свои доказательства. И вот благодаря этому коммуникации между людьми затратны, они создают определенные трудности, сложности, генерируют издержки, и в этом мире существуют силы социального трения — транзакционные издержки.

А почему это так важно для понимания мира в целом? Знаете, лучшую человеческую формулировку теоремы Коуза предложила наша великая подруга Людмила Михайловна Алексеева. «В этом мире все рано или поздно устроится более или менее плохо». Это и есть точная формулировка теоремы Коуза, потому что раз в этом мире транзакционные издержки положительны, то ни один проект совершенствования в этом мире не

Сезар. *Большой палец*. 1965

может быть реализован до конца. Он столкнется с сопротивлением, натолкнется на буфер, и решения будут не оптимальными. Не важно, были ли это проект либеральный, социалистический, консервативный, — совершенство в этом мире невозможно. Зато возможно разнообразие! Вот социально-философский смысл теоремы Коуза. Именно поэтому такая теорема легла в основу целого ряда новых теорем и направлений, в том числе экономической теории права.

То, что сформулировал Ричард Познер, когда он перестал быть судьей и превратился в крупного экономического теоретика, иногда называют теоремой Познера, иногда называют правилом Познера. Что говорит Познер? Раз в этом мире невозможны или редко встречаются экономические равновесия из-за положительных трансакционных издержек, рынок очень часто не может сделать того, что по теории должен был бы сделать. Потому что сила трения его останавливает. Значит, нужно принимать такие решения, вводить такие нормы, делать такие правовые институты, которые сымитировали бы то, что должен был сделать рынок, если бы трансакционные издержки были нулевыми. Право нужно потому, что в этом мире существуют силы социального трения. Это прямой вывод из теоремы Коуза, который открыл новую ветвь знаний — экономику права.

Гэрри Беккер разработал новую теорию — экономическую теорию преступления и наказания.

Когда экономисты вторглись в эту тему со своими методами, первое, что поставило всех криминологов в тупик, это то, что экономисты сказали: «Преступность никогда не будет побеждена». Никогда не будет побеждена потому, что борьба с преступностью есть, в свою очередь, процесс, который требует затрат и издержек. И издержки на поимку последнего преступника окажутся запретительно высокими, потому что вы не сможете содержать какой-нибудь детский дом или вырабатывать какую-нибудь вакцину из-за того, что весь мир будет охотиться за последним преступником. Этого не будет никогда. Преступность в этом смысле, увы, будет существовать в тех или иных вариантах всегда.

Сама деятельность по борьбе с преступлениями всегда асимметрична, потому что у власти есть свои трансакционные издержки в преследовании преступности. Вот на этой формуле я хочу остановиться подробнее, потому что я опять-таки могу изложить все очень кратко. Есть фраза, которую вы знаете чуть ли не с детства, — о том, что суровость российских законов искупается необязательностью их исполнения. Не все, наверное, знают автора фразы — Петр Андреевич Вяземский. Формула, которая могла бы появиться на основе этой фразы, выглядит так: есть два сомножителя — суровость законов, то есть уровень санкции, тяжесть наказания — и необязательность их наступления, то есть низкая вероятность. Преследование преступности всегда в этом смысле зависит от двух сомножителей, от того, насколько серьезны санкции и насколько вероятно наступление санкций. Эта формула перевернула представление о том, какова правоохранительная деятельность сама по себе.

Что легче делать государству: менять уровень санкций или повышать вероятность поимки преступника? Конечно, чтобы поменять уровень санкций всего-навсего нужно поменять запись в нормативных документах. Причем это не обязательно увеличение жестокости наказания. Это может быть так называемая либерализация или гуманизация уголовного законодательства, когда сроки в тюрьме заменяются штрафами и конфискациями. Но заметьте, что можно делать так, чтобы санкции приносили доход государству. Смертная казнь в этом смысле более экономична, чем тюремное заключение. Потому что в тюрьме неизвестно кто кого должен

содержать — государство преступника или преступник государство. Может быть, преступник не зарабатывает столько, сколько стоит его содержание в тюрьме. А вот убили его — и всё, очень дешево. С другой стороны, не посадили в тюрьму, а конфисковали имущество или обложили штрафом — тоже очень выгодно.

Теперь подумайте, что нужно для того, чтобы повысить вероятность наказания того, кто совершил реальное преступление. Ведь мало того, что нужны полицейские, сыщики, которые его будут искать. Они же его найдут, и появятся адвокаты, которые будут говорить, что этот человек в это время кормил голубей в приюте, а не совершил преступление. И нужны прокурорские работники, которые будут обратное доказывать, и неизвестно, докажут ли. Это все страшно дорого с точки зрения государства.

Кстати, из этого пункта экономической теории права следует, зачем нужны права человека. Если не существует стандартов прав человека, то деятельность любого государства сворачивается к первому сомножителю. Потому что мы меняем санкцию и применяем наиболее дешевые средства, будь то смертная казнь или армейская операция вместо полицейской.

Ведь посмотрите, насколько армейская операция легче, чем полицейская. Окружили квартал, под телевидение постреляли из танков по бегущим террористам, в этот дом, потом в другой. Вся страна занята, все видят, как власть заботится о безопасности страны. То, что это неэффективная операция, — другой разговор. Причем она может происходить в любом государстве, где по тем или иным причинам стандарт прав человека почему-то не является значимым.

Стандарт прав человека существует для того, чтобы восстановить симметрию, подтолкнуть к симметрии два сомножителя — тяжесть наказания и вероятность его наступления.

Криминологов много лет занимала проблема: вот вводятся какие-то новые методы борьбы с преступностью, а никакого эффекта, нет его; а потом никакие новые методы вроде бы не вводились, а наступает спад преступности, почему? По непонятной причине ученые разных профессий исходили из того, что когда принимается изменение законодательства, преступный мир собирает семинары.

А на самом-то деле все происходит не так. Никто никаких семинаров не собирает, а когда преступники попадают на какие-то сроки заключения и потом выходят, они говорят: «Слушайте, братва, теперь все по-другому. Все не так». Они говорят на свидании в тюрьме, например. Потому что не профессор Мориарти осуществляет основную преступную деятельность. Преступник тоже ограниченный рационально человек. Есть лаг в том, как работают те или иные меры.

И поэтому интересен вопрос о том, как работают разные способы наказания. Потому что у наказания вообще-то функции разные: от возмездия (око за око, зуб за зуб) до реабилитации. Помните, Достоевский говорил, что непонятно, почему преступник должен исправиться, если вы помещаете его вместе с другими нечестными людьми и заставляете заниматься бессмысленным делом? Но в принципе идея реабилитации есть. Может быть, изоляция, его можно просто изъять из общества. А может быть, сдерживание. Это

самый серьезный вопрос — как действует наказание на тех, кто действует вне этой системы, только собирается совершить преступление.

Экономисты дали ответ на этот вопрос, когда стали строить графики. Например, оказалось, что есть такие преступления, которые, говоря экономическим языком, неэластичны по цене. Ну, например, маньяк убивает людей или наркоман добывает себе деньги на дозу. Вы можете вводить какие угодно меры наказания, они не будут иметь никакого воздействия на его поведение. Потому что здесь мы не имеем дела с ограниченной рациональностью, здесь мы имеем дело с нерациональным поведением. Поэтому и мера пресечения здесь оказывается другая — изоляция. Вот если вы изолировали маньяка, вы точно добились чего-то. Но добились ли вы этим эффекта сдерживания? Нет! Потому что другой маньяк все равно будет действовать так, как будто его предшественников не существовало. Тем не менее, когда мы говорим о сдерживании, мы выходим, может быть, на главную межцивилизационную проблему нынешнего времени — на проблему смертной казни. Потому что, казалось бы, самый эффективный способ сдерживать преступление, это пригрозить смертью за эту деятельность. Потому что, разумеется, даже не тот человек остановлен, как источник преступления, который казнен, а другие, которые могли бы вступить на этот путь. И экономисты стали строить специальные модели в рамках экономической теории права, экономической теории преступления и наказания. Наиболее известна модель Айзека Эрлиха, которая обосновала американскую точку зрения на смертную казнь. Смертная казнь, по мнению Эрлиха, эффективна и каждая казнь спасает 15 человеческих жизней. Услышав об этом, Европа содрогнулась, Азия удивилась, и начались дополнительные исследования. Хочу сказать, что на данный момент, на сегодняшний день, в науке победила европейская точка зрения по поводу того, что смертная казнь неэффективна.

На самом деле по статистике выясняется, что отсутствие и наличие смертной казни фактически не влияет на уровень преступности.

А почему Европа была заведомо убеждена в этом? Видите ли, Америка все-таки всю свою политическую историю прожила в условиях демократической власти, без государственных переворотов, когда ни разу не возникали террористические режимы. А Европа и Азия это знали. Они знали, что, во-первых, не только людям свойственно ошибаться, но и судьям свойственно ошибаться, законодателям свойственно ошибаться. Например, из того, что люди ограничены рационально, мы пока не берем второй неприятный факт, что они не только не боги, не всеведущи, но они еще и не ангелы, не готовы себя вести по-доброму, они вполне могут преследовать какие-то свои интересы. Так вот, только из того факта, что люди, то есть законодатели, ограничены рационально, следует, что никогда не существует законодательных систем и их судебного применения, которые точно накажут виновного и точно отпустят невинного. Вы, по существу, будете иметь всегда перекошенную систему. Либо в одну сторону, когда возможно наказание невинного ради того, чтобы наказать виновного. Либо в другую сторону, вы ослабляете пресс, и тогда получается, что невинный не наказан, но виновный просочился через сеть и ушел.

Ники де Сен Фаль. Черная девчонка. 1965

Так вот, экономическая теория преступления и наказания, экономическая теория права утверждает, что вы никогда не построите идеальную систему, как никогда не построите идеальное социалистическое государство, полностью либеральный рынок, пропитанную моральным сознанием экономику. Невозможно! Невозможно потому, что транзакционные издержки всегда положительны. Нет в этом мире совершенства, есть разнообразие. Вследствие этого вы можете впасть в ту ошибку или в другую ошибку.

И все бы ничего, если бы эта ошибка не заканчивалась смертной казнью. Предположим, несправедливо посадили человека в тюрьму. В конце концов, потом выпустили, компенсировали, отправили в санаторий, всякое бывает. Что вы сделаете с покойным, когда выясните, что его казнили зря? Ничего! Поэтому уже наличие возможности судебной ошибки достаточ-

ный аргумент для того, чтобы модель Эрлиха не работала. А ведь суды, и органы следствия, и органы дознания могут действовать и по другим мотивам, не только потому, что они чего-то недопонимают.

Есть известная история, которую стали забывать. В последние десятилетия существования СССР было знаменитое дело по Елисеевскому гастроному, по директору Елисеевского гастронома, который был приговорен к смертной казни, но при этом начал давать показания по связям, которые вели наверх. В этот момент неожиданно умер генеральный секретарь и пришел другой генеральный секретарь. И приговор в ту же ночь был приведен в исполнение. Почему? Потому что нет человека — нет проблемы, концы в воду. И такие мотивы могут быть и у суда, и у следствия, и у органов дознания.

Чтобы завершить теоретическую часть и перейти к части практической, давайте попробуем сделать предварительные выводы, чтобы ничего не провалилось в щели невнимательности. Собственно, выводов всего три.

Первый состоит в том, что транзакционные издержки всегда положительны и поэтому автоматическое равновесие на рынках недостижимо. Но надо сказать, что именно поэтому нужны какие-то правовые нормы. Однако сами производители правовых институтов грешат ограниченной рациональностью, или могут вести себя заинтересованно, или вести себя оппортунистически. И поэтому государство не только пытается скомпенсировать отсутствие автоматического равновесия. Оно, в свою очередь, является источником транзакционных издержек и поэтому нуждается в оптимизации. Оно само по себе — так же как рынок — не благо, оно само по себе несовершенный проект. Ни рынок не является совершенным, ни государство не является. Не бывает совершенства, бывает разнообразие, поэтому по существу есть разные стратегии, разные политики оптимизации государства. Вот про это мы и будем дальше говорить.

Давайте сразу перейдем к практике, увидим, как разные страны, друг от друга не очень удаленные, решали проблему оптимизации государства, а именно снижения того, что на экономическом языке называется транзакционные издержки, на политическом языке, нормативном, называется административными барьерами, а на языке индексов называется индексом делового климата.

Есть данные по индексу делового климата о том, как двигались Украина, Россия, Беларусь, Казахстан и Грузия. Весьма печальный результат у Украины. Мы, в общем, могли бы догадаться, что у Украины накопился большой груз проблем. Не очень хороши результаты у России, но лучше, чем у Украины. Намного лучше результаты у Казахстана. Беларусь сначала шла по российской траектории, а потом перешла фактически на казахстанскую. Пересмотрели свою стратегию оптимизации. Ну и, наконец, наиболее радикальный результат достигнут Грузией при Саакашвили.

Все началось с политики деbüroкратизации в России в 2000–2003 годах. И когда были введены меры, были приняты первые три закона по деbüroкратизации экономики, приняты с колоссальным нажимом на правительство со стороны президента, начался мониторинг Всемирного банка по этим проблемам, мониторингом занимался тогда Сергей Маратович Гуриев. Он позвонил мне по результатам первого раунда и сказал: «Сан Саньч, я вас,

наверное, огорчу. Эффекта нет». Я говорю: «Сережа, только юрист может считать, что эффект закона наступает в день его введения в действие. У вас когда следующий раунд?» Гуриев: «Через полгода». Я говорю: «Я потерплю». Через полгода оказалось, что издержки по проверкам упали на 20–30%. Это была победа, это был триумф. Политика деbüroкратизации дала эффект, именно поэтому все страны довольно дружно вначале ее применяли... Но оказалось, что эти эффекты не долгосрочны, скажем так.

Я могу долго отвечать на вопросы и объяснять, почему так. Но я приведу маленький пример. Мы добились эффекта, устранив, скажем, тяжелую для бизнеса санитарную инспекцию, торговую инспекцию. С 2005 года оказалось, что возникли иные формы давления на бизнес, которые дали отрицательный эффект. Поэтому, я бы сказал, я в данном случае признаюсь как доктор, но не медицинский, а экономики, что лекарства, которое мы прописали российской, и не только российской, экономике, несомненно, дали эффект, но это действие оказалось ограниченным. Нужно было вырабатывать новое поколение средств лечения. И мы это сделали.

Но я это делал не в России, а в Казахстане, потому что тогдашний глава администрации президента Казахстана сказал: «А можно, Александр Александрович, сделать так — вы сделали технологию деbüroкратизации, которую применили в наших странах. А можно сделать новое поколение? Но только с одним условием: применить в нашей стране». И это новое поколение политики было сделано.

Мы это назвали позитивной реинтеграцией, потому что когда говорят, что общество, бизнес и власть должны войти в определенное взаимодействие... Да они давно интегрированы! Когда бизнес платит взятки власти, а власть получает долю бизнеса, а потребитель пытается что-то нахитрить на законе о защите прав потребителя, скажите, это что, не интеграция что ли? Это интеграция. Но только кости неправильно срослись. Поэтому нужно говорить о реинтеграции, которая дала бы позитивный, а не негативный эффект.

Мы разработали, а казахстанское правительство действительно это применило, и это дало эффект. Что это была за стратегия? Чем она была альтернативна деbüroкратизации? К пяти принципам это все можно свести. Ну, во-первых, принцип включенного третьего — никогда не надо делать политику в отношении бизнеса, забывая о потребителе. Так же как не надо делать потребительскую политику, забывая про бизнес. Вы получите обязательно другим концом палки по голове. Во-вторых, надо понимать, что всегда могут быть разные конкурирующие решения. Вы можете одну и ту же задачу решать методами коммерческими, методами принуждения и методами коллективного действия и самоорганизации. И они всегда конкурируют между собой. И вы должны предоставить простор для их действий. В-третьих, не бывает такого, что если бизнесу стратегически выгодно что-то, то он найдет деньги и сделает. Он не сделает. Я вам скажу, почему не сделает.

Бизнес успешный занят своими успехами. Поэтому, когда технические регламенты нужно делать, кто в бизнесе хватается за эту работу? А тот, кому угрожает вылет с рынка. А для чего он берется за эту работу? А для того, чтобы не вылететь с рынка. А что ему нужно сделать, чтобы не выле-

теть с рынка? Ему нужно смягчить, например, законодательные требования к качеству. И он это делает. Поэтому для того, чтобы лучшие и успешные чем-то дополнительно занимались, им нужно хотя бы покрывать издержки общественной деятельности.

Кстати, казахи ввели обязательное членство в Торгово-промышленной палате — союзе «Атамекен». Обязательное членство с номинальным членским взносом от малого бизнеса и большим членским взносом от крупного, и они перераспределили эти средства на коллективные действия. Один из вариантов решения проблемы!

За что меня били больше всего, причем в России? За принцип разумной компенсации. Потому что я утверждал, что всегда есть такие группы чиновничества, влиятельные группы, которые против реформ и которые надо принимать в расчет, что они против, и реформы у них надо выкупать. Они говорят: «Как? Вы за то, чтобы этим казнокрадам еще и платить?» А я говорю: «А вы за то, чтобы рисовать планы реформ по движению по пересеченной местности, делая вид, что у вас ни горок, ни ям. Вперед к победе коммунизма!» Потому что, да, в наших странах бюрократия имеет явное влияние. Да, эта бюрократия имеет свои интересы. И если вы в формулы и в расчет не включили эти интересы, если вы не нашли такого сочетания, чтобы продвигаться, то грош вам цена как экономистам.

К 2011 году примерно стало ясно, что есть три альтернативные стратегии оптимизации.

В России, по существу, целью является оптимизация существующей процедуры. В Грузии цель была — прямая минимизация государства: чем меньше государства, тем лучше. Что, с моей точки зрения, не очевидно, потому что государства нужно столько, сколько нужно, сколько граждане хотят. А в Казахстане целью было повышение адекватности государства, то есть его соответствия тому, чего хотят реальные участники.

Теперь посмотрите, какие презумпции. В российском варианте исходили из того, что бизнес недобросовестен, а чиновники добросовестны. В грузинском варианте исходили из того, что бизнес добросовестен, а чиновники не добросовестны. Я бы сказал, что хрен редьки не слаще. Я думаю, что ни то ни другое утверждение не реалистично. Знаете, как сказал кардинал Мазарини: «Всех людей надо полагать честными, однако с ними надо обращаться как с мошенниками». То есть надо учитывать, что люди могут действовать недобросовестно. Казахстанский вариант исходил из неприятного варианта, что недобросовестно могут действовать как бизнес, так и государственные служащие.

Я предполагаю, что казахстанский вариант окажется стабильным, а грузинский вариант не окажется стабильным, потому что он стоит на нереалистичных предположениях. С ним произойдет то, что произошло с нашей политикой дебюрократизации, которая была промежуточным лекарством, недоделанным лекарством. Она дала хорошие результаты, но ненадолго. Потому что нужно стоять на реалистичных предположениях.

В принципе у каждого варианта есть свои преимущества и есть свои недостатки. Совершенство недостижимо — разнообразие реально.

*Марсия Леви,
судья окружного суда,
Великобритания*

Независимы ли английские судьи?

Введение

Я работала юристом 37 лет и последние 10 лет из них была окружным судьей среднего звена в судебной системе Англии и Уэльса. Перед тем как стать судьей, я была адвокатом и на протяжении многих лет набралась опыта во многих областях законодательства, включая коммерческое, и в Лондоне, и в течение пяти лет в Москве в 1990-е. В качестве судьи я в основном специализируюсь на семейном праве, в особенности на делах, связанных с детьми, но также разбираю гражданские дела и председательствую в жюри присяжных в суде Короны.

Так что я практик, не юрист-ученый и не философ. В каждый свой рабочий день я принимаю решения — многие из них трудные, некоторые болезненные, и все я принимаю сама. На этой работе иногда чувствуешь себя одинокой. Я несу полную ответственность за свои решения: забрать ли ребенка из семьи, в которой он родился, лишить человека родного дома, отправить ли нарушителя закона в тюрьму на много лет. Но действую ли я независимо, когда решаю судьбу другого человека?

Судьи назначаются королевой, и каждый судья, занимая должность, присягает, что будет «верно и старательно служить... королеве Елизавете II в должности (окружного судьи) и поступать справедливо по отношению к самым различным людям, в соответствии с законом и общепринятой практикой (традициями) данного Королевства беспристрастно и непредвзято, невзирая на лица». Клятва эта, данная в самом начале карьеры судьи, утверждает, что решения судьи будут приниматься по закону и что судья будет действовать независимо.

Верховенство закона было определено покойным лордом Бингхэмом в его книге «Верховенство закона» (The Rule of Law) следующим образом: «Главный принцип... состоит в том, что для всех лиц и властей в государстве, независимо от того, публичные они или частные, законы, созданные публично, имеющие силу в будущем и публично применяемые в судах, обязательны к исполнению».

Принципы независимости судебной системы и их применение получили множество формулировок. К примеру, Принципы Содружества об отношениях между тремя ветвями государства были согласованы главами государств Британского Содружества наций в 2003 году. Они указывают на следующие фундаментальные ценности:

«Мы верим в свободу личности по закону, в равные права для всех граждан независимо от их пола, расовой принадлежности, цвета кожи, веры или политических убеждений; в неотчуждаемое право личности участвовать в свободных и демократических процедурах построения общества, в которых он или она живет».

Эти ценности ставят верховенство права в самый центр демократического общества. Если существует верховенство права, судья должен быть независим. Отдельные судьи и судебная система в целом должны быть неподвластными и независимыми от всякого внешнего давления и друг от друга, чтобы люди и корпорации, обращающиеся к ним, а также широкая общественность были уверены в том, что их дела будут решаться справедливо, на основании фактов, предъявленных в качестве свидетельств суду, и в соответствии с законом.

Слова клятвы судьи «беспристрастно и неподвластно, невзирая на лица» утверждают независимость судьи. Понятие независимости судьи впервые возникло в английском законодательстве в 1701 году. («Закон о разрешении споров»), когда было установлено, что старшие судьи остаются на своем посту до тех пор, пока ведут себя благонадежно, а перед тем, как уволить судью, необходимо выполнить определенные процедуры. До этого судей могли отрешить от должности, если они решали дела не так, как этого хотелось королю или королеве.

Независимость судебной системы имеет также решающее значение для разделения

трех ветвей государственной власти — исполнительной (правительство), законодательной (парламент) и судебной, которые должны действовать независимо друг от друга.

В связи с этим возникает вопрос: независимость от кого? Назову некоторые чувствительные области предосудительного влияния на судью:

- независимость от исполнительной власти; назначение и сохранение поста за судьей; иммунитет судьи;
- независимость от других судей и избирателей;
- независимость от законодательных органов;
- отношения между СМИ и судьями;
- влияние общественного мнения;
- влияние европейского законодательства.

Кто такие судьи?

Судьями назначают лиц, занимающихся юридической практикой: адвокатов (подобно российским адвокатам), частных поверенных (эквивалента данному термину в России нет — он сочетает функции адвоката и некоторые функции нотариуса). У нас нет системы, когда с самого начала, с университета, молодые юристы обучаются ремеслу судей, как в России, Франции и Италии. Среди практикующих адвокатов существует давняя традиция независимости, в которой высоко ценится личное суждение. Адвокаты по-прежнему соблюдают «правило такси», по которому, как и лондонские таксисты, они берутся за дело следующего обратившегося к ним клиента независимо от оценки самого клиента или его дела. Частные поверенные также выступают в качестве независимых юридических консультантов, чье толкование законов не всегда может удовлетворять клиента.

В функции судебной системы не входит представительство взглядов и желаний

общества, эту роль выполняет избранная демократическим образом законодательная власть. Тем не менее, по общепринятому мнению, судьи должны в большей степени представлять общество в целом, чем это обычно бывает. Это относится как к гендерному, социальному, так и этническому составу судебного корпуса, а также к тому, какие решения судьи принимают.

Независимость от исполнительной власти

Обеспечение независимости судей начинается с их избрания. Поясняя законы и традиции, обеспечивающие независимость судебной системы, назову двух человек и поясню их роль в этой сфере. Лорд-канцлер — высший сановник правительства и член кабинета министров. Он отвечает за эффективное функционирование и независимость судов. Лорд-канцлер также является государственным секретарем юстиции (в других странах эта должность называется «министр юстиции»). Он политик, а не адвокат. По закону («Закон о конституционной реформе» 2005 года) лорд-канцлер обязан обеспечивать постоянную независимость судебной системы. По положениям закона лорд-канцлер и другие министры не должны стремиться влиять на принятие конкретных судебных решений, пользуясь какими-либо тайными связями с судьями. Он должен способствовать защите независимости судей и поддерживать судебную систему в процессе реализации ее функций.

Другим лицом является лорд главный судья — глава судебной власти и председатель судов Англии и Уэльса. Он профессиональный юрист и судья.

Будучи представителями исполнительной и судебной властей, эти высокие чиновники совместно несут ответственность за множество аспектов независимости судебной системы.

Процедура назначения

В Англии и Уэльсе судьи назначаются королевой по рекомендации лорда-канцлера. Судей не выбирают, нет также каких-либо положений закона, по которым эти назначения должны рассматриваться и утверждаться органами законодательной власти. Например, в США подобные принципы применяются.

Комиссия по назначению судей в Англии и Уэльсе (основана в 2005 году) является независимым органом, который проводит процедуру назначения. Судьи представлены в Комиссии, но не составляют большинства в ней, ее председатель не является юристом. Заявки на должности подаются на открытом конкурсе, о котором сообщается в прессе. И даже кандидаты, подающие заявку на пост более высокого уровня (например, окружного судьи), должны, сославшись на свой опыт, доказать, что они отвечают необходимым критериям, которые отражают:

- интеллектуальные способности: знание закона, опыт работы, способность быстро анализировать информацию, желание учиться и развиваться в профессиональном отношении (см. далее «Обучение»);
- личные качества, в том числе: репутация, независимость суждений, здравый смысл, решительность, объективность;
- способность анализировать и вести дела справедливо, что предполагает осознание этнокультурного разнообразия общества, которому служит суд; приверженность справедливости, независимости, службе обществу; справедливое отношение и желание терпеливо и вежливо выслушивать собеседника;
- компетентность и контактность;
- эффективность.

Комиссия рекомендует назначения лорду-канцлеру, у которого очень мало полно-

мочий наложить вето. Он рекомендует назначения королеве.

Немного статистики: на 1 апреля 2012 года в стране работали 665 окружных судей, 114 из которых были женщинами (17,1%), и 11 представляли темнокожие или этнические меньшинства (1,7%). У нас еще много работы в отношении того, чтобы судебная система в целом в большей степени отражала реальный состав общества, которому она служит.

Сроки и условия работы

Сроки и условия работы судьи должны обеспечивать ему защиту от личного или институционального давления. Судья никогда не должен ощущать, что правительство им недоволено, что его зарплата под угрозой. Наши зарплаты устанавливаются правительством, но делается это по рекомендации независимой Комиссии по окладам высокопоставленных служащих, хотя иногда рекомендации применяются с опозданием, как это было во время последнего финансового кризиса.

Многим адвокатам, когда они становятся судьями, приходится отказываться от более высоких доходов в частной практике. Уровень зарплаты должен обеспечивать разумную компенсацию труда — не в сравнении с гонорарами за коммерческие услуги, а достаточную для того, чтобы побудить хороших специалистов подавать заявки на должности судей.

Неслужебная деятельность и интересы

Судьи не только должны быть независимы, их независимость должна быть очевидна. Это требование накладывает ограничения на деятельность судьи вне сферы его должностного поведения. Основной принцип здесь состоит в том, что судья, пока занимает свою должность,

должен себя вести так, как того требует положение судьи. Он не должен заниматься деятельностью, которая может подорвать его репутацию или даже создать видимость влияния на его независимость или непредвзятость. К примеру, судье не следует:

- выполнять какую-либо другую оплачиваемую работу;
- занимать руководящие посты в коммерческой компании, независимо от того, оплачиваемый это пост или нет;
- заниматься любой политической деятельностью; судья не может избираться в парламент;
- после ухода со своего поста, он не может вернуться к практике частного поверенного или адвоката.

Кроме того, предполагается, что судья будет так вести себя в личной жизни, чтобы свести к минимуму возможность конфликта интересов или вреда его репутации.

Обучение

Колледж судей предоставляет обучение судьям после их назначения и на протяжении всей карьеры: в сфере законодательства; в вопросах процедуры и анализа доказательств, навыков управления и руководства; в отношении социального контекста, в котором происходит принятие судебных решений.

Посещение курсов обязательно, и неявка может привести к дисциплинарной ответственности. Методы обучения включают курсы с проживанием, дневные семинары, электронные сообщения и дистанционное обучение. Курсы читают судьи, ученые и представители связанных с юстицией дисциплин — психиатры, психологи, управляющие тюрем, и они должны соответствовать очень высоким стандартам. Столь высокий уровень обучения обеспечивает судье прочную основу независимости.

Жан Тэнгли. Балуба. 1962

Дисциплинарные процедуры

Чтобы независимость судей отражала это состояние, судья должен понимать, что работа ему обеспечена и уволить его с должности можно только после строгого выполнения определенной процедуры. Тем не менее судья всегда может столкнуться с жалобами или критикой своих действий в суде.

Отдел расследований по судебным жалобам (JSIO)

Этот отдел оказывает поддержку лорду-канцлеру и лорду верховному судье в обеспечении их совместной ответственности за дисциплину в судебной системе. Он проводит расследования по жалобам в отношении личного поведения судьи в суде. Он не может заниматься жалобами

по решениям судьи, которые проходят процедуру апелляции.

Жалобы воспринимаются очень серьезно, однако количество разбираемых и подтвержденных жалоб невелико. В 2012–2013 годах JCIO рассмотрел 2154 жалобы в отношении всех лиц, занимающих какие-либо должности в судебной системе, включая трибуналы и суды. Жалобы касались конфликтов интересов, неподобающего поведения, преступных и прочих дел. В целом 55 жалоб получили подтверждение; и среди судей, в отношении которых эти жалобы были поданы, одна треть получила выговоры, треть была уволена со своей должности и треть подала в отставку.

Какие основания оправдывают увольнение?

Окружной судья может быть уволен со своей должности на основаниях, относящихся к его поведению в качестве судьи или личному поведению, включая: проступки (судимость, в том числе за вождение под воздействием алкоголя и наркотиков), болезнь, неспособность соответствовать требованиям программы обучения; злостное невыполнение норм, обоснованно ожидаемых от лица, занимающего должность в судебной системе. Любое решение по увольнению судьи принимается лордом-канцлером по согласованию с лордом верховным судьей.

Судебный надзор

Верховенство права требует, чтобы у суда были юридические полномочия рассматривать действия правительства, чтобы обеспечить их законность и предотвратить волюнтаристские и несправедливые действия. Юридическая процедура, по которой подвергается сомнению законность действий исполнительной власти, называется судебным надзором. Эта сфера применения закона стремительно

расширилась за последние 30 лет. Это произошло по следующим двум причинам: все большей сложности современного общества, которая приводит к увеличению контроля исполнительной власти над деятельностью граждан, и растущим признанием того, что действия исполнительной власти можно подвергнуть сомнению.

Подобные действия очевидным образом могут привести к конфликту судей с исполнительной властью. Судей могут обвинять в превышении полномочий, и иногда политики призывают к сокращению полномочий судей. Однако решения судей не замещают решения исполнительной власти. Они только проверяют, соответствовали ли действия исполнительной власти какому-либо закону, принятому парламентом. Чтобы судьи Верховного суда имели возможность призвать правительство к ответу, их необходимо защитить от решений исполнительной власти и ее влияния.

Судьи — председатели комиссии по расследованиям

Правительство часто просит старших представителей судебного корпуса председательствовать во время общественных расследований, на заседаниях комиссий комитетов департаментов и при проведении расследований. За последние 20 лет судьи провели целый ряд внесудебных расследований, в том числе отвечающих на вопросы, вызывающие озабоченность общества, например продажа вооружения Ираку, гибель 96 болельщиков «Ливерпуля» на футбольном стадионе в 1989 году, незаконное завладение информацией газетами. Рамки проведения общественных расследований утверждаются правительством после переговоров с судьей, а также в ответ на реакцию общественного мнения и политическое давление. Решение, следовать ли рекомендациям

судьи, остается за правительством. Подобных расследований, возглавляемых судьями, за последние годы становится все больше, а это говорит о том, что существует определенная уверенность в способности судей действовать независимо.

Иммунитет

Судьи должны иметь возможность осуществлять справедливость под защитой закона, не опасаясь репрессий. Это должно обеспечиваться в профессиональных и личных интересах судей, а также для блага общества, которое знает, что судьи должны выполнять свои официальные функции независимо и не опасаясь последствий. Поэтому судьи защищены от уголовного преследования за какие-либо действия, предпринятые ими во время исполнения своих служебных обязанностей. Им также предоставляется иммунитет от исков по гражданскому законодательству за убытки, понесенные в результате их высказываний о сторонах или свидетелях в процессе рассмотрения дел.

Тем не менее судьи не стоят над законом. Они также подчиняются закону в отношении своего поведения в личной жизни, как и все граждане.

Сторона, не удовлетворенная судебным решением, может обратиться в суд более высокого уровня, а в случае окружных судов — в Апелляционный суд. Однако апелляцию нельзя подать только из-за того, что вы не согласны с решением окружного судьи. Для апелляции необходимы основания: например, то, что окружной судья ошибочно интерпретировал закон или улики, или существует какая-либо серьезная причина, по которой апелляцию следует рассмотреть, последнее обычно относится к общественной политике.

Если Апелляционный суд подвергает критике окружного судью, постановление Апелляционного суда направляется этому судье и председательствующему судье данного округа. Если Апелляционный суд поднимает какую-либо частную проблему, судье могут быть предложены консультации, обучение или какая-либо иная работа. В случае серьезной критики поведения судьи вопрос передается на рассмотрение лорда верховного судьи и лорда-канцлера.

Независимость от других судей

Судьи Англии пользуются весьма значительной свободой принятия решений и действуют так, как они считают правильным в обстоятельствах каждого отдельного дела.

Однако, если судья независим и каждый судья может разрешить спор или вынести приговор по уголовному делу так, как считает правильным, существует риск возникновения несовпадений между решениями судей, что было бы несправедливым. Один судья может считать, что преступника необходимо наказывать заключением в тюрьму на длительные сроки. Другой может верить в реабилитацию и считать, что вынесение приговора без лишения свободы или заключение на короткий срок будут более эффективными. Нарушитель наверняка предпочтет второго судью, однако судью он выбирать не может. Каким образом юридическая система Англии борется с такой несправедливостью?

Прецедентное право и власть

Юридическая система Англии развивалась на протяжении столетий. В ней нет единого закона, она состоит из законов, норм и решений, принятых судьями, и по делам, рассматриваемым в судах высших инстанций (Апелляционном суде и

Верховном суде). Констатация по правовому вопросу, сделанная старшим судьей, например разъясняющая закон, может стать обязательной к исполнению для судей более низкого уровня. Это означает, что когда судья в суде более низкого уровня принимает решение по подобному или схожему делу, он будет обязан применять закон так, как это уже сделал ранее судья более высокого уровня. Эта система прецедента способствует развитию законодательства, а также создает определенную преемственность и более высокую определенность в отношении закона. Это может считаться ограничением свободы суда более низкого уровня, однако эта свобода ограничивается законом.

Совет по вынесению приговоров

При разборе уголовного дела в суде присяжных судья не принимает решений о том, виноват подсудимый или нет. Это решение принимается жюри присяжных, состоящем из имеющих право голоса жителей данной местности, которые входят в жюри благодаря выборке. Если жюри присяжных признает обвиняемого виновным, судья должен вынести приговор, учитывая положения закона и руководствуясь при этом правилами, опубликованными Советом по вынесению приговоров.

Совет по вынесению приговоров был создан для обеспечения большей прозрачности и обоснованности в вынесении приговоров и для одновременного обеспечения независимости судебной системы. Это независимый, вневедомственный общественный орган министерства юстиции. Его члены из числа судей назначаются лордом верховным судьей по согласованию с лордом-канцлером. Назначение членов совета извне судебной системы делается по взаимному согласованию, на основании открытого конкурса.

Главная функция Совета по вынесению приговоров состоит в выпуске инструкций по вынесению приговоров, которым должны следовать суды, за исключением тех случаев, когда отказ от следования этим инструкциям обоснован интересами правосудия. Его функции включают в себя:

- разработку инструкций по вынесению приговоров и надзор за их применением;
- оценку влияния инструкций на практику вынесения приговоров;
- рассмотрение влияния вынесения приговоров на жертв преступлений;
- содействие осознанию и пониманию общественностью реального содержания приговоров для повышения доверия к системе уголовной юстиции.

Эти функции Совета по вынесению приговоров отражают равновесие между независимостью судьи и потребностью в согласованности действий. Судья, выносящий приговор по уголовному делу, должен следовать соответствующим инструкциям, за исключением тех случаев, когда он решает, что в интересах справедливости необходимо иное решение. Это предоставляет судье значительную свободу, но он должен быть готов обосновать причины, по которым он принял решение, отличающееся от того, что рекомендовано инструкциями.

Независимость и конфликт интересов

Совершенно очевидно, что судья не может принимать решения по делу, в котором у него есть личный интерес, например когда он может получить выгоду, встав на чью-либо сторону, или там, где участвуют члены его семьи или друзья.

Я уже говорила, что судьи не только должны быть независимы, они должны внешне выглядеть таковыми. Поэтому признаётся, что судья не может принимать решения по

Сезар. Экспансия # 14. 1970

делу, если существует некая связь между судьей и одной из сторон какого-либо процесса, из-за чего может возникнуть ощущение, что судья решает дело в своих личных интересах, и может быть подвергнута сомнению его непредвзятость.

В 1999 году в Великобритании имел место именно случай, когда испанский суд потребовал экстрадиции бывшего президента Чили генерала Пиночета. Это дело было послано на апелляцию в палату лордов, которая тогда являлась высшей судебной инстанцией (теперь это Верховный суд). Одним из ее членов был лорд Хоффман, судья чрезвычайно высокой репутации. Тем не менее лорд Хоффман являлся членом Amnesty International — организации, которая выступает в защиту прав политических заключенных и арестованных по политическим мотивам, и она была одной из сторон процесса. Когда

палата лордов узнала об этом, апелляцию рассмотрел заново другой состав суда, в котором лорд Хоффман не заседал.

Независимость от законодательных органов

Члены парламента призваны соблюдать норму, по которой они не должны обсуждать вопросы, находящиеся в судопроизводстве, что ограничивает их свободу, но защищает судебную процедуру от вмешательства и предвзятости.

Критика судей

Существует традиция, по которой члены парламента (а также члены правительства) не критикуют отдельных судей или судей вообще за их решения, если данная проблема не была предложена палате общин

для обсуждения, например критика судей за то, как они проводят уголовные суды или выносят приговоры. Это дает возможность политикам высказываться по данному поводу, правда, в определенных рамках, когда они решают, что судьи действуют, не принимая во внимание изменения в общественном мнении. Разумеется, правительство может вмешаться в законодательство, чтобы воспрепятствовать судье вынести схожее решение в будущем.

Участие в политике

Существует прочная конституционная традиция (или практика), по которой судьи не должны принимать участия в политической деятельности партий. Судьи не имеют права избираться в палату общин.

Независимость от СМИ — прессы и Интернета

Должен ли судья сохранять независимость от общественного мнения, которое выражается СМИ или в последнее время в Интернете? Или же мы должны принимать во внимание взгляды, выражаемые частью прессы?

Пресса давно жаловалась, что судебные процессы по семейным вопросам, которые проводятся в частном порядке для сохранения конфиденциальности, проходят тайно, и общественность не знает, что решил судья и каковы были основания для его решения. Чтобы убедить общественность в том, что не происходит ничего незаконного, прессу стали допускать на заседания суда по семейным вопросам в последние пять лет. Правда, после первоначальных восторгов пресса не проявляла особого интереса к нашей работе. В начале 2014 года были введены новые нормы, согласно которым решения суда будут публиковаться на определенных веб-страницах без упоминания имен, чтобы нельзя было идентифицировать детей.

Много лет в Великобритании шли горячие споры по поводу вынесения приговоров преступникам. Часть прессы и некоторые люди считают, что судьи обычно назначают слишком короткие сроки. Правительства одно за другим реагировали на эту проблему в двух направлениях. Во-первых, они увеличили сроки заключения по преступлениям, которые вызывали серьезную озабоченность, например тяжелые сексуальные преступления или причинение смерти при опасном вождении автомобиля.

Однако увеличение диапазона сроков, которые могут назначаться при вынесении приговора, не обязательно означает, что приговоры всегда будут содержать эти сроки. Поэтому правительства также ввели ряд обязательных минимальных сроков заключения, например пожизненное заключение за второе серьезное нападение, независимо от периода его совершения, и обязательный минимум в пять лет заключения за незаконное владение огнестрельным оружием.

В настоящее время в прессе и парламенте горячо обсуждаются преступления с использованием холодного оружия, особенно среди молодежи, причем часто с участием очень молодых людей. Хотя официальная статистика говорит, что преступность, особенно с использованием ножей, снизилась в последнее время до рекордно низкого уровня, общественное мнение считает, что преступность с использованием холодного оружия представляет собой реальную угрозу и необходимо сразу выносить приговор к тюремному заключению, чтобы удержать людей, особенно молодежь, от ношения с собой ножей.

Влияние европейского законодательства

Значительная часть критики, направленной в адрес судей в прессе, сосредоточена

на на вопросах уголовного права или правах человека. Я изучила изменения в уголовном законодательстве, за принятие части которых пресса выступала.

Европейская конвенция о защите прав человека 1956 года включена в английское законодательство Законом о правах человека 1998 года, вступившим в силу в 2000 году. Закон этот приводит все английское законодательство в соответствие со стандартами, изложенными в Европейской конвенции о защите прав человека, например с правом на справедливый суд, правом на жизнь в семье. Некоторые критики утверждают, что благодаря Закону о правах человека Европа стала определять законы Англии. Критика эта забывает, что Великобритания подписала Конвенцию еще в 1956 году и многие ее положения уже успели стать частью английского законодательства.

Иногда утверждается, что судьи могут пренебречь английскими законами, аргументируя это тем, что английский закон несовместим с правами и свободами, гарантированными Европейской конвенцией о защите прав человека. Довод о несовместимости не отменяет закон. Он только требует от парламента рассмотреть изменения в английском законодательстве, необходимые для того, чтобы оно соответствовало европейской конвенции. Окончательное решение остается за парламентом, а не за судебной системой.

Время от времени пресса одобрительно отзывается о решениях судей. В июле 2013 года Европейский суд по правам человека в Страсбурге принял решение, что пожизненные сроки, на которые в Великобритании были осуждены трое мужчин за зверское убийство многодетного отца, являются бесчеловечными и унижительными, поскольку не существовало формального механизма пересмотра дела, который мог бы в будущем

дать им возможность выйти на свободу. В феврале 2014 года Апелляционный суд решил, что судьи Европейского суда по правам человека заблуждались, поскольку полномочия пересматривать полное пожизненное заключение существуют — при исключительных обстоятельствах.

Независима ли английская судебная система?

Вернусь к вынесенному в заголовок вопросу: действую ли я независимо, когда выношу решения по делу в суде?

Независимость судей закреплена законом, защищается и высоко ценится. Обычно судьи — это независимые люди, имеющие собственное мнение: они ценят свою независимость и упорно ее отстаивают. Стоит только власти объявить о планах изменить закон таким образом, что он может ограничить независимость судей, это вызывает волну возмущения — не только со стороны судей, но и со стороны тех, кто поддерживает независимость судебной системы как часть нашей демократии.

Законы, нормы и традиции, защищающие независимость судей, уравниваются правами человека, которые обеспечивают необходимый уровень преемственности в действиях судов различного уровня и отдельных судей. Подобное равновесие характерно также для других аспектов демократии.

Отсюда ответ на мой вопрос: я считаю, что действую независимо, когда выношу решения по делам, но мои решения должны выноситься в определенных рамках, которые действуют по отношению к всей судебной системе, и совершенно справедливо и правильно, что моя деятельность должна соответствовать этим рамкам.

*Перевод с английского
Андрея Патрикеева*

История о том, как поляки помогают гражданскому обществу Таджикистана

*Мартына Квятковска,
координатор программ фонда «Образование для демократии»
Мартына Михалик,
сотрудник фонда «Образование для демократии»*

Двенадцать лет назад, побывав в Средней Азии, Кшиштоф Становски, тогдашний председатель польского некоммерческого и негосударственного фонда «Образование для демократии» (FED) прикрепил над своим рабочим столом конверт с надписью: «Таджикская корова». На пожертвования, скапливавшиеся в этом конверте и передаваемые потом в Таджикистан, наши местные партнеры купили более полусотни коров. Этот скот мы дарили клубам женщин — неформальным объединениям, действующим в кишлаках Согдийской области. В 2013 году, благодаря организованным нашим фондом акциям по сбору средств, мы с помощью заинтересовавшихся таджикскими проблемами поляков сосредоточили на своем специальном счете 8805 польских злотых (около 2880 долларов). Эти деньги снова ушли в Таджикистан, но в прошлом году женские клубы Согдийской области покупали на них уже не коров, а швейные машины и машины для компьютерной вышивки.

С кем мы сотрудничаем?

Установив заочный контакт с таджикскими партнерами, мы решили перейти к непосредственной работе с ними в самом Таджикистане. Упомянутые выше клубы женщин — это группы, объединяющие от 10 до 80 членов. В Согдийской области, на севере Таджикистана, они создаются учительницами, библиотекарями, медсестрами, рыночными торговками и, в основном, домохозяйками. С ними мы работали на протяжении нескольких лет. В 2013 году, запустив проект «В ногу со временем», фонд «Образование для демократии» начал работать и в южной части страны, в Хатлонской области. И для нас, и для нашего местного партнера — Ассоциации научно-технической интеллигенции Таджикистана (АНТИ) — это был серьезный вызов. Следует сказать, что АНТИ — это общественная организация, осуществляющая разнообразную деятельность, в том числе гражданское просвещение разных групп общества, и поддерживающая развитие малого бизнеса.

Именно на юге страны, где реализуются наши нынешние проекты, во время гражданской войны 1990-х годов, называемой самими таджиками «братоубийственной», шли самые тяжелые бои. Первые выстрелы про-

звучали в 1992-м, а перемирие было заключено только в 1997 году. В то время большая часть населения, прежде всего женщины и дети, были вынуждены бежать на север страны или в соседний Афганистан. Возвращаясь в родные места после нескольких месяцев скитаний, они чаще всего находили разграбленные дома, а нередко и просто опустошенную землю. Поджоги хозяйств были повсеместным явлением. Разумеется, страдания и травмы того времени напоминают о себе до сих пор.

В апреле 2013 года, посетив Хатлонскую область, мы встретились с несколькими группами женщин, заинтересованных в сотрудничестве с нами. Вместе с Маликой Боймурадовой, координатором проекта от лица АНТИ, мы ездили по самым заброшенным деревням региона и рассказывали о мероприятиях, запланированных в рамках проекта «В ногу со временем». Мы предлагали местным жительницам занятия по приобретению навыков командного взаимодействия, ведению предпринимательской деятельности и планированию работы женских организаций. Одновременно местным жительницам представлялись итоги нашего прежнего сотрудничества с женскими объединениями на севере страны. В результате десять групп, в целом 100 женщин из районов Бохтар и Вахш, впервые в жизни приняли участие в инициативе, нацеленной на гражданскую активизацию женщин и расширение их вовлеченности в дела местных сообществ.

В чем состояла работа по проекту?

Наш опыт работы на севере страны показывает, что долгосрочные результаты приносят только те действия, которые повышают индивидуальную квалификацию женщин и расширяют возможности всей группы. В 2012–2013 годах местные тренеры обучили на курсах кройки и шитья более 200 молодых девушек. Кроме того, в каждой из семи деревень Согдийской области, где работают сотрудничающие с нами клубы, проводились встречи со специалистами разных направлений, например с врачами-педиатрами. Благодаря тому обстоятельству, что организаторами встреч выступали именно женские клубы, их позиции в местной среде заметно укрепились. В прошлом году в рамках проекта «Сила женщин — в клубах женщин» все семь сотрудничавших с нами клубов из северного Таджикистана на протяжении восьми месяцев могли пользоваться услугами специалистов, профессионально занимающихся организацией бизнеса. Открывая работу с конкретным клубом на мастер-классах, в которых участвовали все женщины данной группы, мы обсуждали ее предыдущую деятельность. В ходе последующих встреч с консультантом каждая группа разрабатывала собственный бизнес-план и бюджет на последующие месяцы. Например, клуб женщин «Ойзода» из деревни Гозиен Гафуровского района при поддержке консультанта Азизходжи Ходжаева решил открыть швейную мастерскую. Прежде в этой деревне не было предприятия подобного профиля, и жителям даже ради мелкой починки приходилось ездить за пять километров, в соседний город Ходжент.

В этом клубе состоят 20 женщин, 18 из которых активно участвуют в его работе. Они ежедневно занимаются домашним хозяйством, ухаживают за сельскохозяйственными животными, торгуют продуктами на рынках, работают на земле, служат медсестрами. Одна из них работает в органах местного самоуправления. Женщины из клуба «Ойзода» убедили местные власти бесплатно передать им одно из пустующих деревенских зданий. На свои средства они отремонтировали два помещения, провели туда электричество и наладили работу мастерской. В самом начале проекта каждая из участниц, несмотря на огромное рвение, владела только самыми базовыми навыками шитья. По совету консультанта они пригласили к сотрудничеству опытную портниху, которая обучила активисток обслуживанию машины с оверлоком и машины для компьютерной вышивки. Средства на оплату труда этой наставницы были получены от продажи одежды, сшитой в самой мастерской. Сами орудия труда — четыре швейные машины с оверлоком и одна машина для компьютерной вышивки — были приобретены за счет проектных средств.

«Когда заканчиваются уроки в соседней школе, в мастерской поднимается гул, молодые девушки приходят посмотреть, как работают матери, — рассказывает руководительница клуба Муазам Бободжанова. — А если вдруг появляется свободное место, они сами садятся за машинку и учатся шить». Объявления об услугах мастерской, работающей при клубе женщин «Ойзода», развешаны в маршрутках, местном медпункте, школах и магазинах. Женщины специализируются на изготовлении традиционных женских костюмов, а также на ремонте одежды и не жалуется на отсутствие заказов. Конечно, не все идет гладко, причем некоторые препятствия женщины-активистки не в состоянии устранить сами. Так, с октября по апрель в таджикской глубинке наблюдаются перебои в снабжении электроэнергией, а с августа по октябрь все женщины в обязательном порядке мобилизуются на сбор хлопка: Таджикистан остается одной из последних стран в мире, где большую часть хлопка еще собирают вручную. Но наши

партнеры не опускают руки, поскольку отмеченные обстоятельства не снижают эффекта от их деятельности по укреплению авторитета и самосознания женщин. Работа польского фонда в Таджикистане направлена в основном на поддержку самых бедных женщин и вдохновляется надеждой на то, что, обретя новые умения и навыки, они начнут зарабатывать хотя бы небольшие деньги, повысив не только уровень жизни своих семей, но и социальную значимость женской самоорганизации в традиционно мужском обществе.

Как все начиналось

Акция «Таджикская корова» в нынешнем году празднует свое 12-летие. Прошло уже три года с того момента, когда помощь, основанную на спонтанном порыве множества людей, удалось превратить в системную и регулярную поддержку клубов женщин не только на севере, но и на юге Таджикистана. За последние годы «Корова» (в Польше называемая таджикской, а в Таджикистане польской) стала одним из флагманских проектов фонда «Образование для демократии», по которому нашу организацию узнают в разных средах.

С самого начала 1990-х годов фонд активно работал в Украине, Беларуси, Литве, Латвии, Эстонии. Его тренеры проводили семинары для учителей, активистов неправительственных организаций, лидеров местных сообществ. В 1993 году наши представители в сотрудничестве с американскими партнерами впервые провели в Узбекистане занятия для местных общественных деятелей, собравшихся со всей Ферганской долины. Именно так состоялся первый контакт тренеров фонда «Образование для демократии» с членами неправительственных организаций из Средней Азии.

В последующие годы наши семинары проводились на территории Узбекистана (деятельность в Таджикистане была тогда невозможной из-за войны), куда приезжали не только узбекские, но и киргизские, казахские, таджикские общественники. В середине 1990-х годов в ходе семинара для женщин — местных лидеров тренеры фонда познакомились со своими будущими партнерами, представлявшими Ассоциацию научно-технической интеллигенции Таджикистана, и впервые узнали о женских клубах, недавно появившихся в этой стране. Услышав рассказ об одном таком создающемся клубе, Кшиштоф Становски спросил, как он может помочь. Описывая сложную жизнь таджикской деревни, женщины рассказали ему о том, насколько важную роль в выживании семьи играет корова. Вытащив из кармана сто долларов, Становски передал деньги женщинам с просьбой потратить их именно на корову.

Так начиналось наше дело, которое, по-видимому, будет развиваться и в будущем, претворяясь в новые просветительские и социальные проекты.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах

Екатерина Шульман. Законотворчество как политический процесс. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. — 184 с.

Каковы природа и институциональные механизмы законотворчества? Как их толковали философы прошлого и видят классики современной политической науки? Почему количество законов и скорость их изменения отнюдь не отражают качества правовой среды и эффективности власти? Какие особенности политико-правовой реальности позволяют говорить о симптомах деградации законотворчества в России? Что, по мнению автора, способно реанимировать законодательный процесс, в том числе и в парламенте?

Эти и многие другие сложные вопросы анализирует в своей книге Екатерина Шульман, кандидат политических наук, специалист по проблемам законотворчества. На основе обширного отечественного и зарубежного материала, а также опыта работы в Государственной думе автор реконструирует динамику российского законотворчества за последние пятнадцать лет, раскрывает его суть, политическое содержание, проблематику.

Книга может быть использована как пособие для изучения теоретических основ и практик правотворчества в современной России.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс, происходящий между рождением законопроектного замысла и превращением его в обязательное для исполнения всеми гражданами правило, неизменно привлекает внимание наук, занятых изучением человека и общества. Законотворчество, являющееся одной из центральных функций государственной власти и одновременно концентрированным выражением разнонаправленных социально-политических интересов, традиционно рассматривается правовой и политической наукой. При этом в центре внимания исследователей находится не только конечный продукт законотворческого процесса — законодательная новация (являющаяся преимущественно предметом правового анализа), но и сам процесс разработки, согласования и обсуждения законопроектов — процесс по природе своей политической.

Вопрос о том, кому преимущественно должно принадлежать право законодательной инициативы — или, шире, кто может являться наилучшим, наиболее эффективным автором и разработчиком новых законов, приобретает в этой связи актуальность на любом этапе развития конституционной

системы той или иной страны. Поскольку законотворческие полномочия очевидным образом позволяют влиять на структуру и деятельность всей системы государственного управления, проблема нахождения баланса между законодателем и исполнителем и достижения нужного равновесия в их постоянном влиянии друг на друга всегда будет интересовать как теоретиков, так и практических государственных деятелей.

Любая реформа, требуемая обществом или декларируемая государственной властью, верифицируется как действительное намерение, план, программа государственной власти через принятие релевантных государственных решений. По принятой в политологии классификации, государственные решения носят законодательный или нормативный характер¹. При всей важности публичных высказываний, выступлений в средствах массовой информации и прочих посылаемых обществу и элитам сигналов определяющим отличием государственного решения от медийного фантома является его законодательная и нормативная обеспеченность. У государственной власти не так много способов проявить себя вовне, базисно они сводятся (если рассматривать мирное время, вне чрезвычайных ситуаций) к законодательным и кадровым изменениям — принятию новых законов и назначению новых людей.

Являясь точкой сосредоточения разнонаправленных политических волей и приложения разнообразных общественных интересов, законотворчество, представляющее собой в наиболее чистом и наглядном виде инструмент создания и перераспределения властного ресурса, всегда будет обладать политической актуальностью и находиться в центре публичного внимания. Распространенное убеждение, что общественность не интересуется работой законодательного органа, парадоксальным образом сочетается с тем фактом, что при всяком нарушении действующего политического консенсуса вторым предметом обсуждения — после персонального состава органов власти — делается возможность и необходимость тех или иных законодательных новаций и реформ деятельности законодательного органа.

В истории российского парламентаризма последних десяти лет ограничения, накладываемые на законотворческий процесс, носили как правовой (регламентный), так и неформальный характер. Процесс этот, приведший к ныне существующему положению вещей в законотворчестве, происходил наиболее интенсивно начиная с 2004 года, чем и объясняется различие в условиях работы и результатах деятельности Государственной думы третьего созыва (1999–2003), и последующих четвертого (2003–2007) и в особенности пятого (2007–2011) созывов.

За прошедшие девять лет, или два полных парламентских созыва, пониманием того, что созданная модель парламентаризма не способствует ни конструктивной, ни эффективной законотворческой деятельности и не в состоянии качественно производить непосредственный продукт законотворчества — законодательный акт, постепенно проникалось как общество, так и властвующая элита, с чьими интересами эта модель также вступила в противоречие. События конца 2011 года показали, что недовольство неадекватностью правил, по которым происходит политическая борьба в России², а также несоблюдением даже этих установленных правил со стороны исполнительной, законодательной и судебной властей³ сконцентрировалось вокруг

результатов выборов в высший законодательный орган и напрямую касается необходимости изменений политических и правовых рамок законодательства.

Вопросы политических условий, в которых осуществляется законотворческий процесс, находятся и будут в обозримом будущем находиться в фокусе внимания как властвующей элиты, так и всех видов СМИ, а также активной части общества, получившей в последние годы возможность публичного высказывания посредством новых форм информационного обмена (социальных сетей, свободных сетевых медиа). Речь идет именно о проблематике, находящейся в центре нашего исследования, — о соотношении правовых и политических рамок, в которых проходит законотворческий процесс, и результатов этого процесса, о причинах, ходе и итогах трансформации этих рамок, об их влиянии на законодательный итог совместной работы исполнительной и законодательной власти.

Очевидно, что всякую регламентированную публичную деятельность, в том числе и создание и легитимизацию новых законов, наиболее естественно рассматривать с правовой точки зрения. Именно изложению и толкованию нормативных актов, регулирующих эту сферу, и посвящен максимальный объем научной литературы по данному вопросу, предложенный именно юристами⁴. Для авторов, представляющих политическую науку, свойственны попытки сравнить текущую российскую ситуацию с западными аналогами, доказать, что нынешний этап развития российского парламентаризма либо соответствует международным стандартам, либо отклоняется от них⁵.

Каким именно образом происходит согласование интересов в законотворческом процессе, если парламент формируется в условиях все менее явной политической конкуренции и функционирует в режиме все меньшей публичности? К кому переходит функция согласования интересов, если политическая дискуссия очевидным образом уходит из сферы компетенции парламента? Ответ на эти вопросы может дать анализ и более четкое понимание политической природы законотворческого процесса.

Поскольку механически расчлнить этот процесс на правовую и политическую составляющие невозможно, в книге будут освещены и юридические вопросы. Однако цели работы требуют сосредоточения именно на политической компоненте — которая, в отличие от правовой, в силу своей природы не может быть полностью отражена в правоустанавливающих и регламентирующих документах и которой, несмотря на значительный корпус научных трудов по этой и смежным темам, не уделяется в России достаточно внимания.

4. ЭФФЕКТИВНЫЙ ПАРЛАМЕНТ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

Что такое эффективное законодательство

Прежде чем перечислять факторы, влияющие на законотворческую деятельность как парламента, так и системы власти в целом (поскольку очевидно, что законодательство если и концентрируется в своем наиболее

публичном проявлении в парламентских стенах, то не ограничивается ими), рассмотрим само понятие продуктивности, или эффективности, законотворческой деятельности. Этот термин (точнее, ассоциированный с данной тематикой набор терминов) весьма неоднозначен: в правовой и политологической литературе говорится как об эффективности законодательства, так и об эффективности законотворчества, законотворческого процесса и эффективности парламента/парламентской работы в целом¹²¹. Теоретические вопросы эффективности законодательства в достаточной мере разработаны правовой и политической наукой начиная с пятидесятих годов предыдущего столетия. Отметим в этом направлении достижения теории правового инструментализма¹²², а также подход к эффективности принятия решений, использующий математические разработки теории игр (такой подход, в частности, разделяется политологической школой Public choice — общественного выбора). Использование количественных методов при изучении влияния игроков, участвующих в принятии коллективных решений, имеет уже более чем полувековую историю.

Так, еще в 1954 году Л. Шепли и М. Шубик разработали индекс, позволяющий оценивать влияние участников при принятии коллективных решений. Их работа имела большое значение для развития теории игр, однако не получила такого общественного резонанса, как работа Дж. Банцафа, где доказывалось, что общепринятое представление о наличии строгой зависимости между числом депутатских мест, которыми располагает партия, и ее влиянием в парламенте ошибочно¹²³.

Не углубляясь в теоретические положения, стоящие за термином «эффективность закона», как он понимается в правовой науке, отметим, что в российском и европейском (американском) понимании и применении этого термина имеются определенные различия. Вот мнение профессора В.Б. Исакова: «В российской традиции слово «эффективность» понимается более широко, примерно так, как в Европе понимают оценку законов. В европейской традиции эффективность — один из элементов оценки. В российской научной — широкая категория, которая охватывает разные аспекты эффективности»¹²⁴.

Англоязычные исследования, в которых анализируется эффективность того или иного принятого законодательства, обычно исходят из вполне логичного предположения, что эффективное законотворчество есть то, которое приводит к принятию закона, решающего поставленную в нем социальную и экономическую проблему. Например, исследование эффективности законодательства против вождения в пьяном виде или ужесточения мер ответственности за нарушение правил техники безопасности будет измеряться сравнением частоты случаев аварий с участием пьяных водителей или несчастных случаев на производстве до принятия закона и после вступления его в действие¹²⁵.

Особенно популярны такие исследования эффективности в области уголовного законодательства, а также любого рода запретительных мер — что вполне понятно. Достаточно легко проследить, как сказывается, например, запрет аборт на рождаемости или увеличение сроков тюремного заключения за то или иное преступление на числе преступлений. Однако

не все законодательство носит линейный запретительный характер. Сложнее проследить эффект (и, следовательно, эффективность) комплексного законодательства, такого как Трудовой или Гражданский кодекс, или закон о валютном регулировании и валютном контроле.

Вот пример того, как российский исследователь-практик, связанный непосредственно с парламентской работой, формулирует сложность комплексного подхода к проблеме законодательной эффективности: «В теоретическом анализе и практическом измерении нуждается эффективность, во-первых, системы правового воздействия в целом, во-вторых, системы нормативного юридического воздействия (правового регулирования в собственном смысле этого слова) и, в-третьих, системы юридического воздействия с помощью индивидуальных актов. <...> Показателем эффективности нормативного регулирования правоприменение служит и в том отношении, что характеризует средства, избираемые законодателем для полного осуществления своей воли. <...> В самом широком смысле эффективность закона включает в себя результативность действия всех средств, призванных обеспечить достижение его целей»¹²⁶.

Попытку связать эффективность законодательства с его влиянием на состояние общественных отношений в целом мы видим в тех критериях, которые используются Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Отдел мониторинга законодательства), и применяются также Советом Федерации при оценке результативности своей деятельности: «Наиболее эффективным считается законодательство, обеспечивающее максимально возможную реализацию одних прав человека при минимальном ограничении других. <...> С учетом сказанного под эффективностью действия законодательного акта следует понимать степень соответствия уровня конфликтности регулируемых им отношений оптимальному уровню конфликтности в той или иной сфере общественной жизни. Такое определение поддается эмпирической верификации, то есть понимаемая таким образом эффективность нормы может быть выявлена и измерена в процессе эмпирического социологического исследования»¹²⁷. Как видим, указанный подход рассматривает в качестве своего методологического базиса на социологические исследования, отдавая должное той комплексности влияния закона на общество, которое и делает сомнительной возможность любого линейного расчета эффективности законодательства.

Какой парламент лучше работает

Какой парламент является более эффективным, а какой менее, как можно объективно оценить его работу? Логично было бы предположить, что эффективным законотворческим процессом является тот, который имеет результатом принятие и вступление в действие эффективных (решающих поставленную задачу) законов.

Если брать критерии эффективности собственной работы, используемые, например, Государственной думой, то станет видно, что в качестве достижений в организации законотворческого процесса указывается количество принятых законопроектов (при этом особое внимание обращается на пра-

вительственные и президентские инициативы); скорость рассмотрения законопроектов; избавление законопроектной базы от устаревших и «зависших» проектов путем их отклонения; снижение количества законов, отвергнутых Советом Федерации и/или президентом; рост процента выполнения программы законопроектной деятельности на сессию, особенно в части первоочередных законопроектов, которые, в свою очередь, чаще всего бывают инициированы президентом и правительством¹²⁸.

Такого рода подход может показаться механистичным, поскольку Государственная дума оценивает свою работу исходя из того, насколько быстро она выполняет поручения исполнительной власти и реализует собственные плановые документы. Но, с другой стороны, этот метод оценки, при всей его упрощенности, позволяет адекватно оценить не столько уровень эффективности парламента (если понимать этот термин во всей его смысловой глубине), сколько уровень работоспособности парламентского администрирования — рациональность планирования, налаженность документооборота, уровень фракционной, комитетской и общей депутатской дисциплины.

Эти факторы не следует недооценивать — именно недостаток такого рода организационных навыков в большей степени, чем оппозиционный настрой депутатов (как обычно полагают), сделал думы первых двух созывов практически неработоспособными (несмотря на прохождение в этот период некоторых важных законопроектов, таких как первые части Гражданского кодекса и новый Уголовный кодекс), и привел к росту так называемого указного законотворчества¹²⁹.

За исключением ситуаций экстремальной политической поляризации, подобных сложившейся в России в 1992–1993 годах, законодательная власть всегда готова сотрудничать с властью исполнительной. Более того, их сотрудничество неизбежно и исходит из самой природы взаимных конституционных отношений. Поэтому «оппозиционный настрой» как таковой редко выступает существенным препятствием парламентской работе. Гораздо чаще таким препятствием становятся накладываемые исполнительной властью ограничения на публичность, свободу и вариативность законотворческой деятельности.

Такое «линейное» понимание законотворческой эффективности как способности доводить законопроекты до стадии окончательного принятия не является отечественной спецификой. Оно встречается, например, в многочисленных американских исследованиях эффективности конгресса или сената в целом, президентской власти как инициатора законопроектов, а также отдельных парламентариев как законодателей¹³⁰. Такого рода подход производит уместное впечатление применимо к индивидуальному законодателю — «успешным депутатом» логично назвать того, кто сумел довести до принятия максимальное количество инициированных им/ею законопроектов.

Интересно, что в Великобритании, где отношения исполнительной и законодательной властей не носят дуалистического характера, такие исследования принимают несколько иные формы, чем в американской политической науке¹³¹.

Авторы работы «Законодательная эффективность в конгрессе», ссылаясь на классиков американской политологической мысли, пишут: «Политологи

давно полагали, что такие критерии, как эффективность и способность достигать цели, важны для понимания законодательной политики. Трумэн, например, рассуждает, как эффективность опытных законодателей влияет на парламентскую повестку в целом, создавая «собственных последователей, когда менее знающие или более занятые члены будут следовать за искусным ветераном». Американский политолог Ричард Фенно отмечает, что законодательная эффективность служит одним из аргументов в предвыборной рекламе, и как «до возможного предела — даже если для этого потребуется некоторое усилие воображения — члены парламента будут изображать себя как успешных законодателей на встречах со своими избирателями. <...> Естественно было бы предположить, что способность законодателя результативно проводить свои проекты по руслу законотворческого процесса будет иметь прямое влияние на то, в какие коалиции он вступает, на устойчивость его электорального положения и на успешность его продвижения к высшим должностям»¹³².

Применительно к исполнительной власти, по принципу разделения властей не имеющей непосредственных законодательных полномочий, такой подход выглядит еще более логичным — эффективность правительственного законотворчества состоит в способности провести свой проект через парламент. В западной политологии встречается довольно много работ, посвященных сравнительной эффективности (понимаемой в этом смысле) правительств при парламентской и президентской политических системах, опирающихся на устойчивое большинство и на широкие парламентские коалиции.

Вот характерный пример такого рода рассуждений: «Правительство меньшинства (при президентской системе правления. — *Е.Ш.*), сумевшее заручиться поддержкой большинства в парламенте, должно быть законодательно эффективно. Причина тому — не некий недостаток в коалиционном способе правления, а успешные компромиссы при распределении постов и выработке направлений государственной политики. Однако при президентской системе правительства, встречающиеся в парламенте с враждебным большинством, не смогут провести свои законы. Таким образом, мы видим, что правительства меньшинства вполне эффективны законодательно, но при президентской республике их эффективность ниже, чем при парламентской»¹³³.

По этой логике, российская исполнительная власть последние десять лет является сверхэффективной законодательно — практически все ее законодательные предложения находят одобрение в парламенте. Согласно данным АСОЗД, из 589 внесенных правительством за все время работы Государственной думы законопроектов (включая ратификации международных договоров) было по различным причинам снято с рассмотрения — в том числе в связи с отзывом самим инициатором и отклонением президентом — 34 законопроекта, а отклонено палатой 14¹³⁴.

Если такого рода подход — назовем его прагматическим — находится на одном краю спектра научных мнений, то на другом мы видим концепцию, согласно которой эффективность парламента состоит не столько в исполнении им своих законодательных функций, сколько в его способности сдерживать и контролировать исполнительную власть и влиять на проводимую ею политику — в том числе и законотворческими методами¹³⁵.

Может ли государство быть эффективным

Рассматривая вопрос парламентской эффективности во всей его полноте и сложности, следует учитывать следующие два обстоятельства: законотворческий процесс не ограничивается рамками парламента; и функции парламента не сводятся к обеспечению законотворческого процесса.

В целом термин «эффективность», чрезвычайно популярный последние несколько лет при описании существующих или желательных действий государственной власти, пришел в политический дискурс из экономической теории. Под эффективностью понимается такое состояние экономики, при котором уже невозможно осуществить какие-либо изменения в пользу одного лица либо группы лиц, не ухудшив положение другого лица либо группы лиц; а также входные ресурсы, которые используются наиболее эффективно (эффективность производства), а результат обеспечивает максимально возможную полезность для потребителей (эффективность распределения ресурсов)¹³⁶. Это так называемая эффективность (оптимум) по Парето — развернутый вариант понимания собственно эффективности, общепринятой обозначающей показатель выпуска товаров и услуг в расчете на единицу затрат (капитала, иных производственных ресурсов)¹³⁷.

Насколько применим этот термин в целом к деятельности органа государственной власти, не производящей никакого осязаемого продукта и использующей в своей работе ресурсы, не поддающиеся математическому исчислению? На самом общем уровне можно сказать, что плодом деятельности государственной власти в целом и ветвей ее в частности является не достижение какой-то конкретной цели, а поддержание устойчивого гражданского мира, обеспечение свободного и по возможности ненасильственного развития общества согласно тем естественным законам, по которым оно живет. Привнесение же в политический дискурс понятий, заимствованных из сферы производства и бизнеса, при всей их внешней выразительности и привлекательной простоте, является признаком линейного мышления, упрощающего те сложные явления, с которыми имеет дело политика.

Corruptissima republica plurimae leges (Чем хуже правление, тем больше законов)

Применительно к законотворчеству достаточно очевидно, что принятие большого числа новых законов с большой скоростью само по себе не является общественным благом. Более того, общественный интерес скорее состоит в поддержании, насколько это совместимо с меняющимися потребностями социума, правовой стабильности. Сама же законодательная реформа приносит элемент нестабильности в деятельность правоохранительной и судебной системы и подвергает риску безопасность экономических субъектов и граждан, от которых требуется следить за непредсказуемо меняющейся правовой средой.

На более общем уровне любое регуляторное изменение дает административным органам дополнительную возможность вмешиваться в жизнь общества. Даже новый закон об ограничении полномочий того или иного

органа власти, будь он принят, потребует дополнительных властных усилий по его внедрению, мониторингу исполнения и наказанию нарушителей. «Количественное богатство правовых положений есть признак слабости права», — заметил немецкий правовед Рудольф фон Иеринг¹³⁸. Собственно, это повторяет классическую мысль Тацита: «Ибо последующие законы, хотя и бывали порою направлены против преступников, чаще, однако, проводились насильственно, среди раздоров между сословиями, для достижения недозволенных почестей, для изгнания знаменитых мужей или в других злонамеренных целях. <...> И тут начали появляться указы, относившиеся уже не ко всем, но к отдельным лицам, и больше всего законов было издано в дни наибольшей смуты в республике»¹³⁹.

Всемирный банк в своих показателях, используемых для анализа институционального развития стран, считает частоту изменения законодательства негативным фактором при подсчете индексов верховенства права. Индексы верховенства права (rule of law index), как и показатели качества регулирования (regulatory quality) и индекс эффективности исполнительной власти (government effectiveness), составляемые Всемирным банком, показывают, что увеличение числа законов ведет обычно к нестабильности правового поля (низкий уровень верховенства права), к понижению качества регулирования и неэффективности правоприменения¹⁴⁰.

В России с 1997 по 2011 год было принято 80 новых редакций (поправок, получивших статус федерального закона) Уголовного кодекса и с 2002 года — 40 версий Гражданско-правового кодекса¹⁴¹. Как замечают российские исследователи, «законотворческая активность российских парламентариев обесценивает закон: чем больше в закон вносится редакций и правок, тем меньше он вызывает уважения со стороны как правоприменителей, так и субъектов правоотношений, поскольку уважение к источнику возникает тогда, когда в нем заложен принцип устойчивости и противостояние конъюнктуре и веянию времени»¹⁴².

Вспоминая уже цитированную мысль Монтеня о том, что «не подобает без достаточных оснований менять существующие законы», заметим, что законотворческий процесс, если не понимать его линейно, как процесс производства законов, а политически, как процесс обсуждения и согласования общественно значимых интересов в легальном публичном пространстве, куда более соответствует общественному интересу, чем механическое умножение числа новых законов.

Факторы эффективного законотворчества

В российских условиях оценка успешности или эффективности законотворческого процесса должна учитывать следующее: насколько парламент, как центральный элемент законотворческого механизма, имеет возможность осуществлять свою деятельность свободно, с минимальным количеством внешних и внутренних ограничений, с доступом к таким внешним ресурсам, как независимая экспертиза, внимание медиа, общественное мнение.

Перечисленные факторы — независимость, свобода от излишних политических и регламентных ограничений, участие внешних экспертов, транс-

парентность — являются ключевыми для достижения успешного законодательного результата. Под ним, в свою очередь, понимается принятие правовой новации, в максимальной степени отвечающей интересам всех заинтересованных сторон и не требующей немедленной корректировки и уточнения в виде очередных поправок или написания большого числа разъясняющих и сопровождающих документов.

Выделим факторы эффективности законотворческой деятельности, необходимые для сравнительного анализа деятельности парламентских созывов. Поскольку, как было сказано выше, количественные параметры к законодательному процессу малоприменимы или, будучи применены, уводят в сторону от сути процесса, качественные его характеристики будут даны в описательном виде.

Выделенные факторы эффективности законотворческого процесса являются необходимыми и достаточными, поскольку охватывают процесс на всем его протяжении и характеризуют его ключевые свойства.

Факторы будут перечислены в порядке убывания степени их влияния на ход и результаты законотворческого процесса. При этом следует учитывать, что особенность конструкции политического механизма состоит в том, что выявленные нами факторы являются взаимосвязанными и взаимообусловленными, находясь в прямой и обратной зависимости друг от друга.

Однако ключевым и первым по значимости фактором, повлекшим за собой развитие всех последующих, стало именно изменение принципов формирования законодательной ветви власти путем реформы избирательного законодательства.

При обеспечении названных условий заявленным целям — сохранению гражданского мира и поддержанию естественного развития общества — отвечает не столько сам принятый закон, сколько дискуссия по его принятию, изменению или отклонению. Вполне возможно, что по итогам дискуссии никакого нового закона принято не будет. Тем не менее отвечающий описанным критериям законотворческий процесс следует признать политически эффективным.

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

1. Репрезентативность парламента — законодательно обеспеченная возможность различным общественным силам быть делегированными в законодательный орган и наделенными законодательными полномочиями.
2. Независимость парламента от внешнего давления — наличие достаточных законодательно обеспеченных полномочий по самостоятельному принятию законотворческих решений.
3. Независимость и достаточные законотворческие полномочия депутатского объединения и депутата внутри парламента.
4. Создание парламентом пространства мирной дискуссии и легального согласования интересов по общественно значимым темам для сторон, задействованных в обсуждаемых вопросах.
5. Доступ к законотворческому процессу внешних независимых экспертов по обсуждаемым отраслям и вопросам.
6. Транспарентность деятельности парламента для медиа и гражданских наблюдателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ См., например: Политология. Изд. 2-е, доп. и перераб. Под общей ред. доктора философских наук, проф. В.С. Комаровского. — М.: РАГС, 2006. — С. 441.
- ² См., например: Кириченко Л. Защищенные урной // *Коммерсантъ Власть*, № 49 (953), 12.12.2011
<http://www.kommersant.ru/doc/1832740?stamp=634593261570998101>
- ³ См.: Баданин Р. Силовое влечение // *Коммерсантъ Власть*, № 49 (953), 12.12.2011
<http://www.kommersant.ru/doc/1832741?stamp=634593261691783216>
- ⁴ Парламентское право России: Учеб. пособие. Под ред. Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2003; Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика. Под ред. О.Н. Булакова. — М., 2005; Гаджимагомедов Г.А., Ивлиев Г.П. Участие Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности: Научное издание. — М., 2008 и др.
- ⁵ Шувалов И.И. Правительство Российской Федерации в законотворческом процессе. — М., 2004; Буратаева А.М. Парламентская модель партийного доминирования в российской политической системе: Диссертация... кандидата политических наук. — Волгоград, 2007; и др.

4. Эффективный парламент и эффективность законотворчества

- ¹²¹ См., напр.: Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного семинара, 16–17 декабря 2002 года, г. Рязань. — М.: Издание Государственной Думы, 2003; Зенин И.А. Проблемы общей теории эффективности гражданского законодательства. — М., 2003; Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. — М., 1993; Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // *Журнал российского права*. — 2005, № 4.
- ¹²² Wintgens Luc J., Thion Philippe, Carly Melanie. *The Theory and Practice of Legislation: Essays in Legisprudence*, 2005, p. 77.
- ¹²³ Соколова А.В. Количественные методы оценки влияния участников при принятии коллективных решений / А.В. Соколова // *Полития*. — 2008, № 4 (51). — С. 152.
- ¹²⁴ Исаков В.Б. Теоретические подходы к понятию эффективности закона / Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного семинара, 16–17 декабря 2002 года, г. Рязань. — М.: Издание Государственной Думы, 2003.
- ¹²⁵ См., напр.: Paul E. Sands. How Effective Is Safety Legislation? // *Journal of Law and Economics* Vol. 11, № 1 (Apr., 1968).
- ¹²⁶ Лазарев В.В. Правоприменительная практика как критерий эффективности закона / Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного семинара, 16–17 декабря 2002 года, г. Рязань. — М.: Издание Государственной Думы, 2003.
- ¹²⁷ Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» / Методология изучения эффективности действия законодательства в процессе правового мониторинга. — М.: Совет Федерации, 2008. — С. 528.
- ¹²⁸ См., напр.: Информационно-аналитический бюллетень 2000–2003 гг. Государственная Дума третьего созыва (итоговый). — Издание Государственной Думы, 2003;

и дальнейшие годы (<http://iam.duma.gov.ru/node/1>); см. также отчеты первого вице-спикера Государственной Думы, ответственного за составление и выполнение программы законопроектной работы (<http://www.cir.ru/duma/servlet/is4.wwwmain?FormName=ShowResult&QueryID=3794246&rand=7913> — Морозов; ранее — Слиска)

- ¹²⁹ См., напр.: исследование на эту тему: Remington, Thomas F. Law-making and Decree Making in the Russian Federation: Time, Space and Rules in Russian National Policy Making, (with Steven S. Smith and Moshe Haspel). — *Post-Soviet Affairs* 22:3 (2006), p. 249–275.
- ¹³⁰ См.: Volden, Craig; Wiseman, Alan E. Measuring Legislative Effectiveness in Congress / The Ohio State University, October 2008; Volden, Craig; Wiseman, Alan E. Legislative Effectiveness in Congress / The Ohio State University, March 2009; Jos'e Antonio Cheibub; Adam Przeworski; Sebastian Saiegh. Government Coalitions and Legislative Effectiveness Under Presidentialism and Parliamentarism / April 22, 2002; Padró i Miquel Gerard, Snyder James M., Jr. Legislative Effectiveness and Legislative Careers. // Massachusetts Institute of Technology, July, 2004. 22, 2002; Padró i Miquel Gerard, Snyder James M., Jr. Legislative Effectiveness and Legislative Careers. // Massachusetts Institute of Technology, July, 2004.
- ¹³¹ См., напр. работу, исследующую разницу в успешности проведения правительством своих законопроектов в конгрессе США и британском парламенте: Goodin Robert E. The Importance of Winning Big // *Legislative Studies Quarterly*, Vol. 2, № 4 (Nov., 1977), p. 399–407.
- ¹³² Volden, Craig; Wiseman, Alan E. Legislative Effectiveness in Congress / The Ohio State University, March 2009, p. 1–2.
- ¹³³ Jos'e Antonio Cheibub; Adam Przeworski; Sebastian Saiegh. Government Coalitions and Legislative Electiveness Under Presidentialism and Parliamentarism / April 22, 2002, p. 14.
- ¹³⁴ <http://asozd.duma.gov.ru/addwork/stat.nsf/ViewFed/C90387C97C097E92C32579300080CD9E?OpenDocument>.
- ¹³⁵ См., напр.: Remington. Thomas F. The Russian Federal Assembly, 1994–2004 // *Journal of Legislative Studies*. 13:1, 2007.
- ¹³⁶ Ногин В.Д. Принятие решений в многокритериальной среде: количественный подход. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. — С. 29.
- ¹³⁷ Экономический словарь / Отв. ред. А.И. Архипов. — М.: Проспект, 2009.
- ¹³⁸ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. — СПб., 1875. — С. 34.
- ¹³⁹ Корнелий Тацит. Сочинение в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения. — Книга III. 27. — Л.: Наука, 1970. — С. 93.
- ¹⁴⁰ <http://databank.worldbank.org/>
- ¹⁴¹ Данные АСОЗД.
- ¹⁴² Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / Под ред. В.В. Волкова; Примаков Д., Дмитриева А. Стабильность законодательства и законодательная политика в постсоветских и постсоциалистических странах. — М.: Статут, 2011. — С. 78.

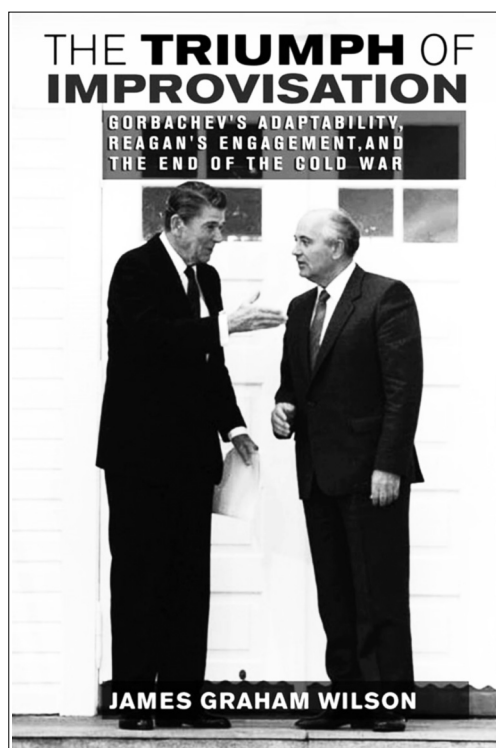
Как закончилась холодная война

James Graham Wilson, *The Triumph of Improvisation. Gorbachev's Adaptability, Reagan's Engagement, and the End of the Cold War* (Cornell, NY: Cornell University Press, 2014), 280 p.

Молодой историк, работающий в историческом управлении Госдепартамента США, Джеймс Вильсон начинает свою книгу рассказом о том, как могла начаться ядерная война. В три часа ночи 9 ноября 1979 года помощник президента Дж. Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский проснулся от телефонного звонка. Ему сообщили, что система воздушно-космической обороны Северной Америки (НОРАД) засекала двести двадцать советских ракет, летящих по направлению к США. Бжезинский попросил уточнить сообщение. Через несколько минут ему перезвонили, чтобы сообщить: на подлете — две тысячи двести ракет. Он уже собрался доложить о страшной новости президенту, но телефон прозвонил в третий раз. Ракетная тревога оказалась ложной — на экранах радаров НОРАД было пусто.

Вильсон не собирался писать исторический триллер. Его книга — результат серьезной архивной работы и опирается на достоверные факты. Для автора главным было ответить на вопрос: каким образом холодная война вместо ядерной катастрофы завершилась так внезапно и мирно, квазипартнерскими отношениями между сверхдержавами.

Эта удивительная метаморфоза породила многочисленные интерпретации. Специалисты по международным отношениям

приписывали окончание холодной войны кардинальному сдвигу в балансе сил в пользу Запада (неореалисты) и успеху глобальной системы в сфере экономики, торговли, права и неправительственных организаций — системы, основанной на либеральных ценностях (либералы), а также говорили о кардинальном изменении советских интересов и представлений о Западе (конструктивисты).

Вильсон признает важность всех этих факторов. Он напоминает читателю, что в 1980-е годы западные и другие страны с рыночной экономикой преодолели тяжелые кризисные явления и вступили в новую долгую фазу подъема (эта фаза

закончилась глобальной рецессией 2008–2013 годов). Главными двигателями роста был подъем мировых рынков, глобальный торгово-финансовый бум и революционное развитие информационно-компьютерных технологий. Одновременно в области политики логика силы уступала место логике права. Права человека в их либеральном понимании стали главным структурным моментом международных отношений. Советский Союз и его союзники в этих обстоятельствах выглядели не как «авангард прогрессивного человечества», о чем продолжала твердить пропаганда, а обреченными маргиналами. Невыгодный контраст между советским и несоединительным остро переживался на индивидуальном уровне: в 1980-е годы советский человек, оказавшийся за рубежом, испытывал громадный шок — западный консюмеризм, вожделенная западная валюта сокрушали обветшавшие основы советского патриотизма и идентичности.

Вильсон не считает, однако, что историческая победа западного либерально-демократического капитализма над советской моделью развития гарантировала благополучный исход холодной войны и триумф Запада. Этим исходом — и в этом главный вывод его книги — человечество обязано импровизации и мудрости советских и американских государственных деятелей: прежде всего Михаилу Горбачеву, Рональду Рейгану и Джорджу Бушу, а также госсекретарям Джорджу Шульцу и Джеймсу Бейкеру.

На личности и деятельности Рейгана Вильсон останавливается особо. Он отмечает версии, распространенные в США, о том, что Рональд Рейган и его помощники нашли способы подорвать советскую мощь и принудить Советский Союз к сдаче геополитических позиций. Вильсон считает несерьезной широко распространенную версию о том, что американцы убедили Саудовскую Аравию в 1985 году резко увеличить про-

изводство нефти, результатом чего был обвал нефтяных цен и потеря Советским Союзом своих валютных поступлений. Ссылаясь на данные классика истории нефтяной геополитики Д. Йергина, автор показывает, что стремительный рост добычи нефти и падение цен на нее произошли по другим причинам — в связи с дерегуляцией западных банков и тем, что нефтяные цены стали важной частью в спекулятивной динамике глобальных финансовых рынков. Рейган и окружавшие его «ястребы» действительно хотели лишить СССР нефтяных доходов, но безуспешно. То, что не смогла сделать «рука Вашингтона», сделала «невидимая рука» финансовой глобализации (р. 117).

Американский историк возвращается еще к одной популярной среди сторонников Рейгана версии: что Стратегическая оборонная инициатива (СОИ), провозглашенная Р. Рейганом в 1983 году, была решающим фактором в окончании холодной войны. Советские источники, в том числе записи заседаний Политбюро, убедительно говорят, что советское руководство было сильно озабочено этой программой. Но роль СОИ в окончании холодной войны все же иная: советско-американское противостояние начало завершаться лишь тогда, когда Горбачев преодолел свои страхи и сомнения в отношении СОИ и пошел на исторические соглашения по стратегическому и тактическому ядерному оружию с целью выхода из опасного тупика, куда вело ядерное противостояние. Можно добавить от себя, что этот вывод полностью подтверждают архивные материалы из коллекции Виталия Леонидовича Катаева, в то время секретаря комиссии ЦК КПСС по вопросам контроля над вооружениями (сегодня эти материалы хранятся в открытом доступе в Гуверовском институте в Стэнфорде).

Вильсон пишет о «парадоксе Рейгана». Ультраконсерватор по убеждениям, в

политике Рейган был прагматиком, имел чутье на людей и ощущал ход истории. Склонный к мистике, он верил, что судьба сохранила ему жизнь (во время покушения на него в 1981 году), чтобы спасти мир от ядерного Армагеддона. Вильсон показывает, что Рейган был не стратегическим гением, а скорее баловнем истории: на него работала та же «невидимая рука», которая вызвала обвал нефтяных цен и большие проблемы для Горбачева. Президент США вряд ли понимал, почему это происходит.

Первоначально Рейган — как и другие ультраправые консерваторы на Западе и диссиденты на советских кухнях — преувеличивал мощь и агрессивность советской «империи зла». Но в отличие от многих других президент не был догматиком и был готов менять свои взгляды под влиянием новой информации и мнений экспертов. Особенно много Рейган узнал из разговоров с госсекретарем Джорджем Шульцем, помощником по советским делам Джеком Мэтлоком, историком русской культуры Сюзанной Масси, а именно что СССР страдает хроническими болезнями и что баланс сил — на стороне Запада. Но он понял и другое: сами «русские» недовольны своей системой, загонять в угол и «валить» Советский Союз — опасно и безответственно. Ведя переговоры с позиций силы, нужно с уважением относиться к русским людям, их истории и культуре. Именно такая установка Рейгана и Шульца (вопреки отчаянному сопротивлению «ястребов» в администрации и конгрессе) способствовала повороту от конфронтации к соглашению.

Первый пьедестал в книге Вильсона, однако, принадлежит не американскому президенту, а генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву. Суммируя работы исследователей по перестройке и новому мышлению, Вильсон заключает, что без Горбачева не состоялись бы ни соглаше-

ния по ракетам средней и меньшей дальности в 1987 году, ни демократические перемены в Восточной Европе, ни падение Берлинской стены. Вопреки распространенному мнению очень многих критиков, Вильсон считает главным достоинством Горбачева его умение принимать смелые решения, во всяком случае во внешней политике. «Не изменения в международной экономике и технологическая революция, — заключает автор, — диктовали Горбачеву, как ему поступать. Он должен был решать это в своем сознании» (р. 141).

У тех, кто помнит нерешительность Горбачева в делах внутренних, этот вывод Вильсона может вызвать возражения. Все, что связано с историей перестройки и ее неудачами, с постепенной потерей Горбачевым авторитета и власти в стране, дано в книге пунктиром, безусловный приоритет отдается истории дипломатии, успеху переговоров, международной значимости соглашений. Все же критикам Горбачева в нынешней России будет полезно почитать авторитетную американскую оценку того, как Горбачеву удалось за пять лет превратить США из грозного противника в партнера на международной арене. Остается пожалеть, что в книге не нашлось места для Э.А. Шеварднадзе, который успешно перестроил советскую дипломатию, помог Горбачеву остановить гонку вооружений и демонтировать образ врага — два ключевых его достижения. Именно эти внешнеполитические перемены сделали возможным демонтаж сталинского наследия внутри СССР, открыли границы для советских людей, сделали возможным преодоление ксенофобии и синдрома осажденной крепости в советском обществе.

Начиная с 1989 года внешняя политика СССР принимала все более импровизационный характер, отставая от темпа стремительных перемен. Для Вильсона,

Роберт Раушенберг. Автоэмблема. 1955–1959

как и для всей англоязычной литературы, драма горбачевской «импровизации» в этот период не вполне ясна. Как мы знаем, уже в конце 1989 года Горбачев перестал быть в глазах западных партнеров лидером сверхдержавы в полном смысле слова: страна распалась, вползала в банкротство, и Горбачев, как и Шеварднадзе, отчаянно пытались отвлечь неминуемое геополитическое поражение. В конечном счете им и здесь удалось много сделать, особенно в связи с объединением Германии. Могли ли они сделать больше? Могла ли риторика новых ценностей и общеевропейского дома превратиться в политическую реальность, обеспечить СССР место в общеевропейской архитек-

туре безопасности и сотрудничества? Этот вопрос не имеет ответа, но еще будет долго беспокоить исследователей и широкую публику.

В сравнении с эпохальными заслугами М. Горбачева перед миром достижения президента Джорджа Буша и его госсекретаря Бейкера выглядят в книге Вильсона скромнее. По словам автора, «Буш и его помощники руководствовались в своих действиях ясными целями... преодолевая грандиозные политические и экономические препятствия» (р. 202). Администрация Буша рассматривала перемены, вызванные горбачевской перестройкой, через призму американских национальных интересов. Буш и его

советники не сразу поняли, что СССР терпит поражение в геополитическом противостоянии. Но, поняв это, поставили целью максимально использовать политику Горбачева и Шеварднадзе для построения прочной американской гегемонии в Европе и на Ближнем Востоке после окончания холодной войны.

Что за «грандиозные препятствия» пришлось преодолевать Бушу? Дело в том, что он не имел, в отличие от Рейгана, безграничного кредита доверия у американских консерваторов и «ястребов». Поэтому Рейгану было проще повернуть руль от конфронтации к соглашениям и компромиссам с СССР, чем его политически слабому преемнику. Дж. Буш не пользовался доверием правых республиканцев и даже не имел прочной поддержки в конгрессе. Несмотря на это, Буш и Бейкер добились, по мнению Вильсона, очень многого. Многие упрекали Буша в медлительности, чрезмерной осторожности и отсутствии стратегии. Но именно Буш смог закрепить новые геополитические реалии в Европе в интересах США, прежде всего поддержав объединение Германии и расширение НАТО на восток. Вместе с тем Буш и Бейкер продолжили линию Рейгана на уважение к проигравшему противнику, который при Горбачеве превратился в партнера. Американцы дали Горбачеву и Шеварднадзе основания считать, что изменения в Европе не угрожают интересам перестройки. Некоторые из администрации Буша (среди них был Р. Чейни) считали, что у Горбачева нет другого выхода, кроме признания конца холодной войны на западных условиях, и никаких поблажек побежденным «Советам» делать не надо. Буш и Бейкер понимали, что это не совсем так, и ценили Горбачева как партнера и друга. В 1990 году они обещали отменить дискриминационные барьеры в торговле и даже пытались сдержать тех прибалтов и украинцев, которые хотели немедленной независимости.

В то же время Буш категорически отказался предоставить советской экономике масштабную помощь. Вильсон считает это решение производным от нескольких факторов: в глазах правых в США Горбачев оставался коммунистом; многих раздражало, что Советский Союз продолжал помогать Кубе и своим ставленникам в Афганистане. Эта помощь и особенно поставки советского оружия, заключает Вильсон, «делали практически невозможным для администрации Буша обращение к конгрессу, чтобы оказать прямую помощь Горбачеву» (р. 185). Указывает Вильсон и еще одну причину: в американской столице царил неолиберальный подход к экономике в целом и к оказанию международной финансовой помощи в частности. Сторонники этого подхода в администрации и в международных финансовых институтах, таких как МВФ, считали, что вливание больших средств в экономику СССР не приведет ни к чему, пока не проведены радикальные рыночные реформы. В результате Горбачеву и его финансистам было предложено «усвоить жестокий урок капитализма». В мире, где главные финансовые потоки уже текли по рыночным, а не государственным руслам, «Советский Союз должен был конкурировать за инвестиции не только с Восточной Европой, но и с другими развивающимися странами» (р. 187).

М. Горбачев так и не смог усвоить этот «жестокий урок капитализма». Он не мог понять, почему правительства богатых западных стран отказались предоставить новый план Маршалла для спасения перестройки. Исключением из правила была Германия, благодарная Горбачеву за мирное объединение и к тому же сохранившая традиционное отношение к банкам и финансам как сфере, подконтрольной не рынку, а национальным приоритетам. Последние страницы книги Вильсона можно было бы посвятить увязке двух

процессов — окончанию холодной войны и распаду Советского Союза. Автор признает, что такая связь существовала (р. 203), но оставляет ее за скобками. Повествование заканчивается описанием советско-американского единого фронта против Саддама Хуссейна, внезапно аннексировавшего в августе 1990 года Кувейт. Контраст с первыми страницами книги, где описывалась ложная ядерная тревога, очевиден. Но благостного заключения не получается. Конец Советского Союза, оставшийся за пределами книги, вносит в ее заключения элемент недосказанности.

Партнерство с США, к которому так стремились Горбачев и Шеварднадзе, не могло быть ничем другим, как взаимоотношением между победителем и побежденным в холодной войны. В Белом доме уже было ясно, что Горбачев теряет политические позиции в своей собственной стране и от его авторитета осталась только международная составляющая, ореол миротворца и главного архитектора завершения холодной войны. Роль же главного архитектора мирового порядка — и в этом не сомневался никто (кроме разве самого Михаила Сергеевича) была закреплена за Вашингтоном. В этом мировом порядке реформированному Советскому Союзу — а затем и «демократической России» — отводилась роль куда более скромная, чем, скажем, коммунистическому, но такому рыночно-прибыльному Китаю. Бросалось в глаза и то, что в этом мировом порядке США оставляли за собой право решать, где и как использовать силу — вопреки постулатам горбачевского нового мышления.

Разумеется, можно и нужно было работать в рамках такого партнерства, и при благоприятном стечении обстоятельств оно могло стать подлинным — скажем, как между Германией и США. Увы, история распорядилась иначе. Читателю книги не могут не прийти на ум параллели между осенью 1991 года и весной-летом 2014 года, когда США организовали международную коалицию уже для того, чтобы изолировать Россию как «страну изгоя» и наказать ее за нарушение правил игры.

Книга Вильсона ценна, однако, даже без таких параллелей, ибо она показывает, что изменения в международных отношениях зависят не только от изменения соотношения сил и последовательного продвижения благородных принципов. Сдвиг от конфронтации и урегулирования, как и в противоположном направлении, происходит в результате импровизаций государственных деятелей и выборов, которые они делают. Урегулирование конфликта возможно, когда одна, более слабая сторона приспосабливается и принимает условия игры, созданные более сильной стороной. Напротив, когда слабая сторона загоняется в угол, выход из конфликта затруднен, если вообще возможен. Для тех, кто сильнее, важно избежать опьянения силой и не стать заложниками прекрасных, но абстрактных формул. Сближение с противником, понимание и уважение к другой стороне могут дать более благоприятные результаты для мира, чем давление и диктат.

Владислав Зубок

Контрапункт

СРЕДНИЙ КЛАСС В РОССИИ: 10 ЛЕТ СПУСТЯ

Российский средний класс — главная социальная опора и одновременно главная угроза существующему в России политическому режиму.

Российский средний класс консервативен, предпочитает переменам стабильность и в целом поддерживает власти; он привык к относительной прочности своего положения и высоким (по российским меркам) стандартам потребления. Он ждет от государства гарантий своих доходов и доступа к бесплатному образованию и здравоохранению. Если доходы и доступ к благам будут сокращаться, средний класс перестанет поддерживать власть.

Такие выводы можно сделать из недавно представленного большого исследования российского Института социологии РАН «Средний класс в России: 10 лет спустя» — http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10_let_sputya.html. В нем проанализированы данные опроса более чем 2000 россиян из всех регионов страны и проведено сравнение с аналогичным исследованием 2004 года.

По данным авторов доклада, российский средний класс составляет сегодня 42% населения страны, впервые за всю постсоветскую историю перешагнув планку в 40%. Однако принципиальное отличие России от западных стран в том, что российский средний класс — в большинстве своем — *работники госсектора*, а не частных компаний.

По данным Минэкономки за 2013 год, доля госсектора в экономике России достигла 50% ВВП, а доля занятых в госсекторе от общей численности экономически активного населения в 2012 году (данные Росстата) — 25,7% (эта доля растет: в 2009 году было 24,6%). Это 19 миллионов человек, значительная часть которых составляет российский средний класс.

На президентских выборах весной 2012 года Владимир Путин получил около 46 миллионов голосов избирателей, ядро которых составили госслужащие, фактически голосовавшие за него как за заботливого работодателя. Особенно довольны чиновники всех уровней, чьи зарплаты вдвое-втрое выше, чем средние по стране и по

*Владимир Рыжков,
политик, публицист*

регионам, при этом их доходы и растут вдвое-втрое быстрее, чем у остальных граждан.

Не обижены и рядовые «бюджетники». Вице-премьер правительства Ольга Голодец обещает, что зарплаты врачей, учителей, библиотекарей, работников социальных служб будут расти быстрее средних зарплат в стране в 1,4–1,5 раза. Сразу же после возвращения в Кремль в 2012 году Владимир Путин подписал «майские указы» о ежегодном опережающем повышении зарплат бюджетников, укрепляя тем самым поддержку со стороны своей основной социальной базы и одновременно пробивая огромную брешь в региональных и местных бюджетах (долги регионов постоянно растут, достигнув почти 2 триллионов рублей). На конец 2013 года средняя зарплата врачей, учителей, преподавателей вузов, научных сотрудников, социальных работников и работников культуры выросла на 10% (менее чем за год) и впервые превысила 30 тысяч рублей в месяц.

Значительно более высокие зарплаты, чем в среднем в экономике, в российских госкомпаниях и госкорпорациях. Недавно бывший министр финансов Алексей Кудрин предложил на три года заморозить повышение в них зарплаты, в том числе и в «Газпроме», чтобы снизить давление монополий на экономику страны.

Почти 20-миллионный госсектор российского общества и экономики живет лучше остальной страны и является тем самым главным бенефициаром сложившейся общественно-политической и социально-экономической системы.

Согласно исследованию Института социологии РАН, средний класс — самый довольный класс современной России: 61% его ядра (16% населения страны) довольны своим рабочим местом, 78% из них выступают за стабильность и только 22% — за перемены. Почти 40% не видит в своей жизни вообще никаких проблем (их жизнь уже удалась).

Будучи довольным своим положением и не желая никаких существенных перемен, средний класс России идеологически следует курсом начальства. Он в наши дни отвергает западные ценности и верит в особый путь России. Доля сторонников западной модели снизилась за последние годы до трети (среди остального населения эта доля заметно ниже). Интересы государства и общества важнее, чем интересы отдельного человека, а задача оппозиции — помогать власти, а не критиковать ее. Средний класс России полностью принял и официальную версию украинских событий. Российский средний класс вырос в условиях политической и экономической монополии и имеет монопольные привычки, ведя монопольный образ жизни. Социологи отмечают снижение интереса «средняков» к развитию своего «человеческого капитала», своих знаний и профессиональных навыков, к чтению художественной литературы и периодической печати. Это объясняется как прочным занятием монопольного положения каждого на своем месте, так и сломом социальных лифтов: какой смысл совершенствоваться, если это все равно не имеет шансов воплотиться в карьерном росте?

Из 60 миллионов россиян, относящихся по методике Института социологии РАН к российскому среднему классу, 22,7 миллиона — это прочное и в целом неснижаемое даже в пору кризисов «ядро». Остальные 37,3 миллио-

на россиян — это более бедная «периферия» среднего класса (бюджетники, низшие чиновники, рядовые работники госпредприятий и сферы торговли и других услуг), численность которой быстро снижается в условиях социально-экономического кризиса, как это было во время кризиса 2008–2009 годов. В итоге рейтинги доверия и поддержки Путина и партии «Единая Россия» в те годы быстро пошли вниз, вылившись в массовые протесты зимы-весны 2011/12 года.

Лоялистский и консервативный российский средний класс — порождение и опора режима правящей бюрократии и монополистического госкапитализма. Но лишь до тех пор, пока бюрократия и госкапитализм его кормят.

ПОВТОРЯЮЩАЯСЯ ВАРИАЦИЯ

Миллер Алексей. Украинский вопрос в Российской империи. — К.: Laugus, 2013. — 416 с.

Эдвард Люттвак в своем исследовании причин уязвимости новых постколониальных государств для госпереворотов и революций приходит к выводу, что *главная гарантия прочности и успешного развития современного государства — сильное гражданское общество*, на которое опираются вся общественная жизнь и собственно государственные институты*. В отсутствие значимого гражданского общества бюрократическое централизованное государство становится легкой и желанной мишенью (добычей) для любой вооруженной и решительной группировки, позарившейся на власть.

Современное национальное государство — продукт модерна, распространения всеобщего образования, массовой печати и индустриализации. Его субъект и суверен — нация, сама суть продукт национализма, широко распространившегося в Европе в XIX веке как реакция на Великую французскую революцию. Гражданское общество — способ самоорганизации и существования современных наций, как и современное национальное государство.

Но как возникает сам национализм, формирующие и развивающие его движения? Как национальная идея, зародившись сначала в нескольких головах, расширяет число своих сторонников и приводит в итоге (или не приводит) к созданию нового национального государства? Для нас, россиян, это далеко не праздный вопрос. Во-первых, Россия сама находится в непрестом процессе создания современного национального государства (исход которого далеко еще не ясен). Во-вторых, Россия окружена новыми постсоветскими государствами, которые (большинство из них — впервые) решают задачи формирования собственной национальной государственности. Большинство этих проектов развиваются как крайне проблемные, с открытым, после уже 20 лет транзита, исходом.

В-третьих, сама Россия — исключительно сложная мозаика из множества сталкивающихся и пересекающихся национализмов, идентичностей и исторических судеб. Задача формирования единой российской гражданской

* См.: Люттвак, Эдвард Н. Государственный переворот. Практическое пособие. — Русский фонд содействия образованию и науке, Унив. Дм. Пожарского, 2012.

нации (многонациональной, мультирелигиозной и мультирегиональной) сама по себе исключительно сложна и сопряжена с множеством трудностей и даже рисков. Российские власти пока привычно удерживают единство государственной конструкции с помощью традиционных имперских инструментов подкупа и репрессий. Но деньги (вообще ресурсы) и репрессивная машина — суть факторы переменные и изменчивые, а многочисленные национализмы и идентичности народов и регионов России — более устойчивые и постоянные величины. Как показывает вся российская история, любое ослабление центра (сокращение ресурсов и ослабление силовой компоненты власти) неминуемо ведет к вспышке национализма и сепаратизма на окраинах, и ксенофобии — в ядре империи.

Российская история требует самого внимательного и тщательного отношения ко всей сложности национальных, религиозных, региональных движений — на всей территории страны. Ошибки политики центра здесь имеют особенный вес. Они буквально могут поставить на кон единство и само существование России. Не сегодня — так в обозримой уже нашим поколением перспективе.

Как возникает, вызревает, распространяется и формируется потенциал победы национализма (создания своего национального государства), а также как способствуют такому успешному его продвижению ошибочная политика или отдельные ошибочные решения имперского центра, рассказывает в своем выдающемся исследовании известный российский историк Алексей Миллер на примере возникновения и развития *украинского национализма*. Это второе издание книги, впервые изданной почти 15 лет назад, дополненное более поздними статьями автора по украинской тематике. В свете глубокого украинского кризиса 2014 года работа А. Миллера, сразу же после выхода ставшая классической, приобретает еще более актуальное и важное значение.

Современной Украины и современных украинцев (не как людей, разумеется, а как политической нации и отдельного государства) могло бы и не быть, пойдя история в XIX веке другим путем. Столкнувшись с зарождением украинского национализма, начиная с 1840-х годов, в узком кругу интеллектуалов в Киеве, имперская администрация в Петербурге избрала путь запретов и репрессий (пусть и мягких по меркам следующего, XX века). Одновременно с этим была проигнорирована стратегия постепенной и мягкой ассимиляции южнорусского населения империи, предлагаемая тогда рядом пронципальных царских сановников. В результате украинский национализм набрал общественный вес, оформился в цельное движение, обзавелся более-менее общепринятыми национальным языком, алфавитом, национальной историей, аргументами в пользу своей «особенности» (отдельности как от великорусского, так и от польского этносов) — основополагающими составляющими для формирования нации, а затем государственности. XX век с его советской политикой «коренизации» и создания национальных республик, а после распад СССР довершили дело создания независимой суверенной Украины, мучительный процесс становления которой мы наблюдаем сегодня.

В частности, обладавший огромным военным, административным и политическим опытом киевский генерал-губернатор А.М. Дондуков-Корсаков видел решение проблем этой территории в мягкой ассимиляции молодой нации

(максимальном сближении южнорусского населения Юго-Западного края с великороссами) — посредством во многом естественных процессов урбанизации, индустриализации, развития рыночных отношений, распространения начального образования одновременно на русском и украинском языках (при преподавании в средних и высших учебных заведениях на русском), массовой печати и книг на русском языке. «Особая идентичность более бы не отрицалась как пережиток прошлого, украинские язык и культура получили бы определенные права, но в рамках большой русской общности, с сохранением за русским той же роли, которую играл английский в Великобритании».

Однако мягкая тактика Дондукова-Корсакова не была реализована. Верх, как чаще всего бывает в России, взяла репрессивно-запретительная логика. В итоге проект «большой русской нации» исторически не состоялся, и на карте мира появились отдельные Россия, Украина и Белоруссия.

Мы точно знаем имена отцов-основателей идеи украинской нации, украинцев — ими стали в 1840-е годы Тарас Шевченко и члены вдохновенного им Кирилло-Мефодиевского общества Н. Костомаров, П. Кулиш и Н. Белозерский. Всего в братство входили 12–15 человек. В 1847 году члены общества были арестованы и впоследствии сосланы. Царское правительство максимально стремилось избежать широкой огласки дела, опасаясь именно распространения идей братства, но идеи украинофилов продолжали жить своей жизнью и распространяться.

В 1863 году, реагируя на распространение украинофильских идей, в том числе и с элементами сепаратизма, министр внутренних дел империи Петр Валуев подписал и разослал свой «валуевский циркуляр» о приостановлении печати книг на малороссийском (украинском) языке.

Реакцией на продолжающийся рост украинофильской активности стал так называемый эмский указ Александра II от 18 (30) мая 1876 года, которым он поддержал мнение более реакционных кругов своего правительства. Указ пошел еще дальше валуевских запретов. Теперь запрещалось петь в публичных местах украинские песни, преподавать на украинском языке в начальных школах, печатать любые книги на украинском языке, ставить украинские пьесы и даже издавать ноты на украинском, ввозить украинские книги из-за границы. Указ на практике вызвал возмущение украинской интеллигенции и еще больше способствовал консолидации и развитию украинской идеи как отдельной от общерусской идеи.

Правительство в Петербурге пошло самым простым и прямолинейным путем репрессий, ограничений и запретов, во многом перечеркнув объективно идущие процессы сближения и ассимиляции и не реализовав мягкую ассимиляционную программу, которая также была в те годы на рабочем столе у властей. А. Миллер к месту цитирует самого П. Валуева, сделавшего замечание по другому поводу, но в полной мере применимое как к украинскому, так и к многим другим, в том числе современным, вопросам: «Свойственная у нас многим, и весьма многим, умственная лень постоянно предрасполагает к выбору простых и потому вообще грубых средств для достижения правительственных целей. Нет ничего проще, чем

положиться на одну силу вместо нескольких». Плохие решения приводили и продолжают приводить к плохим последствиям.

Почему в XIX, а потом и в XX веке провалился проект *большой общерусской нации*, который исторически, культурно, религиозно, политически был таким потенциально сильным на протяжении всего XIX века? Ответ на этот вопрос важен для современной России, которая пока не решила на прочной основе задачу политической и гражданской интеграции своего многосоставного сложного общества и которая продолжает управляться имперскими методами, со все возрастающей репрессивно-запретительной составляющей (та же тенденция, что и в 1870–1890-х годах — при позднем Александре II и особенно при Александре III).

Выводы, к которым пришел А. Миллер, весьма поучительны для современной России. Ключевыми факторами неудачи консолидации и интеграции стали слабость основных интегрирующих институтов — школы, армии и местной администрации. Важную роль сыграла отчужденность власти от общества, упорное сохранение самодержавной модели властвования, исключавшей широкое общественное участие, а значит, и формирование интегрирующего страну гражданского общества. Задача сохранения империи любой ценой была для Петербурга приоритетной по отношению к задаче формирования и консолидации большой общерусской (включая великороссов, украинцев и белорусов) нации. Российская бюрократия была малоэффективна как агент модернизации. «Переход властей к контрреформаторской политике в 1870-е годы, утверждение бюрократически-полицейского режима и нараставший с этого времени политический конфликт в русском обществе неизбежно подрывали привлекательность России как центра интеграционного притяжения для элит окраин империи». Многие из этого актуально и в наши дни.

Консолидация современного российского общества на общерусской националистической платформе невозможна, более того, разрушительна в силу многонационального характера населения России и его сильной регионализации. Интеграция возможна лишь на общегражданской основе, в ходе повседневных демократических общенациональных практик, делающих Россию буквально «общим делом» всех национальных, религиозных, региональных групп и сообществ (то есть буквально — «*республикой*»). Отказ же от демократических идей, демонтаж местного самоуправления и федерализма, переход к полицейско-бюрократическим методам управления по преимуществу, к политике запретов и репрессий, к подавлению гражданских организаций и инициатив — буквально повторение ошибочной стратегии имперских властей конца XIX века.

Все большее применение имперских запретительно-репрессивных методов, отторжение и даже открытое подавление деятельности гражданского общества делают Россию уязвимой для потрясений. Бюрократически-полицейский метод властвования может помочь тактическому сохранению целостности и единства государства на исторически краткий период, но омрачает наши стратегические перспективы. Прочность сложного многонационального современного государства в полной мере зависит от развития демократии и гражданского общества. Ставка же на подкуп и насилие носит временный характер, ничего хорошего нам не обещая в перспективе.

Люди стареют*

Стивен Поллард,
профессор философии
Государственного университета Трумэна,
штат Миссури, США

Располагающаяся на территории университета Трумэна скульптурная композиция изображает светильник учения, который венчает книгу знаний. Точнее, изображала: светильник исчез много лет назад. Такого рода физический вандализм чаще свойствен молодым людям. Старики несут нам более серьезные разрушения. Их вандализм в большей степени психической, нежели физической природы: они угрожают самому учению, а не только его эмблеме. Старость бывает разной. Вначале я попытаюсь охарактеризовать подразумеваемых мной «стариков», а затем рассмотрю их проступки. В частности, расскажу о некоторых антилиберальных методах, ведущих к нравственному вырождению университетских преподавателей, и подвергну такие методы критике. Сегодня профессоров в университетах вряд ли можно отнести к «проклятым земли»**. Дело не в том, что они вызывают в нас жалость или сочувствие. Я быю тревогу, потому что деморализация профессорско-преподавательского состава угрожает самой идее гуманитарного образования.

Мысль, воля, желание

Сократ в Четвертой книге «Государства» Платона утверждает, что душа человека имеет три начала. Первое позволяет нам рассуждать, исчислять и размышлять. Второе ответственно за гнев, мужество, «ярость духа», решимость и волю. Третье представляется вместилищем вожделения, вообще всех желаний и томлений. В мифологии платоновского «Федра» рациональная часть души уподобляется возничему, а пара коней в упряжке — духу и желанию. Возничий управляет колесницей. Кони везут ее. Когда душа находит свое воплощение в брэнной оболочке, возничий должен приложить усилия, чтобы обнаружить следы неизменных сущностей в разнородном потоке будничного опыта. Один из источников такого знания — это граничащее с наваждением созерцание юношей, который опьянен чувством, возлюбленного лика. Даже глаза любви различают в обожаемом образе признаки несовершенства, но так всеобъемлюще впечатление прелести, что в разуме влюбленного отпечатывается идея со-

* Stephen Pollard, (2014) «Men grow old» // *On the Horizon*, Vol. 22 Iss: 1, p.75–79.

** Отсылка к антиколониальной книге Франца Фанона «*Les damnés de la terre*» (1961; «Проклятые земли» или, в другом переводе, «Проклятьем заклеименные», по первой строке «Интернационала»).

вершенной красоты, лишённой, так сказать, всякой примеси безобразного. Со-кровище достается возничему-разуму, но только после путешествия, в котором принимают участие оба коня, дух и желание. Впервые увидев любимого, ошеломленный возничий падает навзничь от благоговейного стыда. Интеллектуальное пробуждение начинается только под воздействием страсти. Здесь содержится важный урок. Мы достигаем интеллектуального прозрения как цельные личности — вдумчивые, решительные и страстные.

Вагнер развивает эту тему в «Нюрнбергских мейстерзингерах». Мощные порывы (Triebe) ведут молодого Вальтера к благо-словенной первой любви и вдохновляют его на прекрасную песню. За Вальтера поет весна его любви. Однако жизнь, любовь и искусство — это не только огонь и цветение. В жизни есть место и трудностям, и торжеству успешного брака: «крещенье, дело, разлад и раздор». Задача в том, чтобы поддерживать огонь — а для этого требуется осмысленная решимость. Мысль порождает правила. Подлинные мастера неукоснительно следуют справедливым правилам. Они понимают, что цель правил в том, чтобы сохранить образ весны. Соперник Вальтера Бекмессер совершает тягчайший грех, пытаясь задушить правилами ту самую ценность, которую правила призваны оберегать: огонь поэзии и любви. Настоящий артистизм, повторимся, есть производное цельных людей — мыслящих, исполненных решимости и несущих в себе если не пламя, то по крайней мере свечу. Однако тройственного вмешательства мысли, воли и желания недостаточно. Случается и «зимнее извращение» поэтической жизни, при котором размышления становятся расчетом, дух — злопамятством, а страсть — алчностью. Есть предпочтительные и нежелательные пути вовлечения нашего естества в жизненный поток. Мы выбрали

предпочтительный путь, если нам удалось сохранить в себе весенний огонь и вдумчивую решимость.

В кинофильме «Угадай, кто придет к обеду» (сценарий Уильяма Роуза) госпожа Прентис считает, что Мэтт Дайтон вот-вот совершит ужасную ошибку, и все потому, что огонь в нем потух совершенно. Ее пронзительная речь в исполнении блистательной Беа Ричардс стала кульминацией драмы: «Я думаю, что мужчины стареют. И когда... сексуальные переживания перестают их занимать, они все забывают. Забывают о том, что такое настоящая страсть. Если вы когда-либо и знали чувство, что испытывает к вашей дочери мой сын, то теперь вы обо всем позабыли. Мой муж тоже. Когда-то знали, но это было давно. Теперь не знаете оба. И что странно для меня и для вашей жены — вы даже не помните. Ведь если помнить, разве б могли вы так поступать?».

Стареть, в глазах госпожи Прентис, — это страдать от психических нарушений, от амнезии и от бесчувственности, которой противостояли нюрнбергские мейстерзингеры. Старики всех возрастов применяют пустые формулы — с незамутненным сознанием и без малейшего понимания триумфов, которые может принести нам жизнь. Мэтт Дайтон в конце концов оказывается не «потухшим свечным огарком». Его можно вернуть к полной жизни. Мы, которым доверено образование молодых студентов, можем только уповать на такую удачу. А худшее, что может с нами произойти, — это превратиться в Бекмессера, душащего артистизм и свободу разума.

Существуют, возможно, области знания, не требующие от студентов страстной вовлеченности. В известном смысле это звучит утешением: нельзя согрешить против отсутствующего вдохновения. Мы, представители гуманитарных дисциплин, не можем рассчитывать на подобное уте-

шение. Учítывая, что гуманитарные занятия нередко будят в людях благородные порывы, мы имеем возможность и несем ответственность за то, чтобы такая благая страсть образовала питательную среду для богатой, плодотворной жизни. Для достижения этих целей необходимо, во-первых, поддерживать творческий огонь в себе самих. Лучшее из того, что мы можем предложить студентам, это заинтересовать их предметом, в котором заинтересованы сами. В случае с философией это, конечно, философия. В случае с химией — химия. Что есть благо в жизни человека? Каковы строительные кирпичики материи? Мы знаем, что подобные вопросы звучат для многих людей вдохновенной весенней песней Вальтера. Иные не слышат зова весны, даже когда им предоставляются для этого все возможности. Гуманитарное образование — это не свод готовых рецептов. В нем присутствует риск, изумление и удивительная возможность того, что дух пролетающего над головой гения окажется созвучен вашему состоянию. Откровение представляется более вероятным, если вы ежедневно встречаете людей, которым не чуждо это понятие. Преподаватели гуманитарных колледжей и факультетов должны быть такими людьми. Теперь мы рассмотрим некоторые течения в высшем образовании, препятствующие желаемому ходу вещей. Я определяю эти течения как «вредоносные метафоры», «смутные цели» и «никчемная интенциональность».

Вредоносные метафоры

Если и существовал когда-либо Бекмессер высшего образования, то им был тип, который впервые определил преподавание в университете как «выполнение учебного плана». В соответствии с данной концепцией преподаватели представ-

ляют собой часть системы, посредством которой высшие учебные заведения доносят курс обучения до студентов. Преподаватели — это трубы. Студенты — сосуды. Учебный план протекает по первым, вливаясь во вторые. Старику с потухшим взглядом вряд ли доступна мудрость Плутарха («Ученик — это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь»). Для профессора-гуманитария, которому посчастливилось общаться с одаренными студентами, фраза Плутарха есть движущее вещество его дней. Один из способов преподавания, скажем, философии, это создание обстановки, в которой философия могла бы родиться. Так философия становится деятельностью, в которую вовлекаются студенты. Преподаватель — это образец, проводник, партнер. Преподаватель не Бекмессер, а Ганс Сакс, помогающий Вальтеру преобразовать лесной костер в ровный огонь, что позволит ему противостоять разочарованиям, будничности и обидам, а также одерживать большие и малые победы в рутинной череде дней. Составители учебных планов ничего об этом не знают. Впрочем, в заслугу им нужно поставить хотя бы то, что они позволяют «трубам» нести в себе вещество, которое трубам по вкусу. Иными словами, можно предположить, что учебный курс философии включает в себя некую долю философии. Трубам это нравится, однако их ожидает неприятный сюрприз. Учебные планы — пережиток прошлого. Теперь нам предстоит служить проводниками «передаваемых навыков».

Смутные цели

Подчеркивать значение навыков — это вовсе не плохо. Обладающие навыками люди деятельны: они не просто сосуды. Больше того, следует надеяться, что

Холл университета

облеченные ответственностью передавать навыки преподаватели и сами будут деятельны в процессе преподавания. Образовательная система, нацеленная на передачу навыков, в лучшем случае состоит не только из труб. Отлично. Но если задаться вопросом, может ли гуманитарное образование вообще процветать при системе «передачи навыков», то огромное значение приобретает существо передаваемых навыков. Я приведу пример желательных с моей точки зрения результатов обучения. Древнегреческим философам мы обязаны революционным прозрением: ввиду того что космос — это строго упорядоченная

система, мы, человеческие существа, способны использовать рисунки и закономерности в природе для объяснения природных явлений. Первые естествоиспытатели не слишком ясно представляли себе, как следовать логике таких объяснений, однако с тех пор человечество прошло немалый путь. Одно из наших величайших сокровищ — это изощренная способность проводить исследования, которые позволяют людям развивать стройные, а подчас и неуязвимые теории. В этом смысле *объяснение* не тождественно простому описанию или разъяснению. Это ответ на вопрос «почему», ведущий к пониманию места того

или иного явления в системе законов мироздания. Помочь учащимся обрести навык проведения различий между подобным *объяснением* и пустой болтовней — вот одна из достойных задач для всякого профессора. Надо было надеяться, что эта цель найдет отражение в списках «учебных целей для вузов», особенно в списках длинных и претенциозных.

В Квалификационном профиле ученой степени (см. http://degreeprofile.org/advance/publication/The_Degree_Qualifications_Profile.pdf) перечислены 60 учебных целей для колледжей и университетов. (В действительности, речь идет о двух «профильных» списках. В первом названы 58 «целей образования», во втором — 55, две из которых не обозначены в первом списке.) Несмотря на то что в документе восемь раз встречается слово «объясняет» и один раз — «объяснение», заслуженное понятие научного объяснения или истолкования в нем блистательным образом отсутствует. Наука, таким образом, неотличима от «искусства, общества, общественных услуг, экономической жизни или технологии». Во всех дисциплинах присутствуют «проблемы», выискивающие «исследовательских» методов, которые могут привести или не привести к «разрешению проблемы». Сертифицированный в соответствии с «квалификационным профилем» студент — это человек, который «осознает значимость проблемы в социальном или общемировом контексте». На более высоком уровне «образовательного процесса» студент «в рамках эссе или проектного задания вычленяет, адаптирует, переформулирует и применяет принципиально важные идеи, навыки и методы, находящиеся на передовой его или ее научных интересов». Из этого, наверное, следует сделать вывод, что студенты, занимающиеся наукой, должны понимать науку. Вот разве что здесь ни слова не сказано о том, что

понятие научного объяснения — истолкования — полезно для любого студента, причем, к вящему удивлению некоторых, настолько же, насколько вычленение основных методов и закономерностей. Как я уже говорил, склонность к научному истолкованию поможет учащимся отделить озарения от чепухи. Но и больше. Осознание того, что физическим миром управляют доступные нашему пониманию законы, ведет к чудесному приятию нашего места в космосе. Даже если мы всего лишь кучка высокоразвитых обезьян в неприметном углу неприметной галактики, мы тем не менее можем сообщить вселенной знание о самой себе — стать средством, благодаря которому вселенная познает себя. Такая догадка может придать жизни больше смысла, чем осознание значимости проблемы или вычленение основных методов и закономерностей.

Пусть и рискуя навлечь на себя неудовольствие некоторых из моих коллег, я должен предостеречь начальников от образования: превознося вычленение основных методов, вы и получите «вычленение основных методов» в качестве результата «образовательного процесса». Гуманитарное образование — сложная вещь. Оно требует воображения, поэзии и огня. Оно требует разума, оживленного духом и желанием. По сравнению с истинными целями гуманитарного образования простыми покажутся даже самые изощренные планы высокопоставленных склеротиков. Для повторения заученных, пустых формул не нужно ничего кроме холодного расчета. (Из личного опыта я знаю, что о «вычленении основных методов и закономерностей» можно писать вполне гладко, не имея о предмете ни малейшего представления.) В круговерти «крещения, дел, разлада и раздора» нам, университетским преподавателям, и без того тяжело затыкать рот внутреннему

Бекмессеру: искушающие нас голоса твердят, что муки прекратятся, если дать образу весны потускнеть. Ректорам, проректорам и деканам не следует вводить нас в искушение.

Никчемная интенциональность

Пол Гастон, один из авторов Квалификационной модели ученой степени предлагает весьма обтекаемую дефиницию целей данного документа: «Мы утверждаем, что высшее образование должно преследовать ясные цели обучения, а высшие учебные заведения — ясно осознавать пути достижения учащимися поставленных целей» (http://degreeprofile.org/the_need.php).

Наверняка каждому человеку хотелось бы поделиться с другими своим великим озарением или бесценным опытом. В этом одна из причин того, что университетские ученые обожают составлять списки предметов, обязательных для усваивания. Я и сам поддался искушению несколькими фразами выше. Было бы, конечно, странно, если бы преподаватели не знали, какую пользу могут принести студентам их лекции и семинары. Не менее странно, если колледж не излагает конкретные цели предлагаемого в его стенах курса. Однако формулирование учебных целей может завести нас слишком далеко — как в случае с упомянутой Квалификационной моделью. Такая модель обращена к светлому дню, когда студенты, вооруженные раз и навсегда установленными программами обучения, будут поступать в университеты с абсолютным знанием того, что им хочется изучать. Обратимся к тексту документа: «Можно представить себе, как поступивший в колледж студент подписывает воображаемое соглашение, в котором говорится следующее: «Я прочитал и понял описание результатов обуче-

ния в контексте искомой ученой степени и соглашаюсь уделить для ее получения все необходимое время, энергию, свои организаторские и творческие способности». Всеобъемлющее соглашение об обучении должно стать, таким образом, неотъемлемой частью всякой квалификационной программы, ведущей к получению диплома о высшем образовании» (см. http://degreeprofile.org/advantage/publication/The_Degree_Qualifications_Profile.pdf).

Не исключено, что некоторые студенты в подробностях представляют себе программу своего обучения еще до того, как переступают порог университета. Однако такая практика вряд ли уместна в лучших американских гуманитарных колледжах. Вот несколько слов с веб-сайта Карлтон-колледжа: «Учащиеся Карлтон-колледжа заявляют о своей магистерской специализации в весеннем семестре второго года обучения. Более ранняя специализация не допускается. Почему? Мы ожидаем, что по меньшей мере часть времени в течение первых двух лет обучения вы используете для ознакомления с различными дисциплинами, которые составляют основу гуманитарного образования. Достоин удивления то, как часто, во время первых курсов обучения, меняются интересы студентов при столкновении с новыми предметами и областями знания! Мы стремимся к тому, чтобы учащиеся первого года могли посвятить должное время поиску себя и опытному исследованию предлагаемого в колледже разнообразия курсов» (http://apps.carleton.edu/campus/doc/advising/information/faq_id=105577).

Трепет изумления, самопознание, ощущение, будто вам «срезали макушку» (как сказала о поэзии Эмили Дикинсон), — таковы свойства гуманитарного образования, которые не удастся объяснить посредством контракта или «всеобъемлющего соглашения об обучении». Поклонники «Парней и куколок» Фрэнка

Луссера* узнают в Квалификационной модели сестру Сару Браун. Как узнаешь ты, Сара, что пришла твоя любовь? «Не тревожься, — отвечает Сара, — я узнаю суженого, ведь я вообразила себе каждую его частичку, его строгие нравы и ум... и так вплоть до медового аромата от его трубки». Скай Мастерсон придерживается более либерального плана. «Моя любовь придет нечаянно. Я оставлю ее на волю случая и взаимного влечения». Разумеется, не все в гуманитарных колледжах предоставлено воле случая. И все же, несмотря на правила, здесь всегда должно быть место для нарушения планов, для сюрпризов и для неожиданности внезапного влечения. Как-то после занятия по логике ко мне подошел студент: «Я и не знал, что на свете есть такие вещи!» Таковы итоги преподавания, нацеленного на развитие пылливости и на поиск откровения. Об этом, пожалуй, стоит помнить тем из нас, кто пытается сохранить в себе образ весны.

Заключение

Платон и Вагнер учат нас, что мастерство и озарения присущи цельным личностям, способным хранить в себе и выказывать благородные страсти с осмысленной решимостью. Вагнер, несмотря на все иконоборчество, осознавал, что живым людям в жизненных ситуациях требуется помощь верно примененных,

справедливых правил. Размышления на эту тему помогут в выработке неких правил, которые могут оказаться полезны для «инженеров системы образования». Откажитесь от вредоносных метафор. (Вы ведь не хотите, чтобы преподаватели и вправду считали себя «трубами».) Сосредоточьтесь на истинных целях. (Сложно и представить себе, насколько низко в списке сокровищ гуманитарного образования стоит «вычленение основных методов и закономерностей».) Желайте всего нечаянного. (Евгеника так же вредна для высшего образования, как для размножения человеческого рода.) Вкратце, черпайте силу из собственных воспоминаний о весне и отгоните вандалов от факела учения. Если дать вандалам волю, то старики продолжат плодить стариков. Подражатели — плодить подражателей. Гуманитарное образование подразумевает, что студенты будут следовать путями величайших творений человеческого духа с провожатыми, которые и сами деятельно ищут озарений, понимания и вдохновенного выражения. Послание учащимся звучит так: «Мы такие же люди. Давайте заявим о своих правах. Присоединяйтесь к эстафете!» Несите эти слова с внутренней убежденностью — поставьте вандалам заслон. Адрес электронной почты автора: spollard@truman.edu

*Перевод с английского
Марка Дадяна*

* Американский мюзикл 1950 г.

CONTENTS

SEMINAR

- Economy and Politics in Search of Balance
Alexei Kudrin 5
- Lessons of Civic Pragmatism
Svetlana Makovetskaya 21

THEME OF THE ISSUE

- Historical Memory and the Special Way
Boris Dubin 36

CHALLENGES AND THREATS

- Paradoxes of “Soft Power” in Russia
Tatiana Kastueva-Jean 42

CONCEPT

- Corruption: Is it “Vanquishable”
in One Select Country?
Vladislav Inozemtsev 54

DISCUSSION

- On Patriotism
Rodion Garshin 65

RULE OF LAW

- What Does it Mean to Live
in a Federation?
Miguel Beltran 72
- Scandinavian ombudsman
Arne Fliflet 81

A VIEWPOINT

- Truth and Verity at Court
Serguei Pashin 86

SCIENCE AND SOCIETY

- Limits of Information Protection
Georg Apenes 95

CIVIL SOCIETY

- Civic Education and Civic Nation
Alexander Sogomonov 100
- School and the City: “Parental Strategies”
and Civic Practices
Tatiana Shmankevich 112

IDEAS AND CONCEPTS

- Outcomes of the Demographic Transit
Anatoly Vishnevskiy 120

HORIZONS OF UNDERSTANDING

- An Economic Theory of the Law
and Optimization of the State
Alexander Auzan 130

PERSONAL EXPERIENCE

- Are English Courts Independent?
Marcia Levi 140
- A Story of How The Poles Help
Civil Society in Tajikistan
Martyna Kwiatkowska,
Martyna Mihalik 151

ANNOUNCEMENT

- Lawmaking as a Political Process
Ekaterina Schulman 155

BOOKS

- How Did the Cold War End?
Vladislav Zubok 167
- Counterpoint
Vladimir Ryzhkov 173

NOTA BENE

- Men Grow Old
Steven Pollard 179

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

СЕМИНАР

(Голицыно, 27 июля – 2 августа 2014 г.)

Наши авторы:

Анатолий Адамишин

Александр Аузан

Владимир Войнович

Кармен Диас-Ролдан

Кишиштоф Занусси

Андрей Захаров

Алексей Макаркин

Владимир Рыжков

Георгий Сатаров

Александр Согомонов

Мона Тоусен

Максим Трудолобов

Джеффри Хоскинг

Ютта Шеррер

Екатерина Шульман

Подписано в печать 17.11.2014.

Формат 70×108/16.

Печ. л. 11,75.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Московская школа
гражданского просвещения
127006 Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.su>

ISBN 978-5-91734-045-6